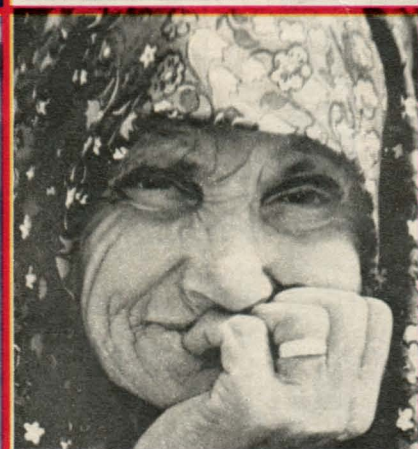

РАБОТНИЦА

ISSN 0131—8047

11/87

1917-
1987

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал Комитета советских женщин и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов

Основан 8 марта 1914 года

НОЯБРЬ 1987

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В НОМЕРЕ:

Размышления публициста ЖИВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	2
Поэтическая тетрадь	7
Родные мои и близкие МЫ — ОТ ОБЩЕГО КОРНЯ	9
Октябрьский календарь ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ	10
НАКАНУНЕ	12
Личное мнение ДУХ КРАСНОЙ ПРЕСНИ	13
Проблема ОПЯТЬ СУББОТА БЕЗ МАМЫ	15
«РОСА НА ЛОТОСЕ»	18
Домашний калейдоскоп	
Что может женсовет ПРАЗДНИКИ В ВАЛГЕ	21
Рассказ ГЕНЕРАЛЬША	22
КТО НАЙДЕТ ТОЧКУ ОПОРЫ	26
Чрезвычайное происшествие ТРЕВОГА	28
ВРЕМЯ И СЕМЬЯ	31
«Школа супружества» СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?	34
Мода и мы КОНСТРУКТОР ВАРСТ	37

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПУБЛИЦИСТА

ОРУЖИЕМ МЫ ДОБИЛИ ВРАГА
ТРУДОМ МЫ ДОБУДЕМ ХЛЕБ
ВСЕ ЗА РАБОТУ ТОВАРИЩИ.

ЖИВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Время бросает нам вызов. Оно словно спрашивает: на что ты способен, социализм? Ну-ка, покажи. Мы ответили апрельским Пленумом ЦК КПСС, XXVII съездом партии, сотнями и тысячами больших и малых дел, названных одним именем — перестройка. Задуманное, намеченное, разработанное столь значительно, что рядом с понятием «перестройка» мы ставим самое дорогое для нас — «революция». В таком соединении — не только констатация величия задачи, но и колоссальная ответственность. Шутка сказать, взять на себя смелость оценивать такие будничные свои дела мерками самого выдающегося события XX века, открывшего новую эру в жизни человечества. А как же иначе, если наши дела — естественное продолжение события всемирного значения? Оно тоже, между прочим, складывалось из будней, не воспринимавшихся многими его участниками героическими и великими. Во всяком случае, в те часы и минуты, когда надо действовать и только действовать.

Не станем обманывать себя: далеко не каждый из нас, не кривя душой, честно, даже в планах, даже в мечтах поставит великое понятие «революция» рядом с такой обычной, порой суматошной и неустроенной собственной жизнью. Но о том, что такая потребность имеется, свидетельствует, в частности, рост общественного интереса к отечественной истории. Кстати, он всегда отмечается у любого народа в переломные и самые трудные периоды жизни. Так было во время Великой Отечественной, то же видим мы и сейчас.

Чтобы пройти школу истории, человеку важно перевести ее на язык жизненных уроков, иначе как соединишь прошлое с нынешними заботами, проблемами и про-

тиворечиями. Поэтому так нужна моему современнику живая история его страны, живая революция, без которой его судьба сложилась бы иначе. Каждый, у кого есть потребность в таком поиске, делает это по-своему, пытается найти общее в событиях, разделенных семью десятилетиями, как бы наложить прошлое на сегодняшние раздумья, сомнения, тревоги и надежды, пытается представить себя нынешнего если не «там», то рядом с теми, кто все видел своими глазами, все пережил, переживал... Но чтобы дать импульс и четкую направленность фантазии, требуется сильный раздражитель. У меня давно такой есть. Документ, занимающий две неполные книжные страницы. Но я не знаю другого, который позволил бы так остро и по-житейски конкретно ощутить «поводье чувств» и неимоверную концентрацию воли реального, живого человека в горниле главного события нашего столетия.

А дальше я предлагаю читателям совершить небольшое путешествие по маршруту, по которому сам прошел не раз.

...Ничем внешне не примечательный дом. И подъезд самый обычный.

О. КУПРИН

Поздний вечер. Поднялся на четвертый этаж, никого на лестнице не встретив. Поставил у квартиры. Прежде на входной двери висел другой номер — 41. Дверь закрыта, но мне туда не надо, бывал много раз. На календаре шестое ноября. По старому стилю 24 октября. Посмотрел на часы. Примерно в это время распахнулась дверь. Вышли двое. Один с перевязанной щекой, в старой кепке. Ленин. Последуем за ним и мы — с последней нелегальной квартиры в Смольный (в материале «Накануне», помещенном в этом номере журнала, подробно, по воспоминаниям секретаря Ильича М. В. Фофановой рассказывается о событиях, происходивших там незадолго до вооруженного восстания. — Прим. ред.). О чем он думал в те минуты, нетрудно догадаться, поскольку все это он выразил в документе — «Письме членам ЦК».

«Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изю всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске...

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!...

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все».

Мы говорим: психологическая перестройка. Что это, как не слом старых настроений, как не замена благодушия, пока натиском разбуженного беспокойства? Почитайте последние партийные документы. Разве не чувствуется в них то же эмоциональное состояние? «Нельзя ждать!! Можно потерять все!!»

24 октября были убежденные сторонники повременить, не торопиться. И не где-нибудь, а в главном штабе революции. Троцкий убеждал дожидаться съезда Советов, после его решений, дёскать, свержение Временного правительства перешло бы из разряда вопросов политических в разряд полицейских. Утром 24 октября

К. М. АНТОНОВ. Музыка революции.

Ленин наверняка прочел в газете «Рабочий путь» статью Сталина, в которой тот призывал: «Встаньте все поголовно как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов, который открывается завтра в Смольном». Опять-таки: доживем до съезда, а там уж...

Сегодня или завтра, не все ли равно? Нет, не все равно! «Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство... Нельзя ждать!». Сколько энергии, убежденности и «бешеной страстности» в двух восклицательных знаках. Это сегодня мы планируем перестройку по годам и пятилеткам. Тогда счет шел на минуты и часы. Но даже тогда не все осознавали (вольно или невольно), что динамизм, высочайший темп, решительность преобразований — непреложные законы революции. А сегодня? Ответ на этот вопрос можно найти в любом номере «Правды».

О том, как Ленин добирался до Смольного, известно по воспоминаниям Э. Рахы, сопровождавшего Владимира Ильича. Так что нетрудно повторить тот исторический путь по знакомым ленинградским улицам.

Конечно же, Ленин спешил. Ему повезло. Через десять минут он и его спутник сели в трамвай, шедший в парк. Остановка и сейчас примерно на том же месте. Я ехал в трамвае по тому же маршруту и тоже в пустом прицепном вагоне. Вагон был новенький, рижского производства, еще пахнувший свежей краской. Он ничем, естественно, не напоминал старый. В старом, например, не было динамиков, с помощью которых вагоновожатый мог беседовать с пассажирами. На сей раз он, забыв о многочисленных, вероятно, инструкциях, целый перегон между остановками внушал трем пассажирам в головном и мне одному в прицепном, что в трамвае соблюдают чистоту, не плюют на пол, не дерут глотку даже накануне праздника и уж тем более «не применяют холодного оружия к беззащитной социалистической собственности». Именно так он сказал. Хотя прошло с тех пор несколько лет, помню гневную, злую интонацию, с которой все это произносилось. И причину столь неожиданного монолога понял: одно из новеньких кресел кто-то жестоко изрезал ножом.

Тираду о «беззащитной социалистической собственности» я записал в блокнот. Как точно и жестко сформулирована была одна из самых главных бед того застойного времени — фактический отрыв социалистической собственности от тех, кому она должна по праву принадлежать — народу, всем и каждому, любому конкретному человеку, а не трамвайному, например, ведомству. Если говорить о заводе — трудовому коллективу, работающему на нем, а не министерству. Если говорить о земле — земледельцам.

День 24 октября дал не один пример робости революционеров в минуты и часы, когда нужны были наивысшая активность, отчаянный риск, самоотверженность. Зато через десять с лишним лет с избытком хватало безоглядности в решении вопросов, требовавших осторожности и такта, — имею в виду прежде всего годы коллективизации. Недаром июньский партийный Пленум 1987-го призывает учиться у Ленина искусству конкретного анализа конкретных ситуаций, диалектике управления, диалектике перестройки, искусству противоречивому и сложному. И не зря в праздничном обращении ЦК нашлось место горьким строкам: «Дорогой ценой пришлось расплачиваться за отступление от ленин-

ских принципов и методов строительства нового общества, за нарушения социалистической законности, демократических норм жизни в партии и обществе, за волюнтаристские ошибки, за догматизм в мышлении, инерцию в практических действиях».

Сегодня с обостренным вниманием перечитываются произведения В. И. Ленина. Так хочется знать, что стоит за каждым произнесенным или написанным им словом, чтобы воссоздать, представить противоречивую нашу историю как живую жизнь, как столкновение воли и характеров, предрассудков и заблуждений, интуиции и твердой убежденности, как противоборство точек зрения — всего, что можно назвать психологией революции. Знать не из праздного любопытства, нет. Например, чтобы понять и пережить самому тревогу Ленина за судьбу революции, так явственно звучащую в его письме, и чтобы задуматься над нашей сегодняшней тревогой за судьбу перестройки.

Примерно в то же время, когда Владимир Ильич ехал на трамвае, а затем шел пешком через Литейный мост, по Шпалерной улице в Смольный, туда же из Зимнего дворца, снаедаемые совсем иными заботами, спешили лидеры меньшевиков и эсеров Дан и Гоц. В Зимнем они пытались уговорить Керенского срочно отпечатать и расклеить по городу объявления о передаче земли в ведение земельных комитетов, о принятии немедленных мер к прекращению военных действий. Они не скрывали, что все это нужно для «перелома настроений масс». Немедленно. Безотлагательно. Ну, а потом провести «необходимые репрессии». Предатели тоже не были профанами в социальной психологии.

Если бы Керенский согласился, то можно себе представить, чем обернулась бы оттяжка вооруженного восстания всего на один день. Плюс к этому к Петрограду могли подтянуть верные Временному правительству войска, а то и просто умышленно открыть фронт и сдать город немцам. О такой возможности заранее предупреждал Ленин. Но он догадывался еще и о другом — о настроениях не только противников, но и единомышленников в те рубежные часы и минуты 24 октября.

Вот что писал участник событий А. Ломов: «Днем и вечером в Смольном чувствуется какая-то нерешительность: ни мы, ни Керенский не рискуем встать на путь окончательной схватки. Мы выжидаем, опасаясь того, что наши силы еще недостаточно подобрались. Какая-то нерешительность чувствуется у нас в ЦК... Настроение какое-то выжидательное, словно еще что-то должно произойти, после чего и начнется настоящее восстание... Настроение такое, что, пожалуй, надо немного погодить, как бы не зарваться».

Не потому ли так резок Ленин в своем письме членам ЦК: «...безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит спасение революции...» И заканчивая письмо все той же тревожной фразой: «Промедление в выступлении смерти подобно».

Конечно же, 70 лет назад многое было иным, нежели сейчас, но одно дает себя знать, пожалуй, сильнее, чем в те времена, — настроение выжидания, нерешительность. И советы «немного погодить», и боязнь «как бы не зарваться» еще прочно сидят в головах многих руководителей, и не только руководителей.

Но продолжим наше путешествие. Не без труда и приключений попал Ленин в Смольный. В ожидании соратников за-

шел в комнату рядом с актовым залом, сел на стул у стола. Вскоре там же появились трое, среди них Дан. Он примчался сюда из Зимнего, чтобы попытаться убедить членов ЦИК не брать оружие в руки. Ему это в конце концов удалось после того, как большевистская фракция покинула заседание. А в тот момент он и его друзья решили перекусить, начали раскладывать хлеб, колбасу, сыр. И вдруг узнали Ленина, сидевшего у противоположного конца стола. Смутились. Собрали свою снедь и, как настиганные, вышли в актовый зал. Очевидец этой сцены Э. Рахья так и написал: «как настиганные». И Дан и его соратники, вероятно, многое поняли в ту минуту.

А Ломов рассказывает, что произошло потом: «Сразу в течение нескольких минут обстановка меняется. Ленин кипит и бурлит. Он издевается над нашей нерешительностью... С этого момента колебаний и осторожности как ни бывало...» Вот вам урок революционной психологической перестройки.

Через пятнадцать минут после полуночи, уже 25 октября, открылось экстренное заседание ЦИК, на котором Дан заклинал не трогать Временное правительство. В 1 час 25 минут матросы, красногвардейцы и солдаты заняли Главный почтамт, в 2 часа ночи — Николаевский и Балтийский вокзалы, в 3 часа 30 минут крейсер «Аврора» бросил якорь у Николаевского моста, к Зимнему дворцу поднялись броневики. К 6 часам утра занят Государственный банк, к 7-ми от Дворцового моста отброшены конкеры.

Не меньшевики с эсерами, а Ленин добился перелома в настроениях и руководителей восстания, и масс. Великое дело обрело настоящий революционный темп. Вся подготовительная работа, дебаты, обсуждения кончились. Наступил ответственный момент, когда нужно действовать и только действовать. Как важно нам сегодня ощутить настроение тех дней, потому что нынешняя перестройка переживает аналогичный момент. Непросто это сделать. Десятилетиями, отмеченными отступлением от ленинских принципов строительства нового общества, в порядке самозащиты тщательно ограждали нас от живой революции, от ее динамичной психологии, пронизанной ленинским революционным духом.

В августе 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О романе Мариэтты Шагинян «Билет по истории», часть I «Семья Ульяновых», в августе 1947 года Секретариат ЦК ВКП(б) — постановление «О книжке С. Гиля «Шесть лет с В. И. Лениным». Эти постановления установили такой порядок издания книг о Ленине, который затормозил выпуск научных работ, воспоминаний и художественных произведений о Ленине и фактически привел к запрету некоторых из них. Из открытых фондов библиотек изъяли более 600 произведений разных жанров о Ленине, в том числе некоторые воспоминания Н. К. Крупской.

Постановления 1938 и 1947 годов были отменены в октябре 1956-го как ошибочные и в корне неправильные. Произошли значительные изменения в издательском деле. Но последовавшие затем годы застоя по природе своей были враждебны динамичной, наступательной психологии революционных преобразований. Косность мысли несовместима со смелым обнажением противоречий жизни, с бешеной страстностью в поисках путей их разрешения. Свидетельство тому, например, печально известная история телефильма «Штрихи

к портрету В. И. Ленина». И сегодня цитировать воспоминания А. Ломова, столь важные для понимания психологического перелома в штабе революции в ночь на 25 октября, мне приходится по малому кому доступной научной книге, изданной в 1964 году мизерным тиражом — 2500 экземпляров.

Время бросает нам вызов. Наступил момент конкретного ответа, конкретного выбора. По тому, как пойдет перестройка, весь мир станет судить не только о тех, на чьи плечи она легла, но и о новом строе в целом, о новой общественной формации, родившейся 70 лет назад. Мы, сегодняшние, ответственны и перед поколениями, работавшими и боровшимися до нас. В истории и в буднях все удивительно взаимосвязано. Помню, в трамвае, когда ехал от последней подпольной квартиры Ленина к Смольному, вагоновожатый объявил:

— Метро «Лесная». Следующая остановка — улица Александра Матросова.

Экстремальная историческая ситуация, что выпала на долю поколения Александра Матросова, тоже в какой-то степени сродни нашей, нынешней. Через четыре с лишним десятилетия оно дает нам урок самоотверженности. В день, когда писались эти строки, газета опубликовала беседу с академиком А. Аганбегяном о многосложности современной нашей экономической обстановки. В заголовке стоял девиз защитников Москвы 1941-го и сталинградцев 1942-го — «Отступать некуда».

Любой крутой поворот в жизни общества не бывает простым, не проходит безболезненно, без борьбы. Поэтому партия обращается к мужеству советского народа. Ломка закостенелых форм, методов, привычек дается нелегко. За перестройку надо бороться, перестройку надо защищать. Здесь нужны упорство, твердость, принципиальность. Требуется и характер, и самоотверженность. Требуется революционная ленинская бескомпромиссность в критический момент.

«Теперь надо все воплотить в жизнь», — говорил М. С. Горбачев на июльской встрече с руководителями средств массовой информации и творческих союзов. — А это значит, миллионы, десятки миллионов людей будут участвовать в огромнейшем деле. Это же настоящая революция, в том числе — в умах, в мышлении, в подходах к делу. А, как известно, Ленин предупреждал, что с революцией шутить нельзя, нельзя играть в революцию. Если уж мы взялись за нее, то надо вести дело по-настоящему, с огромным чувством ответственности и понимания того, что промедление в реализации теперь уже решенных вопросов — определенных, выработанных нашей программой перестройки — смерти подобно».

Как современно звучит ленинская формула из знаменитого письма, не правда ли? И не случайно, конечно. Все, что мы делаем сегодня, — прямое продолжение дела Великого Октября, наш ответ на исторический вызов времени.

* Здесь и ранее факты и некоторые цитаты приведены по книге «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Материалы Всесоюзной научной сессии, состоявшейся 13—16 ноября 1962 г. в Ленинграде» (изд. «Наука», М., 1964).

ЯЗЫКОМ СТАТИСТИКИ

* В 1986 году в СССР насчитывалось 147,9 млн. женщин, что составляет 53 процента общей численности населения

* В Верховном Совете СССР (по выборам 1984 года) 492 женщины-депутата, то есть 33 процента общей численности депутатов. Для сравнения: в США в составе конгресса 99-го созыва 24 женщины, или 4,5 процента всех конгрессменов.

* В 1986 году среднегодовая численность женщин — рабочих и служащих — составляла 60 300 тысяч — 50,9 процента общей численности рабочих и служащих.

* По данным 1985 года, в СССР насчитывалось 20 166 тысяч женщин — специалистов с высшим и средним специальным образованием, что составляет 60 процентов общей численности таких специалистов по стране. В общем числе научных работников женщины составляют 40 процентов. Для сравнения: в США, по последним данным, женщин в общей численности инженеров — 6,7 процента, научных работников — 13 процентов.

* В 1985—1986 годах среди студентов высших учебных заведений нашей страны женщин было 55,4 процента — больше, чем в какой бы то ни было развитой капиталистической стране. В Японии высшее образование является мужской привилегией.

* Расходы по Государственному бюджету СССР на выплату пособий по беременности и родам, многодетным и одиноким матерям, на рождение ребенка, по

уходу за ребенком до одного года и на детей малообеспеченным семьям составляли в 1985 году 4 938 миллионов рублей (для сравнения: в 1970 году — 1 301 млн., в 1980-м — 2 624 млн. рублей); а с учетом расходов на те же цели средств государственных, кооперативных, профсоюзных, других общественных организаций и средств колхозов сумма составляет 5,4 миллиарда рублей.

* Расходы по Государственному бюджету СССР на обслуживание детей в детских домах, яслях, садах, яслях-садах, пионерских лагерях и учреждениях по внешкольной работе с детьми в 1985 году составляли 8 825 миллионов рублей. Для сравнения: в 1970 году эта сумма составляла 4 298 млн., в 1980-м — 7 261 млн. рублей.

* Женских консультаций в 1985 году в СССР насчитывалось 11,1 тысячи (в 1970 г. — 9,7 тыс., в 1980-м — 10,4 тыс.). Для информации: в дореволюционной России было всего 9 консультаций, обслуживающих женщин и детей.

* Расходы на народное образование и воспитание детей в 1985 году по стране составляли 38 556 миллионов рублей (в 1983 г. — 34 847, в 1984 г. — 36 595 миллионов рублей).

* Сегодня постоянные дошкольные учреждения в СССР посещают 16 миллионов 140 тысяч детей. На конец 1985 года постоянных дошкольных учреждений было 140,1 тысячи. Из общей суммы затрат на их содержание родители оплачивают только 20 процентов, остальное возмещается государством.

* «Женщины в СССР. 1987. Статистические материалы». Изд. «Финансы и статистика», М., 1987 г.

К. С. ПЕТРОВ-ВОДКИН. Весна.

«ЗДЕСЬ ОТКРЫЛАСЬ МНЕ ОТЧИЗНА...»

Эди ОГНЕЦВЕТ

СТРАНА С ОЗЕРНЫМИ ОЧАМИ

Ты смотришь синими очами,
Страна озер, страна лугов.
Недаром кличут васильками
На Беларуси пареньков.

Звенят криницы, как цимбалы,
Тропинки светятся в лесах.
Поля, пригорки, перевалы —
Просторный шлях, далекий шлях!

Страна отваги партизанской
И мирных нынешних забот,
Ты — наша гордость,
Наша сказка,
Как солнце, добрый твой народ.

И сыновья твои, и внуки,
Мы любим ширь твоих полей.
И реки тянутся, как руки,
К рукам друзей, к сердцам друзей.
Перевел с белорусского
Михаил ГЕЛЛЕР

Пакизат ФАТУЛАЕВА

МОИ РОДНИКИ

Я утреннего сна себя лишаю:
пока моя семья беспечно спит,
беру бутылъ, привычно поспешая
за молоком. А там уж небольшая
и заспанная очередь стоит.

Вовсю идет торговля и продажа,
и молока достаточно вполне.
Но утренняя тень черна, как сажа,
в такую рань и шелк не греет даже!
Я постою на солнце, в стороне.
Со стороны виднее, между прочим:
вот с баночкою женщина стоит,
немолода и нездорова очень.
С бидоном парень чем-то озабочен,
сосредоточен, мелочью гремит.
И величава, словно не спросонок,
стоит спокойно будущая мать.
И чей-то белый маленький котенок
играет сам с собой, и худ, и тонок,
старается за хвост себя поймать.
Не расплескав ни капли из сосуда,

спешу туда, где ждет меня семья.
Птенцы проснулись.
«Молоко откуда?» —
спросили так, как будто это чудо.
«Из родников», — им отвечала я.

Перевела с лезгинского
Лидия ГРИГОРЬЕВА

Жанна НУРЛАНОВА

ЛЕТО В ЛЮБЕРЦАХ

Зелень сочная, густая,
С нежной проседью цветов.
Дух черемухи витает
У подъездов, среди кустов.

Лето в Люберцах капризно —
Дождь в обнимку с духотой.
Здесь открылась мне Отчизна
Подмосковной красотой.

Соловей сладкоголосый —
Слушай, слушай, не дыша!
И российская береза,
Что тут скажешь, хороша.

Но когда смотрю на иву,
Долог плач ее ветвей,
Вспоминается мне милый
Облик матери моей.

г. Алма-Ата

Кельдихан КУМРАТОВА

КАНАТОХОДЕЦ

— Все, что делается в срок —
Хорошо. Женись, сынок, —
Уговаривала мать,
Думая: «Обзаведется
Он семьей — и бросит, зная,
Ремесло канатоходца!»

Принял сын ее совет.
И желали в каждом тосте
Молодым на свадьбе гости
Долгих и счастливых лет.
Веселились, пели песни.
И, лучась от доброты,
Говорили, что чудесней
В мире не было четы.

Хоть вели себя, как надо,
Аульчане, но порой
Вдруг да выкажет досаду

То один, а то другой:
— Все-таки немножко грустно:
Славный парень, добр и чист,
Но теперь свое искусство
Бросит он. Погиб артист!

А наутро весь народ
Рано поднят был с постели:
Барабан призывно бьет,
Стелется напев свирели.
Прибежали, смотрят — чудо:
Там, под небом голубым,
На канате, как над бездной,
Танцевал жених, невесту
Нежно на руках держа.

Все смотрели не дыша.
И на танец тот мятежный
Мать глядела — в небеса.
Неоправданной надежды
Безутешная слеза
Вздрагивала на ресницах.
Да, недаром говорится:
Думы матери о чаде,
Думы чада — о канате.

Перевел с ногайского
Аркадий КАНЫКИН

Нори АЛИМАХМЕДОВА

***

Ненаписанные строки —
Как неспаханное поле,
Неразгаданная тайна,
Путь, не пройденный еще,
Неизлившееся чувство.
Ненаписанные строки...
Много их, а вдохновенье
Своейравно, словно море;
Строчки в нем,
Как чудо-рыбы
В набегающих волнах,
Могут спрятаться, исчезнуть.
Как рыбак свою удачу,
Жду тревожно вдохновенья,
В нем могу стихотворенье,
Как жемчужину, найти.
Я хочу, чтобы в тетради
Народившиеся мысли,
Словно рыбки золотые,
На листах блеснули вдруг.

Перевел с таджикского
Владимир ПРИХОДЬКО

Г. М. КОРЖЕВ. Проводы.

МЫ ОТ ОБЩЕГО КОРНЯ

зывается, она с крыши школы держала речь — агитировала всех неграмотных женщин покончить с их темнотой, сегодня же сестра за парты и учиться. И действительно, пошел народ в школу — 300 человек скоро стали учиться, и учительские кадры увеличались — восемнадцать человек преподавали в Былымской школе. И Алакез, и другие наши ученицы, и мы, учителя, старались сломать устаревший взгляд на то, что женщины-горянки не место в общественной и культурной жизни...

Сила братства... Она рождена Октябрем. И когда грянули для страны тяжелые испытания, мы этой силой братства защищали не только свою землю, но и те нравственные ценности, по которым строили свою жизнь.

Вспоминает ветеран войны и труда А. И. ПАВЛОВА-ВЕРЕВКИНА из Москвы: «Расскажу о бурятском враче Долгар Цыденовой. Интересен, хотя и труден ее жизненный путь. В двадцатые годы была батрачкой, потом вступила в комсомол и с группой энтузиастов приехала в Москву. Посланцев далекой Бурятии принимает Н. К. Крупская. Подарок Надежды Константиновны — один рубль на обеды в первые дни пребывания в столице — хранит Долгар Арданеевна до сих пор. Потом она стала рабочей на железной дороге, затем пошла на «Трехгорку» — русские девушки научили ее мастерству. Но ей очень хотелось стать врачом. Рабфак при 1-м Медицинском институте и сам этот вуз стали для нее началом постижения профессии. В Красную Армию Цыденова вступила добровольно, в 1939 году военным врачом-хирургом прошла финскую кампанию и Великую Отечественную войну. Эта женщина защищала то, что дала ей Советская власть...»

Долгар Цыденова, спасая жизни солдат, излечивая их от ран в полевых госпиталях, не думала, конечно, о том, кто из них кто: кто русский, грузин, литовец, узбек или бурят... Как не думали и эти, нуждающиеся в ее помощи парни, за кого именно они воюют: разоренный врагом Смоленск, разбомбленный Минск, скованный голодом Ленинград были одинаково родными для белоруса, латыша, туркмена...

Мы кровью скрепили свое родство, отстояв его, доказали: да, мы действительно от одного корня.

«...В памяти время от времени воскресает мое родное горное селение Гомборы в ущелье Кавказского хребта, — пишет пенсионерка Е. ТЕВТОРАДЗЕ из г. Черновцы. — Помню, как в детстве мой отец, Васо Тевторадзе, рассказывал нам, детям, историю нашей семьи. Мы узнали, что дедушка наш, отставной солдат царской армии Никита Гарбузов, прибыл сюда, на землю Грузии, из молдавского села Кицканы. Его предки, в свою очередь, переселились в Молдавию из Тамбовской губернии.

Обосновавшись в Грузии, дед женился на гомборской девушке Агате. И вот от третьей их дочери, Надежды, и грузинского парня Васо Тевторадзе родилась я. Так в переплетении трех национальностей создавалась родословная моей семьи. Еще школьницей от деду я узнала, что есть такая земля — Молдавия. «Знаешь, внученька, — говорил он, — как схожа Молдавия с нашей Грузией. Молдавская мамалыга — это наша гоми, овечья брынза чем-то похожа, пожалуй, на грузинский сулугуни. Да и молдавские виноград и кукуруза не уступают грузинским. И обычаи у нас похожи...»

Когда началась война, я поступила в Тбилисский железнодорожный техникум. Практику проходила на одной из прифронтовых станций. Там и познакомилась с будущим мужем Иваном Кушниренко, машинистом бронепоезда «А. Суворов». Вместе после Победы мы отправились на Украину, в Черновцы, где и живем уже больше сорока лет. Воспитали трех дочерей-буковинок.

Когда приезжаю в родные Гомборы, односельчане шутят: «У тебя все перемешалось, Лизико, — и язык, и обычаи, и кровь». А я отвечаю: «Но ведь все это наше...»

К письму, как автор этих заметок, могу добавить единственное. Фамилия у меня финская — по мужу, имя и отчество — даргинские, подаренные отцом; в паспорте, в графе «национальность» стоит — русская, как у матери. В двух моих сыновьях смешалось три крови, но что до этого мальчишкам! «Все это наше...»

...Помню, когда строился завод «Атоммаш», забавляли в его основание буронабивные сваи — на них должен был стоять и стоит завод. И отовсюду съехались в Волгодонск строители — люди тридцати национальностей возводили этот стелный гигант. Привезли с собой свой рабочий опыт, опробованные на других заводах, в других республиках технологии, молодость привезли, силу. Когда стройотрядовцы из всех республик нашей страны прямо с XVIII съезда ВЛКСМ отправлялись в Волгодонск, площадь трех вокзалов Москвы гудела от песен «Калинка», «Ридна маты моя», «Смуглянка-молдаванка», звучали песни таджикские, осетинские, туркменские...

Мы сильны этим единством, мы горды им. Но примешивается иногда к этой гордости боль. Боль за недавние события, такие, как, например, в Казахстане. Хорошо, что сегодня не молчим об этом, не отделяемся только лозунгами об интернациональном братстве — анализируем, думаем... Почему произошло такое? Где, в чем, когда были наши упущения? Да, в годы застоя — и мы теперь открыто говорим об этом — сместились в сознании молодые многие ценности. И эта тоже — наш интернационализм. Истинные братские отношения подменялись кумовством, землячеством. Надо думать и думать об истоках такой подмены...

«Сердца, не занятые нами, немедленно займет наш враг...» — сказал поэт. И был прав. Не случайно, мне кажется, в алма-тинских событиях участвовало много молодежи. Она выросла именно в те самые времена, когда порой говорили одно, думали другое, а делали третье. И адели, несмотря ни на что, прекрасные лозунги... Сегодня знаем, поняли, наконец, что, если наши действительно прекрасные лозунги о братстве и солидарности будут только лозунгами и оставаться, количество сердец, нами не занятых, станет только множиться. Интернационализм с генами, по наследству не передается, чувство это нуждается в постоянной подпитке, в так-

Прежде чем цитировать ваши письма, расскажу одну историю. Десять лет назад довелось мне встретиться с женщиной необычайной. Нет, Серафима Павловна Хуснутдинова не совершила в своей жизни ничего героического. Просто было у нее пятеро детей; а когда в войну ее муж пропал без вести, она просто его ждала; и просто трудилась, не покладая рук, от зари до зари, чтоб вырастить пятерых... Все вроде бы просто. Она вырастила. Сильных, смелых сыновей, жизнерадостных, домовитых дочек. Вся семья — газетики, работают на компрессорных станциях разных газопроводов страны. Сейчас у Серафимы Павловны шесть внуков, восемь внучек, два правнука и пять правнучек — дочери и внуки давно уж замуж повыходили, сыновья и сыновья сыновей женились, и есть в этой семье люди самых разных национальностей. Немцы и украинцы, белорусы и татары, узбеки и русские... Она вырастила не только детей, но и сад под окном. И когда летом в этом саду собирается вся семья, мамой зовут Серафиму Павловну ее зятя и невестки — на разных языках это звучит одинаково мелодично и ласково...

В ваших письмах есть и этот мотив — о кровном и духовном родстве людей разных национальностей. Одно из самых главных завоеваний Советской власти, главных примет нашего образа жизни именно это: мы — от общего корня. Не просто складывалось это наше родство. **Вспоминает ветеран войны и труда, учитель-пенсионер из г. Георгиевска Ставропольского края Василий Антонович ОБЧАРЕНКО:** «В далекие тридцатые годы мы с другом Костей Гозенко, откликнувшись на призыв комсомола, поехали работать в Горную Балкарию, в эту отдаленную национальную окраину учить грамоте народ, который раньше не имел даже своей письменности. Там, в Балкарии, я, тогда еще молодой учитель, встретил людей, которые научили меня многому, привили мне любовь к людям другой национальности, уважение к национальному чувству, достоинству другого человека. Я имею в виду супругов Наталью Михайловну и Григория Саввича Самецких, учителей, с которыми мне довелось вместе работать в горном селении Былым. Перед отъездом нам с Костей говорили родные и знакомые: «Куда вы едете? Ведь это глухой край. Население русского языка не знает — одни горцы. Чуть что не так — погибнете, и мертвых вас не сыщешь...» А встретили с любопытством, с некоторой настороженностью, сдержанностью, но доброжелательно. В 1925 году в Былыме была открыта школа, до этого ее вообще не было, и, следовательно, никто не учился. Взрослых, умеющих читать и писать, к 1930 году было всего 15 человек... Это нам сразу по приезду рассказали супруги Самецкие, но и обрадовали: в этом году учащихся будет намного больше. Наталья Михайловна Самецкая рассказывала, как была организована первая группа по ликвидации неграмотности. Женщин было мало, их трудно было вовлечь в учебу. Однажды был интересный случай. Над зданием школы-саки жила семья Ходжаевых. Жена хозяйина, Алакез, была неграмотна, а голос у нее был громкий, рост большой, хватки решительные. И уважали ее, слушали стар и млад. Она первая охотно пошла в ликбез, благо ходить ей было недалеко: прыгнула со своего двора — и в школе. Мы назначили ее агитатором среди женщин. На следующий день слышим: на крыше раздается громкий голос Алакез. Вдруг в класс вбегает председатель сельсовета: «Вот так Алакез, вот так агитатор!» Ока-

тичным его воспитании, бережном обращении...

Нам ли этот урок не усвоить! Ведь чувство братства народов, рожденное Октябрем, живо и сегодня. Оно «срабатывает» в ситуациях экстремальных: так брат приходит на помощь брату, родной человек — родному...

Вот что рассказывает студент факультета журналистики МГУ Александр ФЕДОРОВ: «Мне пришлось побывать в Западной Грузии, когда там бушевала стихия — снег, лавины, оползни, наводнения. И сегодня перед глазами буквально стертые с лица земли селения, разрушенные дома, мертвый скот на обочинах дорог, который бульдозерами скидывают в котлованы, десятки километров разрушенных и затопленных железных дорог, поваленные телеграфные столбы с оборванными проводами... А главное — огромное человеческое горе, невосполнимые утраты близких и дорогих людей. Все советские люди восприняли случившееся как свою собственную беду. В первые же дни из разных республик, краев и областей начали поступать письма и телеграммы с выражением глубокого сочувствия, готовности принять участие в восстановительных работах. И с первых дней пошли перечисления в фонд помощи пострадавшим.

«...С тревогой следим за сообщениями, поступающими из Грузии, близко переживаем за людей, попавших в беду. У нас, украинцев, эта сопричастность вашему горю так остра потому, что мы сами недавно пережили многое. И в трудные для нас дни рядом оказались все братские республики, и Грузия тоже. Теперь ваша беда проходит через наши сердца. У нас трехкомнатная квартира. Большая просьба — направьте к нам детей, оказавшихся без крова и родных. Им будут созданы все условия...» Это письмо прислала киевлянка Галина Львовна Сорокина. И оно, это послание, не единственное.

«Выражаю сочувствие грузинскому народу, пострадавшему от наводнения. При содействии Советского фонда мира направляю вам 200 рублей. Пусть это будет моим вкладом в помощь жителям районов, принявших на себя удар стихии. Владимир Москаленко, Кисловодск».

«Наш экипаж собрал 588 рублей, — сообщали моряки с танкера «Форэ Мосулишвили». — Надеясь, что все последствия стихийного бедствия будут ликвидированы скоро».

За неделю после первых трагических событий на счет № 700024 только из Тбилиси поступило более двух миллионов рублей добровольных пожертвований. Через два месяца сумма средств, перечисленных добровольно со всего Советского Союза в фонд помощи, перевалила за тридцать миллионов.

Народы-братья... Те, кто пришел на помощь, жертвовали во имя спасения пострадавших горцев и своей жизнью. Навсегда останется в памяти жителей села Чападади, всей Грузии имя двадцатилетнего азербайджанского парня Рахипа Мамедова. Он был за рулем бронетранспортера, на котором воины Закавказского округа перевозили людей, отрезанных бушующим потоком. Во время очередного рейса машину затянул водоворот, Рахип покинул ее последним, убедившись, что люди в безопасности. Стремительная струя воды бросила его на опору моста...

Рядовой Р. Мамедов так и не пришел в себя. К моменту случившегося он успел спасти 28 человек...

Хотелось бы закончить эту подборку о родных и близких еще одним письмом. «Мечтаю о том, что пойду на пенсию

и буду ездить по гостям, — пишет Валентина Михайловна ПЛАТОНЕНКО из г. Шадринска Курганской области. — Приглашений — уйма. Вот, например, от Марии Михайловны Ван. Наша дружба давняя. После института я начинала работать на берегах Амура. Жила в коммунальной квартире, и одной из соседок была нанайка Мария. Тогда она работала у нас в школе техничкой. А сейчас уже кавалер ордена Трудового Красного Знамени.

Получаю письма и из Молдавии. От заслуженной учительницы республики Анастасии Меркурьевны Самсоновой. Ей скоро будет 90 лет. И хотя мы ни разу еще не встречались лично, я всегда чувствую ее дружескую поддержку и помощь. И, в свою очередь, очень радуюсь успехам славной учительской династии Самсоновых (сын Анастасии Меркурьевны — директор школы в селе Пырлица, его жена — учительница истории, их сын — тоже историк, и невестка — учительница). И на Украине у меня есть добрые друзья, и в Белоруссии.

Если смогу, постараюсь доехать и до Эстонии. В поселке Рапла живет Эрми Литтовер, который несколько лет назад восхитил меня своими талантливыми работами — чеканкой по меди, выставившимися в Манеже, в Москве. Он удивительный человек — самолюбный художник, партийный работник. Экслибрисы Эрми Литтовера и его фотографию я храню бережно, ибо он дорог мне как творческий, интересный, близкий по духу друг. Какое же это счастье — жить в стране, где все люди — родня! Разве без их участия могла бы я, выросшая без родителей, получить все то, что имею? Уже двадцать лет я работаю со студентами. Очень часто спрашиваю их: «Что такое для каждого из вас Октябрь? С какого поколения в вашей семье начались грамотные люди? Могли бы вы навсегда покинуть свою страну? Ваши представления о счастье?» В минуты такой откровенности мы наиболее близки с ними. И нет для меня никого роднее и любимее наших людей...

Мои друзья — от Бреста до Тихого океана. На его берегу живут сегодня мои выросшие дети. И у них тоже рядом есть друзья, приехавшие из разных союзных республик. Подрастают мои внуки. Я рада, что мой внук дружит с маленькими камчадалами и украинцами, латышами и молдаванами, ежедневно встречаясь с ними в своей «второй младшей группе» детского сада. Пойду на пенсию, слетаю и на Камчатку, чтобы увидеть этих славных человечков, которым дальше нести и беречь единство и братство, завещанное нам Великим Октябрем...

Письма о родных и близких читала Тамара ВИРКУНЕН

***

Этой публикацией мы завершаем обзоры ваших писем, пришедших в ответ на домашнее задание, данное редакцией всем читателям год назад, — рассказать о родных и близких. Вы писали о чужой и своей родине, присылали фотографии, пронзительные рассказы о времени, о своих друзьях, о знакомых и незнакомых. Не все письма попали на наши странички, не все события осветили мы в своих подборках. Но ваши размышления о близости и родстве людском не пропадут. Вы еще встретитесь с дорогими вам людьми — может быть, в иной форме, но мы расскажем о тех, кто делал историю, отстаивал наши самые дорогие завоевания. Рубрика прощается с вами, читатели. Спасибо всем...

***

Ранний ноябрьский вечер. Короткий дождь вычернил мостовые, и, разрывая наползающий мрак, словно вскрикнули, вспыхнули фонари, побежала вдаль золотистая струя — туда, где уже в молочном свечении Петропавловка, где монументально обрисовались Ростральные колонны, где пронзила высь Адмиралтейская игла, где волшебю раскинулось диво-дивное под названием Дворцовая площадь.

Мне довелось поехать по земле, посмотреть немало разных улиц и площадей, но величественней и неповторимей, чем наша Дворцовая, так ничего и не встретил. Да и можно ли встретить другую такую же, где красота непревзойденных творений великих зодчих Андреана Захарова, Бартоломео Растрелли, Карла Росси, Огюста Монферрана, Александра Брюллова столь тесно переплелась бы с героическим прошлым целой страны, где взяла начало новая эра в истории человечества...

Более двухсот лет эта площадь была центром столицы Российского государства. Более двухсот лет здесь находилась резиденция монархов одной из самых деспотических империй мира. И если Красная площадь в Москве помнит трагедию Разина и Пугачева, то Дворцовая никогда не забудет то черное январское воскресенье девятисот пятого, когда царские палачи залили эту площадь рабочей кровью...

Да, пришел неотвратимый день — и царский штандарт навсегда ис-

ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ

1917
1987

ОКТЯБРЬСКИЙ КАМЕНЬ

чез с флагштока Зимнего дворца. Наступил другой — великий — день, ровно семь десятилетий назад, и эта площадь увидела штурм твердыни самодержавия, увидела первую в истории человечества социалистическую революцию.

Первые отряды ворвались в Зимний со стороны Дворцовой — через подъезд, который сейчас именуется Октябрьским. По так называемому Темному коридору они достигли Малахитового зала, где обычно заседало Временное правительство, но в тот вечер ради безопасности министры переселились в соседнюю, как им показалось, более надежную комнату. Антонов-Овсеенко, руководивший штурмом, распахнул двери:

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!

Под конвоем матросов и красногвардейцев министров отправили в Петропавловскую крепость...

Наш город называют колыбелью Великой Октябрьской социалистической революции. Это определение хрестоматийно. Но если вдуматься в его первоначальную образность — действительно колыбель. Здесь впервые восторжествовали идеи преобразования мира, когда наш город услышал залп «Авроры» и слова вождя: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!»

Ленинград немислим без Ленина не только потому, что здесь его знает «каждый камень», но и потому, что идейная, теоретическая сущность

ленинизма впервые полностью явлена на практике именно в нашем городе. Она же во многом предопределила его нравственную силу.

Это город ленинской убежденности. Это город Ленина.

***

Конечно, Дворцовая площадь помнит вождя революции... Сюда, в помещавшийся здесь штаб Петроградского военного округа, он прибыл уже на второй день после взятия Зимнего — чтобы принять участие в разработке плана разгрома казачьих частей Краснова, двинувшихся на красный Питер. Назавтра Ленин снова приехал в штаб и попросил поставить для себя стол в кабинете Н. И. Подвойского... На здании бывшего Гвардейского корпуса установлена мемориальная доска: «Из этого дома Владимир Ильич Ленин руководил с 27 по 31 октября (с 9 по 13 ноября) 1917 г. разгромом контрреволюционных казачьих войск Керенского — Краснова, наступавших на Петроград. Отсюда же в ночь с 27 на 28 октября (с 9 по 10 ноября) Ленин вел переговоры по прямому проводу с Гельсингфорсом о необходимости срочной присылки в Петроград кораблей Балтийского флота и отрядов революционных войск финляндского гарнизона».

***

Многое хранит в памяти эта площадь... В первую годовщину Советской власти здесь, у Зимнего дворца, собралась огромная армия

трудового народа: делегатов на съезд деревенской бедноты Северной области приехало столько, что ни одно здание вместить их не смогло, — и решили открыть съезд на Дворцовой... Первой 1920-го Дворцовая отметила коммунистическим субботником, который вовсе не помешал праздничной демонстрации... В тот же год 7 ноября люди, пришедшие на Дворцовую, вдруг увидели: рабочие, солдаты, матросы идут на штурм Зимнего! Вот схватка с юнкерами, вот алый стяг взвизывает над дворцом, гремит музыка, вспыхивают ракеты... Это был первый опыт массового театрализованного действия — «Взятие Зимнего дворца»...

А в 1920-м, 19 июля, на Дворцовую пришли делегаты II конгресса Коминтерна. Здесь состоялся митинг, посвященный закладке памятника Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, который предполагалось установить в садике у Зимнего. И услышала площадь речь Владимира Ильича: «Товарищи, во всех странах коммунистические вожаки несут неслыханные жертвы, они гибнут тысячами в Финляндии, и Венгрии, и в других странах. Но никакие преследования не остановят роста коммунизма, и героизм таких борцов, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург, дает нам веру в полную победу коммунизма».

Да, в борьбе с контрреволюцией коммунисты несли огромные жертвы. Пролилась кровь и на Дворцовой: в вестибюле здания № 6 от руки правых эсеров погиб комиссар по внутренним делам и председатель Петроградской ЧК Урицкий...

Здесь принимали присягу части Красной Армии. Здесь путиловцы впервые вывели колонну железных коней, над которой реял транспарант: «Берегись, соха,— трактор идет!» Здесь в тридцатые годы металлосты несли модель турбины в сто тысяч киловатт, а электросиловики — макет нового гигантского турбинного корпуса, увенчанного лозунгом: «Дадим советским Днепростроям советские турбины!» Здесь по вечерам звучали духовые оркестры, кружились в танце пары...

И этого не забыть Дворцовой: зима сорок первого... Дворцовую площадь фашисты разглядывали в стереотрубы, по ней собирались они промаршировать, а потом — уничтожить. Ведь в директиве начальника штаба гитлеровских военно-морских сил значилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли... Предполагается окружить город тесным кольцом и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрепятственной бомбежки с воздуха сровнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться». Вот такой конец был уготован Ленинграду, Дворцовой площади.

Расстояние от линии фронта до Эрмитажа по прямой составляло четырнадцать километров. В захваченных документах 768-го немецкого дивизиона дальноточной артиллерии был найден план Ленинграда с обозначением объектов для обстрела. Дворцовая площадь там обведена полукругом. Эрмитаж значится как цель № 9. И фашисты били по этой цели с бешеным упорством. Самый первый снаряд разорвался у подъезда с атлантами. Но атланты стояли, как выстоял город. И пусть той черной зимой через заснеженную Дворцовую тянулась тропинка, по которой медленно-медленно, падая и поднимаясь, ленинградцы шли с ведрами к невосковой воде, все-таки другой зимой, в январе сорок четвертого, и эта площадь, и Марсово поле, и набережные — весь город озарился огнями победного салюта.

Славная площадь... Как торжествен ее облик, когда перед праздничной трибуной проносят главный стяг города-героя, увенчанный Золотой Звездой, двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени. Дивная площадь, куда люди спешат и в праздник, и в будни. И приводят детей и внуков своих...

Утром 7 ноября мы вновь придем сюда. А тот из ленинградцев, кто останется дома, включит телевизор и услышит: «Внимание, говорит Дворцовая площадь». И вновь залюбуется ее величием и красотой...

Лев СИДОРОВСКИЙ

Ленинград

«М. В. Фофанову я знаю как энергичную и преданную большевичку с лета 1917 года. Осенью того же года, перед Октябрем, в самые опасные времена, она меня прятала у себя на квартире», — писал В. И. Ленин в 1922 году.

О своих встречах с хозяйкой последней конспиративной квартиры Ленина рассказывает журналист Р. Брайнина.

Мы познакомились ровно 20 лет назад, когда вся страна готовилась отметить 50-летие Великого Октября. Два вечера провела я у Фофановой дома. Маргарита Васильевна было уже 83, но словно о вчерашних событиях, живо и энергично вела она свой рассказ. Далеко-близкое... Неразрывна эта связь в сердцах тех, кто принадлежит к поколению революционеров...

Первой ее революционной школой стал нелегальный социал-демократический кружок в Красноуфимске. Осенью 1903 года — первый арест, молодая сельская учительница заключена в Пермскую тюрьму, как «особа, опасная для государства». Было ей тогда 20 лет.

Архангельск, Тверская губерния, Уфа, Крым — менялись адреса, пароли, явки. Неизменным оставалось одно: работа на революцию.

...Сегодня на фасаде этого дома (угол проспекта Карла Маркса и Сердобольской улицы) висит мемориальная доска с надписью: «В этом доме накануне Октябрьской социалистической революции с 7 (20) октября по 24 октября (6 ноября) 1917 года скрывался от преследований контрреволюционного буржуазного Временного правительства Владимир Ильич Ленин, отсюда он руководил подготовкой вооруженного восстания».

Одна комната из трех оставлена такой же, как тогда, в 17-м. Железная кровать под белым покрывалом, рядом комод. На нем графин для воды, стакан, настольное зеркало. А у окна простой канцелярский стол.

— Квартира была строго законспирирована, — рассказывала Маргарита Васильевна. — Знали о ней только Н. К. Крупская, М. И. Ульянова и связанной ЦК партии Эйно Рахья, член большевистской партии с 1903 года. Впрочем, в тот момент по условиям конспирации мы не были даже знакомы. Я называла его «финн». По заданию Владимира Ильича Рахья посещал фабрики, заводы, солдатские казармы, беседовал с рабочими, солдатами, бы-

НАКАНУНЕ

вал на митингах. Владимир Ильич с большим интересом слушал его рассказы о настроении людей.

Моей же главной обязанностью было доставлять Ленину к 9—10 часам утра все газеты и журналы (свыше тридцати наименований), которые выходили тогда в Петрограде. Если каких-нибудь газет в принесенной мною пачке он не обнаруживал, обычно говорил: «За вами должок», — и тут же вручал список недостающих газет.

Правила конспирации нужно было строго соблюдать и в самой квартире, ведь никто не должен был догадаться, что, кроме меня, в ней живет еще кто-то. Прежде чем зажечь керосиновую лампу, Владимир Ильич тщательно занавешивал окно своей комнаты. А потом очень часто эта лампа горела до самого утра...

После чая мы обычно чуть задерживались в столовой. Как-то раз я принялась писать детям письмо, ведь, готовясь к конспирации квартиры, я отправила их на Урал к своим родителям. Хотелось послать какую-нибудь особенную открытку. Долго выбирала, наконец решила: репродукцию картины Ярошенко «Всюду жизнь». Ленин, увидев, на чем я остановила свой выбор, задумчиво произнес: «Вот замечательный художник! Подумайте только, кадровый военный человек, а какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи». Тогда я вынула из стола еще открытки с репродукциями картин Ярошенко. Рассматривая их, Ленин сказал: «Прекрасно! Когда возьмем власть — обязательно надо отдать дань уважения такому человеку». А теперь дом в Кисловодске, где провел последние годы Ярошенко, стал мемориальным музеем.

Многие детали тех дней хранит память. Но особенно живо встает тот главный день...

— Момент был тревожный. К Зимнему стягивались контрреволюционные отряды. С Васильевского острова я спешила домой. Надо было сообщить Владимиру Ильичу, что творит-

ся на улицах города. Трамваи стояли. Пришлось идти пешком. Когда я добралась до квартиры, Владимир Ильич встретил меня в коридоре. Внимательно выслушав, что происходит в городе, он сказал, чтобы я не раздевалась, а сам пошел в комнату. Через некоторое время он вынес письмо, попросил немедленно отнести его в Выборгский райком партии и передать Надежде Константиновне, через которую осуществлялась связь с ЦК. Только позже мне стало известно, что неслась я не что иное, как историческое «Письмо членам ЦК». Доставленный мной ответ, как видно, не устроил Владимира Ильича, и он снова направил меня с запиской в Выборгский райком партии. Передавая ответную записку, Надежда Константиновна шепнула мне, что Владимиру Ильичу уходить в Смольный ЦК еще не разрешает.

Ленин был очень взволнован, когда прочитал принесенный мной второй ответ. Я предложила ему поужинать, но он пошел к себе и вскоре вынес новую записку. «Сейчас десять часов», — сказал Владимир Ильич. — Жду вас до 11. После этого я волен поступить так, как мне будет нужно».

И я в третий раз за этот вечер отправилась в Выборгский райком партии. Чтобы не опоздать к одиннадцати часам, возвратилась домой на извозчике. Приехала раньше минут на десять. В квартире темно. Зажгла свет. Двери во всех комнатах раскрыты. На столе в столовой остатки незаконченного ужина и записка: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

Оказалось, что после того, как я ушла с ленинской запиской, к Владимиру Ильичу пришел Эйно Рахья, рассказал, с какой скоростью нарастают события. Тогда Ленин надел пальто, старую кепку, повязал шарфом платок и в сопровождении Рахья направился по тревожному Петрограду в Смольный.

Всего несколько часов оставалось до смены двух эпох.

ДУХ КРАСНОЙ ПРЕСНИ

Фото Н. Маторина

«Как вам живется и работаете в условиях перестройки?» — спросили мы ткачиху комбината «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского, лауреата Государственной премии СССР Нину Николаевну ЩЕРБАКОВУ.

Почему именно ей задали мы этот вопрос? Потому что Нина Николаевна — одна из тех, кто близко к сердцу принял идеи перестройки и взялся за нее со всей энергией и убежденностью. Судите сами: ее рабочее место — у ткацких станков; она обслуживает их вдвое больше нормы, и выработка у нее тоже двойная. Ее труд отмечен орденами Октябрьской Революции и Трудовой Славы III степени. Она представляла коммунистов «Трехгорки» на XXVII съезде партии. Член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС. Член бюро Краснопресненского райкома партии. Она из тех, кого М. С. Горбачев назвал в числе подлинных героев нашего революционного ускорения, на кого можно равняться и у кого надо учиться работать.

— Как живется? То ноги гудят, то голова. У станков побегаешь, одно желание — лечь, вытянуться, это у всех нас, ткачих. А посидишь на бюро, мысли уснуть не дают, думаешь о людях, которые к тебе обращались, об их характерах и настроениях, о том, как помочь, если действительно помощь нужна. Но я не представляю, как можно жить, чтобы все мимо тебя проходило — отработал, и ладно, своими личными делами займусь, благо их всегда хватает: дом, дочка, внук... Думаешь порой: какая сила тебя несет, ведь скоро на пенсию? Но придешь на работу, скажешь подружке: ну-ка, загороди, переоденешься в один миг, прямо у станка — куда там бегать в раздевалки, время жалко — и пошло! Я на иных молодых девчат удивляюсь: инертные какие-то, вялые, закончили смену, и ни в клуб их не зазовешь, ни на общественную работу. Меня этот вопрос очень волнует. Во-первых, и своя молодость вроде недалеко еще ушла, а во-вторых, пассивный человек — он вообще как бы со стороны на все смотрит. А этого в нынешних условиях никак нельзя допускать. Мы такое время переживаем, такие дела вершатся, что всем миром надо наваливаться, тогда мы действительно сможем поднять перестройку.

Было время, когда поэт призывал: «Побольше ситчика моим комсомолкам!» Ситчика теперь полно всякого, только мало от него радости, не уменьшаются очереди за модным импортом. Вот и нашу «Трехгорку», некогда признанного лидера отрасли, не миновали беды недавних лет. Гнали и гнали. Мы годами тот самый пресловутый «вал», за которым и про качество, и про ассортимент забывали. Получали знамена из квартала в квартал, а планы-то принимались с корректировкой, процветала штурмовщина, реконструкции годами ждали. Людей стали терять, уходили с комбината мастера, начальники цехов, прекрасные специалисты. Ткачихи — народ неробкий, выступали на собраниях, да только в ответ, бывало, слышали: «Что-то ты больно взъерошилась, пора тебя причесать...»

Вот такими и подошли мы к началу 12-й пятилетки. И не только у нас, во всей отрасли накопилось множество нерешенных проблем. Как избавиться от пресловутого «вала»? Как поднять качество нашей продукции, связать воедино интересы производителей и потребителей? Как раскрепостить инициативу, предприимчивость людей, на деле добиться единства интересов общества, коллектива, отдельного работника? Все это для нас наболелишие вопросы, потому и говорят о них люди, обсуждают в бригадах, цехах, в производствах. Особенно теперь, после июньского Пленума. Трудно, но все увереннее выходит комбинат из кризисной ситуации, поворачиваются дела к лучшему, возвращаются ушедшие было работники, патриоты «Трехгорки». Много пришло молодежи. Работать становится намного интереснее.

В этом году, перейдя на самофинансирование и самоокупаемость, мы решительно изменили наш ассортимент: снизили вдвое выпуск простейших в обработке тканей и увеличили производство особо модных, но технологически более сложных. Покупатели проголосовали за них рублем и приобрели наш товар по договорной цене. Мы в убытке не остались, да и склады разгрузили от сверхнормативных запасов.

Но перед коллективом встал вопрос: продолжать выпуск тканей, которые идут нарасхват, или, обеспечивая темпы, давать по-прежнему метры уже технологически отлаженной продукции и класть на полку. Решили пока не отступать от нового курса. Идем на определенный риск, зато на встрече нуждам людей.

Почему риск? Потому что основной показатель нашей работы в новых условиях хозяйствования — прибыль. А планируется она не предприятием, на основе экономического анализа, а штабом отрасли — министерством. А отвечает за план по прибыли рабочий коллектив. Так какая же это самостоятельность? Какой хозрасчет? И где ответственность тех, кто планирует? Эти вопросы волнуют не только меня, а весь коллектив. С ними выступала я на июньском Пленуме ЦК партии.

Работа в новых условиях требует четкого взаимного выполнения договорных поставок. У нас до 20 поставщиков, и как же складываются с ними отношения? Приведу только один пример. В первом квартале текущего года наше отделочное производство не раз и не два было на грани остановки из-за необеспеченности химикатами, красителями. Нечем работать — нечего продавать! Нас за нарушение договорных поставок штрафует торговля, штрафуют швейники. Мы тоже пытаемся штрафовать своих поставщиков. Но поди подступись к ним: у них поставки квартальные, а мы за свои отчитываемся ежемесячно. У нас государственный план. И у химиков тоже государственный план. Но не стыкуемся мы друг с другом. И звонят, пишут, идут в Минхимпром, в наше министерство руководители комбината, депутаты, народные контролеры: «Войдите, мол, в наше положение, окажите содействие». Я и сама обращалась с личным письмом к министру легкой промышленности В. Г. Ключеву: «Справедливо мол, Владимир Григорьевич, засчитывать комбинату выполнение плана по договорам поставок, исходя из фактического обеспечения красителями и химматериалами». А почему, собственно, мы должны просить то, что нам и так положено, без чего просто невозможно нормально работать в условиях самофинансирования и хозрасчета?

И все-таки просим, а ситуация пока не меняется: продали мы на оптовой ярмарке на 1988 год свои ткани, а красителями и другими видами сырья все еще не обеспечены. Значит, опять центральной фигурой становится не рабочий, не экономист, а снабженец. Достанет — хорошо, нет — опять сбой, штурмовщина, потери...

В результате — значительные финансовые издержки, которые несет комбинат. Естественно, это отражается на прибыли, а значит, на фондах технического перевооружения производства, социального развития, материального поощрения. Разумеется, в сторону уменьшения.

А ведь финансовые средства очень нужны всем предприятиям текстильной промышленности Москвы, в том числе и нашей «Трехгорке», которая скоро отметит свое двухсотлетие. Нужны они для обновления оборудования, строительства производственных и складских помещений, жилья, создания необходимых социально-бытовых условий. Все это теснейшим образом связано с созданием стабильного коллектива единомышленников, то есть такого коллектива, в котором каждый думает об интересах общего дела.

По-моему, как раз расширение самостоятельности и должно сплотить людей,

направить их инициативу на поиск резервов повышения эффективности собственной работы. Пока же, скажу откровенно, мы больше говорим об этом, а вести хозяйство по-настоящему, считать еще не научились. Но учиться все равно придется: и коллективу «Трехгорки», и работникам нашего министерства.

На комбинате разработана долгосрочная программа «Качество». В соответствии с ней нам предстоит повысить сортность продукции на 0,2 процента к плановому заданию. Чтобы наглядно представить, как важно это задание выполнить, надо знать, что комбинат обязан по плану выдать в год 200 миллионов метров тканей, 35 артикулов, 500—600 видов рисунков. При таких масштабах нетерпимость к браку, халтуре — как хлеб насущный. Люди у нас такие, что на любые усилия готовы, если интересы дела того требуют. Но сколько можно выезжать на энтузиазме? Уж если действительно хотим повысить эффективность производства, надо реально, а не на словах сделать человека труда хозяином на своем предприятии. Чтобы он мог и распоряжаться общественным достоянием, и нести за него полную ответственность.

У нас после июньского Пленума сразу началась подготовка к выборам в Совет трудового коллектива. В него мы изберем самых достойных, передовых, прогрессивно мыслящих людей. Очень надеемся, что он станет подлинным органом рабочего самоуправления. Чтобы сознательно участвовать в делах предприятия, надо быть хорошо осведомленным, знающим человеком. Поэтому мы все сейчас, от рабочего до руководителя, изучаем новый механизм хозяйствования. Закон о государственном предприятии (объединении), который вступает в силу с января будущего года. Меняется к лучшему и климат на комбинате. Возрождается в людях притупившееся временно чувство хозяина. Это чувство было в полной мере присуще старшему поколению.

В начале этого года на комбинате создана первичная организация ветеранов войны и труда. В состав ее совета вошла, в частности, Надежда Ивановна Бондарева. Она попала на «Трехгорку» пятнадцатилетней девочкой, в 1943 году. Недолгая учеба в ФЗУ, и сразу же — работа. Работали по 10—12 часов, если надо было, задерживались в цехе после смены, шли на уборку, расчистку улиц. Такие нагрузки те перешли девочкам и не снились. И отлично, что нет в том нужды. Но вот что интересно. В одном из номеров нашей многотиражки «Знамя Трехгорки» Надежда Ивановна так вспоминает то время: «...мы, пусть и голодные, холодные, жадно тянулись к жизни. Нас не надо было тянуть в комсомол, шли сами, просились. Нас тянуло быть в гуще событий, в гуще жизни». И подытожила она так: «Комбинат был для нас всем: поставил на ноги, вывел в люди, дал кров, работу... Все здесь свое, близкое, дорогое. Мы выросли в эти стены...»

Комбинат давал все, и ему отдавалось все.

Сейчас молодежь по-другому воспитана: меньше, может быть, энтузиазма, больше делового, рационального подхода к жизни. Само по себе это и неплохо, лишь бы деловитость их была направлена на благо своего предприятия и всего общества, а рацио-

нализм не превращался в потребительство.

Мы многого от молодежи ждем. Но надо и задаться вопросом, что предприятие в состоянии ей дать.

Меня познакомили с письмом, которое прислали в редакцию «Работницы» наши мотальщицы из приготовительно-ткацкого цеха Лена Луночкина, Лариса Браженко, Позднякова Наташа и другие: «Условия труда у нас очень тяжелые. Работают в основном молодые девушки, приехавшие из сел и деревень и привыкшие к большому физическому труду. Но даже мы за восемь часов рабочего времени так устаем, что нет сил заниматься личными делами...»

Все правильно. Работаем мы рядом, и я знаю, что у них действительно условия труда тяжелые, а труд считается не требующим высокой квалификации, оттого и заработки невысокие. Вот они и добиваются пересмотра тарифных ставок и более высокой оплаты труда. Ходили на прием к директору комбината Н. А. Балановской. Я тоже разговаривала по этому поводу с Надеждой Августовной. Вопросы с оплатой будут решены в конце этого года — начале следующего.

Недавно я зашла в отделочный и опять в который раз расстроилась: там тоже тяжело работать — оборудование старое, японскую автоматическую линию крашения никак не получают. А молодежь — она нетерпелива, хочет скорее чувствовать реальную отдачу от своих усилий. Но не все от комбината зависит. Нужно оперативнее решать ключевые вопросы в высокотехнологичных сферах отраслевого производства. Ну, а из того, что мы сами в состоянии сделать, многое уже делается. Свежий пример: старый ткацкий цех-развалюха отремонтировали, перестроили, открыли там комплексный приемный пункт, уютную парикмахерскую, у ткачей прекрасная новая столовая. Двигается вперед дело и будет двигаться еще скорее, если сумеем и кадровых рабочих, и молодежь больше привлечь к управлению делами. Сейчас у работницы куда больше возможностей выражать свою волю: через рабочее собрание, совет бригады, выборы руководителей. Сама бригадная форма организации труда дает очень много. Если раньше, например, вопрос об увольнении или переводе работницы с участка на участок решался помимо нас, то теперь мы сами делаем вывод, нужен или не нужен этот работник цеху, бригаде, участку. В атмосфере гласности, демократизма работать и решать наиболее важные вопросы стало намного легче. Но в то же время и труднее: выше требования к человеку, и уж не администрация, а сам коллектив по-рабочему спрашивает.

Дух откровенности, который сейчас пронизывает всю нашу жизнь, поднял силу трудового коллектива. Мы раньше все говорили: надо создавать рабочим хорошие условия, чтобы они лучше трудились. А я думаю тут все с ног на голову поставлено. Не условия создавать во имя того, чтобы лучше трудились, а работать производительнее, чтобы жизнь каждого и всех улучшалась! В этом я вижу смысл перестройки, ее суть. Так ее понимают и наши работницы.

Коллектив «Трехгорки» готов и хочет работать так, как того требует время. Все-таки выросли мы в самом сердце рабочей Москвы, и дух боевой в нас от Красной Пресни.

ОПЯТЬ СУББОТА БЕЗ МАМЫ

Э. ЧЕРЕПАХОВА

Сначала встретили недоверчивым прищуром: мол, павлово-посадский народ хваткий — на мякине не проведешь... Неужто приехали по письму Климановой?

Позже: «Делов-то...» — читалось на раздосадованных лицах начальников различных рангов, едва заходила речь о письме.

Начальник ОКБ завода «Экситон» А. М. Попков (а именно там работает автор письма) не мог, не хотел скрыть возмущения: «Мы работников на мужчин и женщин не делим. У нас есть передовые и отстающие. И еще — патриоты завода и непатриоты. — Он пронзительно глянул сквозь стекла очков в тяжелой оправе. — Непатриоты — это те, кто из-за мелких личных обид тащит сор из углов на улицу...»

Попков — далеко не единственный на «Экситоне» приверженец заводского патриотизма «закрытого типа», а мало ли таких за его пределами?.. Сколько раз и как легко слетало с языка звучное слово «демократия», и что же обнаружилось теперь на деле? Штука-то эта обоюдоострая, не для всех безопасная и удобная. Не легким сквознячком распахивает она двери — сильным ветром, ломающим все гнилое и дряхлое. От него захватывает дыхание у тех, кто привык жить закрыто, дыша и незаметно отравляясь спертым воздухом...

Так что же такое потащила из «заводской избы» на свет возмущившая своим дерзким поступком заводское руководство инженер Н. А. Климанова? О каких личных обидах поминал начальник ОКБ?

Многое станет ясным из самого письма.

1. «Человек на заднем плане»

«Пишет вам мать двоих детей, работающая с 1976 года на руководящей работе —

Фото А. АСТАФЬЕВА

так называемое среднее звено — начальник сектора ОКБ на заводе «Экситон». Сыну моему 14 лет, дочери — 3 года. Все матери, имеющие малышей до двух лет или двоих детей до 12 лет, у нас имеют право работать по гибкому графику. Мне это тоже официально разрешено. Однако на практике — постоянные упреки за «утренние опоздания», неудовольствия, что не могу задерживаться до 8—9 часов вечера. Сначала так было с моим первым начальником — С. М. Косенковым, а затем ситуация повторилась с новым начальником — А. Н. Пыжовым, в отделе главного конструктора, куда я перешла, надеясь на лучшую обстановку для работы и возможность побольше бывать с детьми. С утра до вечера я слышу: «Нарожала детей — или сиди с ними, или меняй работу!» Буквально

каждый квартал меня лишают прогрессивки, случаются и дисциплинарные взыскания. Не только мне, всем в отделе (большая часть сотрудников — женщины, у них тоже дети) приходится мириться с удлинненным рабочим днем и даже нередко удлинненной, за счет субботы, неделей. Пусть даже у нас на заводе не понимают социальной роли материнства, но как можно ждать настоящей продуктивности при такой изматывающей работе? Все эти «продленки», в сущности, нарушение закона и результат отвратительной организации труда, такого же планирования, неумения работать в условиях перестройки. Но почему меня практически понуждают оставить работу, которая по душе? Я поступила на завод работницей-девчонкой 17 лет, когда он назывался конденсаторный, а не «Экситон» (сверхбыстрый

электрон) и в номенклатуру его изделий входили обеденные вилки, а не компьютеры. Начиная с должности рабочей, прошла все ступени производства, была контролером, техником и одновременно училась. Защитила диплом, была принята инженером в ОКБ. Думаю, дело выбрала по плечу: вскоре стала старшим инженером, затем ведущим, начальником сектора, была начальником отдела... На моем счету есть изобретения и рациональные предложения. Идеи перестройки я приняла близко к сердцу. Восклипаниями не ограничивалась, сразу принялась за дело, так как поняла, что перестройка должна быть коренной. Наш отдел, как никакой другой, связан с серийным производством. На многие изделия ГОСТы не пересматривались десятилетиями, и работа эта началась лишь недавно, совпав с началом деятельности госприемки. Объем и трудоемкость работы конструкторов стали «гигантскими», мы вынуждены стали проводить на рабочем месте все больше и больше времени, часто выходить на работу по субботам, иначе было бы нелегко управиться. Чем это сулило кончиться? Круглосуточным пребыванием под заводской крышей? А дальше? И какова эффективность такого труда? Ясно, что необходимо поменять самую основу нашего труда, опираясь на новейшие научные и технические достижения. Ведь мы же инженеры-электронщики. По моей инициативе стали в отделе главного конструктора создавать САПР — систему автоматизированного проектирования. Мечталось создать мощную информационную систему на базе ЭВМ. Тогда исчезла бы бестолковая беготня по цехам за каждой мелочью, вечерние корпорации над конструкторской документацией! И это в эпоху НТР?! На заводе, где выпускают компьютеры? САПР сметет со столов ручки, рейсфедеры, карандаши — эти инструменты устаревших способов труда, упразднит архив, где так сложно и долго всегда отыскивать нужную бумагу. Конструктор сядет за пульт диалога-вычислительного комплекса с внешней и внутренней памятью, распечатывающим устройством. Представьте, на одной дискетке — гибком магнитном диске — умещается 300 страниц печатного текста! Нажатием кнопки можно будет из электронного «архива», способного хранить информацию бесконечно долго, быстро и легко вызвать на экран любую документ. Самая усердная копировщица не сделает за рабочий день больше чем 8 ка-

лек, а на САПРе можно сделать 100 и больше таких листов. Не будет нужды и в машинистках. Быстрота, точность, способность «проворачивать» огромные объемы самых сложных заданий — это еще не все преимущества, которые даст САПР. Он раскормит нас, сэкономит нам время для семьи, для отдыха, для всего того, без чего не может жить человек, конечно, если общая ситуация изменится на заводе к лучшему.

Перед женщиной у нас все время как бы ставят вопрос: выбирай, что важнее — ребенок или работа? Разве можно так сравнивать? И без того, и без другого жизнь неполная. Да и на одной мужниной зарплате было бы нам очень нелегко.

Дети — свет нашей жизни. А в работу столько вложено! Не буду распространяться, чего стоило выбить помещение (старую кладовку) под «машинный зал», добыть оборудование, укомплектовать штат. Зато теперь на САПРе работает замечательная молодежь — схемотехники, операторы, программисты. Для всего остального отдела мы составили график обучения работы на САПРе, помогаем людям преодолеть неуверенность и страх перед экраном. Разработали уже 10 различных программ. В IV квартале прошлого года, когда работа (да еще в условиях госприемки) нас грозила захлестнуть, как нам помогла САПР! И кажется, не сидишь нахлебником, стараешься для дела. И все равно доброго слова не услышишь. Доброе слово у нас на «Экситоне» последнее время вообще вышло из употребления. Все на окрике да на тычке. Конечно, работа с САПРом еще далеко не завершена, требует времени и внимания, а где их взять, когда начальство мое предпочитает работу по старинке, «молотком да долотом», ограничивается бегом, латанием дырок. И наказывают меня, по моему убеждению, именно за несогласие с подобным стилем работы, который вдвойне не нравится мне, в том числе и потому, что осложняет — рикошетом — жизнь моих близких, моих детей. Не странно ли, что на заводе, где столько специалистов по вычислительной технике, именно человека не сумели, так сказать, ввести в алгоритм при составлении программы нашей заводской жизни? Только и слышишь: «На первом месте план». А человек? Позади?

С уважением — Н. Климанова.

Начальник отдела главного конструктора А. Н. Пыжов выглядел человеком донельзя

замотанным непредсказуемой производственной круговертью. Он никак не мог взять в толк, в чем смысл нашей беседы, и нервно шевелил пальцами, как будто пытаюсь нащупать его.

— На конструкторах — ровный непрерывный пульс производства, а нам его приходится буквально спасать, отстаивать — от суток к суткам. Поймите, когда план горит, тут уж ни с кем не считаешься — ни с собой, ни с другими. Независимо от пола, конечно! Что я — против равноправия, как капиталист какой? Наоборот, права равные, значит, и требования равные. А если так — должна Климанова делать, что ей говорят, а не ссылаться на кашки-малашки...

И бывший начальник Климановой (озабоченный, хмурый, взвинченный) С. М. Косенков говорил о том же: «План... О плане... Из-за плана...» Под конец беседы спохватился: не ответил на вопрос о Климановой.

— Я бы ей сделал комплимент: интеллект у нее мужской. Электронику постигает, чувствует. Отчего не сработались? Дала Нина Алексеевна слабину: ребенок начал мешать работе. Двое детей? Значит, двое детей начали мешать работе! Словом, перестала устраивать... План — главное, над всеми нами план...

Женщины-инженеры в ОКБ выглядели усталыми: одни жаловались на постоянную недосып, другие — на бессонницу... И в цехе, где собирают бытовые компьютеры, работницы признавались: «За планом гонимся, гонимся, а он от нас, от нас... Субботы черные одолели прямо...»

Как же случилось, что Большой и Добрый план, план нашего общего благополучия, мог где-то обернуться таким чудическим — беспощадным, отчужденным от человека, чуть ли не враждебным ему? Не слишком ли дорогой, непомерной ценой достаются «Экситону» его достижения?

Достижения?

«...В январе завод с треском провалил государственный план». «Завод хронически работает неритмично». «Завод не выполнил план по себестоимости и прибыли». «Ни один из выпускных цехов ни в одном из кварталов... не обеспечил...» Есть в чем упрекнуть и нашу науку — коллектив ОКБ: «...по итогам 1986 года: не выполнены до нужного результата работы по повышению качества ряда важных изделий». «В 1987 году мы вышли с низким уровнем незавершенного производства по такой важной позиции, как изделия вычислительной техники». Так говорил о «достижениях» «Экситона» его директор Г. П. Морозов на пленуме ГК КПСС, затем на партийно-хозяйственном активе.

2. Кнут в оглобли не впряжешь

Есть старый анекдот о том, что, мол, рентгеновский аппарат изобрел еще царь Петр I. Бывало, скажет: «Я тебя, такой-сякой, насквозь вижу!» И «снимок» готов.

Не из анекдотов, из истории известно, как «лечил» грозный царь тех, чьи «снимки» ему не нравились. Тут же подписывал страшный указ, и трещали косточки, летели головы человека. Но к чему, спросите, вспоминать дела давно минувших дней здесь, в рассказе о суперсовременном заводе?

Может, не зря висит на стенах кабинетов экситоновских руководителей самый что ни на есть настоящий указ Петра I (правда, с игривым добавлением — «о качестве»).

Увидев над головой начальника одного из цехов выведенный славянской вязью царский Указ, начинающийся словами «бить кнутом», я не поверила глазам.

«Что, не нравится? — проследив за моим взглядом, спросил начальник этого цеха товарищ Игнатов. — А плохое качество нравится? У нас во многих цехах этот Указ развешили. Дисциплина нужна. Нежничаем много. А результат? Тот и оно! Недавно велел я комнату женской гигиены на ключ замкнуть от прекрасного пола. Курилку там, понимаешь, устроили! Такой шум подняли! Как в субботу поработать выйти или там в воскресенье, им не нравится: они женщины, у них семьи. А как смолить — не хуже мужчин...» Начальник цеха махнул рукой в полном расстройстве. — И газировочный аппарат в субботу работает, и ясельки подключаем, чтоб ребенка сдать. И отгулы даем. Нет, не устраивает. А приструнить попытаешься — заявление на расчет тут же тащат, мол, незаконно все это. А чего незаконно? У нас всегда с профсоюзом согласовано».

— Течучка имеется? — спросила я.

— Тенденция есть, — неохотно признал начальник цеха. — Им вроде как все равно, что на родном заводе план горит... Не шибко любит трудиться нынешняя молодежь — вот что я вам скажу.

Прямо из кабинета я направилась в цех, где собирают бытовые и предназначенные для школьных классов компьютеры. И увидела разгар смены: молодые рабочие слонялись по цеху без дела или сидели, явно в нерабочих позах, стравливая время в разговорах. Перерыв, что ли? «Перерыв на две недели», — запальчиво ответила мне монтажница А. Н. Паршина, к которой я обратилась. «Работы нет, потому что начало месяца, — подтвердила другая работница. — Зато

к концу месяца как рванем, как помчимся без выходных, так мимо качества и пролетим. И нас же за это и стегать будут — и рублем, и словом... (Не без дела, значит, для стегания, висит на стенке петровской выделки кнут!). А у нас же дети по субботам без присмотра материнского. Маленькие скучают, плачут. На старших в школе жалуются. О чем только наш партком думает?

Партком. Долго не ладится разговор с секретарем парткома Михаилом Петровичем Ковалевым.

— Пришла бы ко мне, и не было бы вопроса, — все повторял он. — Так нет, строчит вверх... Она себе ребенка родила, а производство к ней приспособиться, так, что ли? Дисциплина же общая для всех! И план — забота общая. Ведь как в войну четко было. Прогулял — под суд! И какая дисциплина была! Это теперь обсуждения-рассуждения. Да есть они, есть и у нас обсуждения эти, не беспокойтесь! — И, прервав свой жесткий монолог, секретарь парткома резко встал, открыл дверцу стенового шкафа, бросил на стол стопку голубых, заполненных разными почерками анкет. — И Климанова, небось, писала, всем дали тогда высказаться: как выбирать заводу из ЧП. Но не насытила, выдать, она свой авторский пыл. — И, увидев, что я с интересом принялась за голубые анкеты, спросил удивленно: — Вы читать их собираетесь? Зачем?

Сегодня еще можно отсиживаться за баррикадами «не зависящих от производства» причин, ссылаться на поставщиков, потрясать телеграммами, отказами, уверять: «Будут комплентующие — будет успех». Но завтра, когда «независимые» исчезнут и за рухнувшим нагромождением обнаружится то, о чем сегодня тревожатся в цехах и лабораториях, ОКБ, да и повсюду на заводе люди, — как встретит это завтра?

Читал ли, услышал ли эти живые голоса сам секретарь и члены парткома, задумывались ли над прочитанным? Или скелетные скрепки анкетные листки лишь беспомощно пылились на полках казенного шкафа? А ведь в них рассказывали экситоновцы о существенном: нарушениях технологического процесса, о скверной вентиляции в цехах, о текущей крыше над головой рабочих и о текучести в бригадах, об усталости от бесконечных «продленок». И самое главное: рабочие и мастера, рядовые и нерядовые инженеры и экономисты требовали «как можно быстрее перестроить планирование», «для принятия более правильных решений практиковать личные встречи руководителей с работающими людьми». Иные советы были обра-

щены напрямую парткому: «Парткому завода пора обратить внимание на моральный климат среди руководящего состава завода. Процветают бюрократизм, волокита, амбиции. Нет взаимопонимания. Особенно это касается службы главного инженера».

И по всему выходило: комплетирующие успеха — они не там, у поставщиков, а здесь, в заводских стенах. Не о том ли и слово Климановой?

— Далась вам эта Климанова! — неприязненно сказал секретарь парткома. — Была бы стоящий работник — не бегала бы из отдела в отдел. Работала б с Косенковым. Творческий товарищ. Волевой командир. И в журналы пишет статьи, а не жалобы. Медали ВДНХ — серебряные даже — имеет... Ну, был у него партийный выговор за грубость к людям. Вам кто про это сказал? Характеристику видели? Ладно... А чем ей теперь не угодил Пыжов? Все начальство, значит, не в ногу, одна Климанова — молодец? Кто поверит? Как это может быть?

А вот как: «Сказались ошибки в воспитании руководителей в прошлые годы». «Чегр греха таить, тот, кто демонстрировал активность, изображал из себя умелого руководителя, как правило, и выдвигался. А те, кто работал не громко, но с анализом, особенного доверия не вызывали». Еще и этим откровенно объяснял сложную заводскую ситуацию на пленуме Павлово-Посадского ГК КПСС директор «Экситона» Морозов. Как же ему не поверить? Да и речь-то его была опубликована, всеми, надо думать, прочитана. Люди, значит, в курсе.

Но речь речью, а жизнь жизнью. И это тоже все хорошо усвоили на «Экситоне». Репутация Косенкова и после партийного выговора за неуважение к коллективу, грубость, бестактность в отношении к подчиненным нисколько в глазах начальства не пострадала: здесь все еще в моде «крепкая рука», административный кнут. Как исстари водилось, с петровских времен... А времена-то прошли, прошли невосвратимо, нельзя их «примирить», так сказать, приспособить ракетный двигатель к телегу.

В профкоме «Экситона» расхваливали заводскую «социалку», особенно клуб («Приходите на «диско» — сами убедитесь: лучшие светотени в Московской области!»). А «черные субботы» по согласию с профсоюзом — это свет или тень? «Так план же... Для пользы производства» — объясняли.

«Производственные «продленки», школьные продленки, субботы без мамы, круглосуточные ясельки — неужто и правда это на пользу производству?»

3. Немножко статистики, а также демографии

И в промышленности, и в сельском хозяйстве женщин и мужчин поровну, не менее четверти женщин (от всех работающих) на строительстве и транспорте.

«В небесах, на воде и на суше» женщина доказывала и доказала, что может, хочет и привыкла исполнять социальную роль работника, профессионала точно так же, как мужчина. На тех же условиях, что и мужчина. И общество приветствовало это проявление раскрепощения женщины, это свидетельство ее равноправия. До тех пор, пока вдруг не обнаружилось: нас постепенно становится меньше — малодетная семья стала типичной в РСФСР, Прибалтике, Украине, Белоруссии.

Правда, заместитель руководителя Центра по изучению проблем народонаселения кандидат экономических наук В. В. Елизаров сделал недавно, такое обнадеживающее сообщение: «...в стране произошло изменение «демографического климата». «...прирост населения страны в 1986 году 2,9 миллиона человек против 2,5 миллиона человек в 1985 году», «...это результат усиления государственной помощи семье. Растет число и третьих детей, — предполагается увеличить дорожной отпуск, а также количество оплачиваемых дней по уходу за больным ребенком». «Уже в нынешней пятилетке планируется продлить до полутора лет частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком». И все же исследования и массовые проверки, проведенные Научным центром ВЦСПС на десятках различных предприятий, показали, что льготами, предоставленными законом женщинам-работницам, имеющим детей в возрасте до 8 лет, удается пользоваться в очень слабой степени, в том числе повышать квалификацию с отрывом и сохранением средней зарплаты, пользоваться гибким графиком рабочего дня, надомной работой и т. д., и т. п. Эти самые «тэ дэ и тэ пэ» заключаются в себе бесчисленные печальные истории, похожие на ту, что рассказала в своем письме Климанова. Не секрет: «работающая мамаша» в глазах начальства «крест и наказание», постоянный источник раздражения. Она цепляется за свои льготы, за свои материнские права, она, по сути, мешает и тормозит... Сидела бы уж дома! Но «сидеть дома» современная женщина уже не хочет и не может. Да и производству без женщин в силу все тех же демографических обстоятельств нынче никак. Так как же быть-то?

В экситоновском ОКБ женщины на вопрос, не собирается ли кто сделать семью пополней, только вздыхали безнадежно: «Куда там! При такой-то нагрузке да таком отношении...» При таком, хочется добавить, с позволения сказать, «равноправии». Известно же, подсчитали ученые, что у семейной работающей женщины свободного времени остается в 2,5 раза меньше, чем у мужчины, потому что обязанностей в семье много больше.

Давно, давно пора выводить из тени лукавства факты и цифры, укрывшиеся в тени высоких рассуждений о женских правах. Вывести за пределы социологической литературы тот угловатый факт, что женщина все-таки «работник специфический», и это вовсе не в укор ей, а, напротив, в заслугу. Ведь не в цехе, не в ОКБ, не в ОТИЗе происходит такой важный вид производства, как рождение и формирование человека, а в семье. На женщине — будущее поколения страны. А ее попрекают гибким графиком, корят за бюллетени по уходу за малышом, стремление провести выходной с детьми.

А потом проверки показывают: льготами пользуются слабо. А потом демографы фиксируют: снижается рождаемость.

Начальник одного из крупных цехов «Экситона» Галина Ивановна Тихановская рассказывала, как она «корректирует» гибкий график у себя в цехе: «Чтоб в сторону производства гнулся, а не кому как надо». Она же защитник «продленок» и «суббот»: «И сама выхожу, и своих умею заставить. Надо — значит, надо». За глаза Тихановскую называют «железная леди», но ей это даже импонирует: значит, крепкий руководитель, не хуже других. Остается добавить, что Тихановская — председатель женсовета «Экситона». У самой Галины Ивановны двое детей. Как они растут у вечно занятой мамы? «Как бурьян! — говорит она и добавляет: — Пока, тыфу, тыфу, без приводов!»

Не всем так везет. Десяток подростков, чьи родители трудятся на «Экситоне», имеют приводы, поставлены на учет в милиции (среди них, к слову, и сын «крепкого руководителя» Косенкова). Жизнь не уломяешь, у нее свой кнут.

Я перелистывала высокую стопку характеристик, выданных работникам «Экситона» для предоставления в УВД после «задержания» их детей. Вот выданная одной из многих работниц: «С хорошим складом характера: безоговорочно подчиняется распоряжению мастера. Норму выполняет на 110%». Эта «перевыполненная норма» выпукло, внушительно, торжественно ставится в центре каждой такой характеристи-

ки, стараясь заслонить «бытовую мелочевку»: наглотавшего наркотика сына, пустившуюся во все тяжкие дочь.

Норма выработки норвит замаскироваться под норму жизни. Но можно ли считать нормой то, что ставит смысл с ног на голову: кому нужны достижения в ущерб себе, своим детям?

***

Старая это поговорка: «Кнут в оглобли не впряжешь — на кнуте не поедешь», — а мудрый смысл ее все жив. В самом деле, далеко ли уехал на кнуте тот же «Экситон»? (Даже пьянства на заводе он не перешиб. Приходят на работу в нерабочем состоянии токарь и электросварщик, мастер цеха и оператор ЭВМ, изолировщик и транспортировщик... Уходят с работы «тепленькими» тоже люди профессий хороших и разных... В официальных бумагах отдела кадров они названы «лицами, по вине которых под угрозой выполнение соцобязательств в ряде цехов и ОКБ».) Не перешибить ему и того нового, необратимого, что, наступая по всей стране, подступило и к «Экситону».

Как известно, отдельно от общего положения вещей «женского вопроса» не существует. История Климановой, словно зеркало, отразила столкновение прежнего, глухого уклада (без акустики для общественного мнения) и вызревшего нежелания большинства экситоновцев со всем этим мириться. Отсюда — партийное собрание, где руководителю отдела Косенкову объявляют выговор за неуважение к коллективу. Отсюда — анкетный опрос и общие собрания, после которых невозможно было оставить на местах трех начальников цехов.

Отсюда и письмо Климановой.

Да, это женское письмо. Одно из многих на сходную тему в редакционной почте. И кому, как не женщине, сказать свое слово в защиту семьи? Сколько раз, вырубая леса и отравляя реки, плевали мы в кристальный колодец природы, губили истоки нашей жизни! Теперь стал оскудевать на наших глазах самый уникальный из них — семья. Между этим грустным фактом и бедами производства уже сегодня больше связи, чем это улавливают на «Экситоне». И еще в большей степени будет завтра, когда опорой нашего хозяйства станет молодежь, — по выражению социологов, «все более сужается круг нового поколения».

Но что до этого «Экситону»? Все его заботы — вокруг плана по компьютерам...

СЕМЬЯ И ВРЕМЯ

В древнеиндийском городе Аллахабаде раздался пронзительный крик новорожденной: еще один человек на Земле объявил о своем вступлении в жизнь.

В семье известных во всей Индии адвокатов Неру под двойным знаком — «нежности» и «жизненной силы», — как определили местные астрологи, родилась девочка.

Провозглашенное ленинским Декретом о мире право всех народов на самоопределение было услышано и в угнетенной Индии, где вождь индийского народа Махатма Ганди начал кампанию гражданского неповиновения английским колониальным властям.

В любой семье рождение ребенка — событие, а в индийской, да еще у члена высшей касты — брахмана, — событие вдвойне.

По индуистскому обычаю Камала, жена Джавахарлала Неру, должна была на время родов вернуться в родительский дом. Но это совсем не устраивало ее беспокойного свекра Мотилала Неру, и он твердо настоял на том, чтобы сноха осталась в его доме, где она могла получить лучший уход и самую современную медицинскую помощь.

Дед и муж роженицы, люди далекие от суеверия, не хотели задевать религиозных чувств близких и поэтому не мешали набожным женщинам и многочисленным родственникам творить молитву, читать ведийские гимны и соблюдать индуистский обряд по случаю рождения ребенка. Но их занятость религиозным ритуалом, хлопотами и приготовлениями ничуть не снимала в доме напряженного ожидания развязки.

Все замерли, когда наконец в зале, где собрались близкие, появился доктор-шотландец.

— Вот вам, сэр, — нарушая торжественную тишину, громко произнес доктор и протянул ребенка смущенному и взволнованному отцу. — Девочка... Да, здоровая и очень красивая девочка. — И снова солнечно заулыбался доктор.

— Но ведь должен быть мальчик... Мы ждали мальчика, — непроизвольно вырвалось разочарование у свекрови Сваруп Рани.

Дед Мотилал сверкнул глазами.

— Пусть все знают, что это дочь моего сына Джавахарлала, — произнес он в сердцах, — и она будет лучше тысячи сыновей.

Впереди девочку ожидали годы одинокого детства, необходимость принятия совсем не по-детски серьезных решений, годы ранних забот и тревог. А пока жизнь в доме Неру кипела вовсю. Здесь нашли приют многие родственники, и все они старались излить свои нежные чувства к внучке преуспевающего в делах Мотилала Неру.

...Произошло это как-то разом, в один день, очень картинно, красочно, как яркий фестиваль низвержения идолов.

Случившееся живо запечатлелось в памяти маленькой Индиры на всю жизнь.

В этот памятный день все обитатели дома под энергичным руководством радостно возбужденного деда начали сносить на широкую открытую веранду и складывать в одну кучу свои лучшие наряды и иностранные предметы роскоши: фрак, смокинг, цилиндры, лакированную обувь, отрезки вельвета, шифона, яркие шелка, тюки манчестерских шерстяных тканей, вещи из сафьяна, массу дорогих безделушек — все, что было когда-то за большие деньги куплено в Европе и привезено

«РОСА НА ЛОТОСЕ»

Кто из советских людей не знает имя Индиры Ганди? В нашей памяти — ее солнечная улыбка, очарование открытого взгляда и гордая женская стать.

19 ноября 1987 года великой индианке, поборнице мира между народами, большому другу Советского Союза, исполнилось бы 70 лет.

«Год, в который ты родилась, 1917 год, — писал дочери Джавахарлал Неру из английской колониальной тюрьмы в Индии, — был одним из самых замечательных в истории, когда великий вождь с сердцем, преисполненным любви и сочувствия к страждущим беднякам, побудил свой народ вписать в историю благородные страницы, которые никогда не будут забыты. В тот самый месяц, когда ты родилась, Ленин начал великую революцию, изменившую лицо России». Это письмо Индира получила от отца, когда ей было всего 13 лет. Человечество продвинулось с того времени далеко вперед. Мир стал иным, лучше, но он не стал безопасней. Глобальные проблемы, с которыми столкнулось человечество, многократно усложнились.

В конце этого года в Политиздате выйдет в свет художественно-документальная книга АЛЕКСАНДРА ГОРЕВА «Роса на лотосе. Индира Ганди: мечты и свершения». Предлагаем вам выдержки из этой книги.

сюда, теперь сваливалось в эту многоцветную гору отвергнутого добра.

Индира удивленно наблюдала за происходящим, прижав к груди очаровательную куклу, привезенную ей из Лондона. Девочка не расставалась со своей любимицей даже ночью, обнимая ее во сне в кровати.

Вечерело. Небо, сначала побагровев, стало быстро угасать, и на нем замерцали первые блеклые звезды.

Взрослые набросали на кучу с вещами сухих дров, подсунили в них хворост, принесенный из парка. Заканчивались последние приготовления.

Кто-то сказал, что Индире пора в постель. А ей не хотелось уходить, не увидев редкого зрелища. Как всегда, ища в таких случаях защиты у деда, она попросилась к нему на колени. Тот нежно взял ее на руки, но все-таки уговорил пойти спать. Засыпая, Индира смотрела через окно на хищные искрометные языки пламени, жадно лизавшие черноту ночи.

Прошло немного времени после этого события, и четырехлетней Индире пришлось выдержать первое суровое испытание: вполне осознанно пойти на тяжелую для себя личную утрату во имя исполнения долга перед другими.

Дом в те дни посетила возвратившаяся из заграничной поездки одна из родственниц Неру. Она привезла из Парижа в подарок Индире очень нарядное платье.

— Примите от меня для Индиры вот это, — сказала она Камале, разворачивая и показывая изящное вышитое платье.

— Ради бога извините, — виновато улыбаясь, ответила ей Камала, — но мы не можем принять этот прекрасный подарок... В нашей семье, — пояснила она, — все носят одежду исключительно из хлоди.

Гостя критически смерила взглядом Камалу, на которой было одето бедное крестьянское сари из грубой домашней ткани типа обычной мешковины.

— Все вы здесь, очевидно, посходили с ума, — взорвалась она. — Ну ладно, вы люди взрослые и ваше дело издеваться над собой как угодно, но зачем лишать удовольствий и учить ребенка?

Камала зарделась, в ее глазах засветились слюхохи.

— Инду, подойди к нам, — позвала она здесь же рядом игравшую со своей куклой дочь. — Тетя привезла тебе заграничное платье. Оно очень красивое, и ты можешь взять и носить его, если захочешь. Однако прежде подумай о большом костре, в котором мы сожгли все заграничные вещи. Пожелаешь ли ты носить эту элегантную вещь, тогда как все остальные в семье одеты в хлоди?

Глаза девочки, увидевшей необыкновенно красивое платье, загорелись восторгом. Искушение было огромным. Она даже протянула руку, чтобы потрогать понравившуюся вещь, но, словно наткнувшись на что-то, в испуге отдернула руку обратно.

— Уберите это платье. Я не буду его носить, — не по-детски твердо сказала Индира.

— Почему же так? Тебе не нравятся красивые вещи? — домогалась гостя.

— Нет, платье мне понравилось. Я люблю красивые вещи, — пояснила Индира, — но индийцы должны отказаться от иностранных вещей, — повторила она услышанные от взрослых слова.

Гостя удивленно всплеснула руками и не нашла ничего умнее, кроме как зло связать ребенка:

— Так почему же ты, святая патриотка, не сожжешь свою заграничную куклу?

Слова эти точно гром поразили девочку.

Она побледнела и, ни слова не ответив, убежала в дальние комнаты дома.

Камала с упреком посмотрела на гостью. «Зачем же так жестоко?» — застыло недоумение в ее глазах.

С тех пор Индира на людях с куклой не появлялась, ходила неразговорчивая, подавленная. По всему было видно, что она мучительно решала какую-то внутреннюю проблему. И вот однажды, взяв куклу, она удалилась в безлюдную террасу в верхних этажах дома. Там уже был заготовлен ею горячий материал для маленького костра. Девочка бережно положила на него куклу, дрожащей ручонкой запалила хворост и бросилась прочь от этого страшного места.

К вечеру у нее поднялась высокая температура, она металась в жару, всю ночь стонала и бредила. Проболела недели две. Исхудала. Глаза впали, в них появились блики печали, не исчезающие даже при улыбке.

Перенесенное Индирой нервное потрясение словно поток огненной лавы обрушило все внутри, сожгло ее детский мир.

Пройдут десятилетия, и Индира скажет, что с того дня она всю жизнь не выносила чирканье спичкой.

СЕМЬЯ, ИНДИЯ, МИР

Режим и ритм жизни Индиры Ганди остались прежними. На сон она отводила не более 4—5 часов, остальное время — активный труд с небольшими перерывами для того, чтобы побыть в кругу своей теперь уже достаточно большой семьи.

Раджив и Санджай закончили свое образование. Первый стал летчиком гражданской авиации, второй посвятил себя общественной работе.

Оба сына женились. Женой Раджива стала Соня, родом из Италии. Молодые познакомились летом 1965 года в кафетерии студенческого городка Кембриджского университета, где Соня изучала английский. Раджив понял уже тогда, что эта девушка — его судьба. В январе 1968 года они поженились, и Соня сменила европейское платье на индийское сари, которое, кстати, ей очень шло. В июне 1970 года у них родился сын Рахул, а в январе 1972 года — дочь Приянка.

Санджай женился в 1974 году на Манеке, дочери индийского военнослужащего, выходца из сикхской общины. В то время Манека была манекенщицей, а позднее увлеклась журналистикой и политикой. Надо сказать, что Индире Ганди вовсе не импонировали увлечения невестки. У Санджая и Манеки родился сын, которого назвали в честь деда Ферозом Варуном.

Все жили одной семьей под общей крышей. Однако вместе с одним столом встречались не так часто, как хотелось бы, в основном по утрам, за завтраком, а потом весь день допоздна каждый был занят своим делом.

Индира Ганди просто боготворила внуков, и с их появлением ее жизнелюбие утроилось, обретая в них свой постоянный источник. Личная жизнь Индиры осветилась новым сильным чувством, обогатилась новым смыслом — заботой о внуках.

Убранство дома соответствовало вкусу и нраву главы семьи — уютные, очень чистые комнаты с минимальным количеством мебели. В гостиной, где хозяйка принимает посетителей для серьезного разговора (с большими группами людей она встречается прямо в саду или на просторной веранде), стоят две софы и четыре кресла.

журнальный столик со стеклянным верхом. На столике всегда красуется ваза с живыми цветами, собранными в букет самой Индирой. Середина одной из стен в гостиной занимает камин, поскольку зимой в Дели бывает довольно холодно. Над камином большая картина мексиканского художника Рафаэля Наварро, изображающая мальчика с флейтой, на плече которого сидит голубь. По другим стенам — маленькие портреты Махатмы Ганди, Джавахарлала Неру, Рабиндраната Тагора и еще пара гравюр, запечатлевших памятники древнеиндийской архитектуры. И это все. Столовая еще проще. Самым единственным и уютным местом для Индиры Ганди является ее спальня, где она не только отдыхает, но и работает. Поэтому в спальне — библиотека, письменный стол, место для физических упражнений: утром и вечером в течение 15—20 минут она непременно выполняет несколько асан по системе йога. Здесь же ее гардероб. Она ревностно следит за своей внешностью, но, тщательно выбирая туалеты, особенно по сочетанию цветов и деталям отделки, совсем не пользуется косметикой...

Мировая слава и популярность Индиры Ганди вызывали к ее личности ненасытный интерес прессы. Журналисты хотели знать о ней все: и о ее вкусах, и привычках, и чувствах. Вопросы к ней были самые разные — обескураживающие, нескромные, наивные, простодушные и, конечно, провокационные.

Во время встречи глав государств и правительств неприсоединившихся стран корреспондент английской газеты «Дейли экспресс», например, спрашивал Индиру Ганди, когда она встает утром. И премьер-министр терпеливо отвечала:

— Вот сейчас, во время конференции неприсоединившихся стран, мы ни разу не добиралась домой раньше четырех часов утра. Я ложилась спать в 4.05 или в 4.10, затем крепко спала до 7.45 или около этого...

— Как Вам удается всегда выглядеть такой привлекательной и безукоризненно подтянутой?

— Очень любезно с Вашей стороны, — засветилась улыбкой Индира Ганди, — хотелось бы мне думать о себе так же.

— Могу я задать странный вопрос? — спросил журналист. — Обычно считают, что прекрасная белая прядь у Вас на лбу искусственная...

— Нет, я никогда не красила волосы. Эта прядь моя.

— А как она появилась?

— Не сразу — волосок за волоском, — продолжала улыбаться Индира Ганди.

— На Ваших плечах лежат огромные заботы. Бывало ли, что Вы говорили сами себе: «Хватит. Ты достаточно поработала. Уходи»?

Премьер-министр опустила глаза и задумчиво ответила:

— А куда я могу уйти? Нет такого места, где я могла бы скрыться. Я подумывала куда-нибудь уехать, когда еще был жив отец. Но и тогда я была сильно занята. Куда бы он ни ездил внутри страны, повсюду возникали проблемы, приходили местные жители... А я из тех людей, которые во все вникают...

Некоторые зарубежные газеты обращались к Индире Ганди с целой опросной анкетой, и отказать в удовлетворении их любопытства было не всегда удобно. Политическим деятелям, хотя бы они этого или не хотят, приходится считаться с интересами прессы.

— Где Вам нравится жить? — спрашивают Индиру Ганди.

— В горах, среди огромных тенистых де-

ревьев, около журчащего ручья. Конечно же, в Индии.

— Как Вы представляете себе полное земное блаженство?

— Его не существует, но я испытала моменты большого счастья.

— Какие недостатки Вы более всего склонны прощать?

— Те, причиной которых является застенчивость, — ответила Индира Ганди, поскольку ей самой пришлось приложить много сил к тому, чтобы справиться со своей природной застенчивостью.

— Какие качества Вы более всего цените в женщине?

— Искренность, а также желание помочь других людей и помочь им.

— Какое качество в людях Вам нравится больше всего?

— И в мужчинах, и в женщинах — моральное, духовное и физическое мужество.

— Кем бы Вы хотели быть?

— Самой собою, — улыбнулась Индира Ганди.

— Что Вы больше всего ненавидите?

Улыбка сошла с лица премьер-министра:

— Мелочность и уродство духа. Лицемерие и жадность.

— Кого из исторических личностей Вы больше всего ненавидите?

— Гитлера — единственного из тех, о мании величия, садистских и варварских деяниях которого мы знаем лично.

На вопрос журналиста, что было бы для Индиры Ганди самым большим несчастьем, она ответила: «Все то, что угрожает независимости и целостности Индии».

НОЧЬ И ВЕЧНОСТЬ

30 октября 1984 года после утомительной поездки по штату Орисса премьер-министр Индии Индира Ганди возвратилась в Дели.

Она всегда много ездила по стране, а в последнее время и вовсе не давала себе покоя: дороги, дороги, каждодневные выступления на людных митингах, пресс-конференции, интервью, беседы. Будто торопилась что-то досказать людям, будто боялась забыть о чем-то, что-то не успеть.

Добравшись до своей резиденции на Савдарджанг роуд, 1, премьер-министр приняла наконец столь желанную ванну и, накинув на себя халат, впервые за целый день расслабленно опустилась в уютное плетеное кресло на веранде.

За день солнца хорошо потрудились, разливая по полям индийских крестьян свет и тепло. А теперь небо быстро гасло, одевалось в черный, усыпанный звездами бархатный наряд, на котором, точно брошь, красовалась полная Луна.

Отдавать эти благостные часы сну было жалко. Не в прозрачной голубизне дня, а вот в такие делийские ночи, в смоляной черноте неба открываются глубины мироздания, и тогда приходят мысли не о суетном и обыденном, а о самом что ни на есть сущностном и извечном, о высшем смысле бытия.

Плывет, кружится планета Земля — маленькая хозяйка Вселенной. Бережно несет она на своем теле человечество, кормя его своей грудью, щедро утоляет жажду людей чистой водой рек и озер, питает зерном, овощами, вкусными диковинными плодами. Животные, расселившиеся на Земле, преданно служат человеку. Земля украшает среду обитания людей лесами

и душистыми лугами, величественными хребтами гор.

Неправду говорят, что Индира пошла не в отца, и не проявляла склонности к поэтическому восприятию мира, и что она будто бы всецело была погружена в будничные дела.

Думалось ей в этот поздний час легко и широко. Дневные заботы национального лидера, текущие проблемы, о которых она говорила на людях точными и строгими политическими формулами, украдкой уступили теперь место образному мышлению поклонницы смелых аллегорий и метафор тагоровских стихов, где боги и люди, земля и небо, реки и горы, добро и зло, реальное и абстрактное — все это суть одухотворенные персонажи одной нескончаемой и всеохватной драмы человеческого гения.

Индира, не зажигая освещения, сидела в темноте. Лишь у въезда в резиденцию горели фонари. Часовые размеренным шагом ходили вдоль оград. Где-то поблизости прозвучал привычный и милый слуху серебряный звон колец на запястьях у женщин: это уже с ночи сюда приходят ходоки из различных уголков страны. Каждое утро они собираются на лужайке перед резиденцией, чтобы поклониться премьер-министру и матери Индии, чтобы только увидеть ее и услышать ее голос.

Монотонная полифония звуков ночного сада. Сладок застывший в воздухе аромат роз, смешанный с дымом кичячных костров городских окраин. Неподвижны в чуткой дремоте деревья. Безмолвны их густые кроны. Ничто не шелохнется, и лишь молчаливо чертят небо падающие звезды, возникает и гаснет в сознании нестройный черед мыслей и образов. Интимная теплота ночи расслабляет, пленит, вызывает мягкую грусть.

Жгучая и гордая мечта о единой, процветающей Индии, о достойной и счастливой жизни своего древнего народа помогла хрупкой и скромной женщине стойчески выдерживать все суровые испытания: и вероломное предательство друзей и коварные выпады журналистов, гонения и провокации со стороны политических противников, оскорбительные обвинения и клевету, личные неудачи и трагическую смерть сына Санджая.

Часто разрушительной лавиной обрушивались на Индиру невзгоды. Однако ни одно даже самое невыносимое личное горе не могло истощить жизненных ресурсов ее могучего духа. Она была на редкость счастливой женщиной, несмотря ни на что. Сполна испытала Индира радость глубокой и нежной любви к Ферозу Ганди, ставшему ее мужем. И какие бы ни были семейные перипетии, она, как большинство индианок, всю жизнь оставалась верной своему первому чувству. По праву могла гордиться она сыновьями Радживом и Санджаем. Со старшим — Радживом, по природе расудительным и сдержанным, было легко. Санджай, горячий и рискованный, доставлял матери немало хлопот.

Многое пришлось пережить из-за него. И, может быть, именно поэтому материнское сердце еще сильнее сжималось и щемило сейчас из-за ничем не восполнимой утраты.

Говорят, что Санджай по своему неумному темпераменту и безаппеляционной прямоте суждений походил на Мотилала Неру, своего прадеда, а Раджив — больше на деда Джавахарлала.

Быстро пробежали годы, и вот она, еще

отчетливо помнящая себя в детстве, — уже бабушка. Верно, что реальное ощущение непрерывности жизни, идея бессмертия появляются у людей лишь с рождением внуков. Завтра она непременно выберет время, чтобы побыть со своими очаровательными внуками, обязательно со всеми тремя — Рахулом, Приянкой и Ферозом Варуном.

Что ни говори, а жизнь человека интересна еще и переходом его из одного возраста в другой: разве задорная румяная молодость может знать мир таким, каким познает его мудрая седая зрелость.

Премьер-министр взглянула на часы: далеко за полночь. Пора в постель. Завтра с утра уже столько дел. Надо как следует отдохнуть.

Прошла в спальню. Зажгла свет. Над лампой закружились мотыльки. В вазе на туалетном столике стояли свежие розы. Хозяйка приветливо им улыбнулась. Это, конечно же, позаботилась Соня. До чего же милая женщина! Можно порадоваться за Раджива. С такой женой ему хорошо.

Оглянувшись вокруг, прибрала с дивана в шкаф наспех сброшенный ею по приезде домой пуленепробиваемый жилет, который по настоянию начальника охраны она вынуждена была в последнее время носить под сари.

Розы и этот жилет... Грустно. Нет, завтра она его ни за что не наденет.

Индира поудобнее устроилась на диване и усталым взглядом бегло просмотрела заголовки газетных страниц. Обстановка в стране и в мире по-прежнему оставалась напряженной: «Военные поставки США Пакистану», «Пакистанские войска обстреливали индийские пограничные посты», «В Пенджабе найдены новые склады оружия сикхских экстремистов» и так далее, все в таком духе.

Газеты продолжали комментировать выступление по английскому радио самозванного руководителя сикхских эмигрантов в Лондоне Чаухана, который при очевидном для всех попустительстве британских властей заявил о намерении организовать против главы индийского правительства и членов ее семьи террористические акты. С такими же угрозами теперь выступили главарь сепаратистского отребья, окопавшегося в США и Канаде.

Премьер-министр отложила газеты в сторону: ничего нового и утешительного в них не сообщалось.

Индира прошла по комнате. Отключила кондиционер, который излишне выстудил помещение. И в открытое ею настежь окно заструился живой, душистый воздух с улицы. Запахло Индией.

В задумчивости она присела на край кровати. Ее большие спокойные глаза замерли, остановились на каком-то мгновение: строгие, все еще красивые черты лица окаменели, отливая холодным мрамором. Весь лик ее выражал подсознательное предчувствие чего-то такого, что невозможно ни облечь в мысль, ни выразить словом, только ощутить сразу, всем существом.

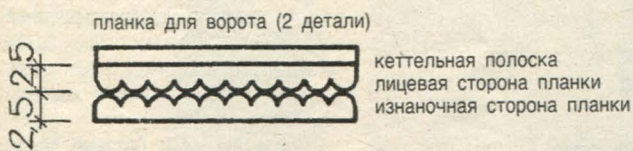
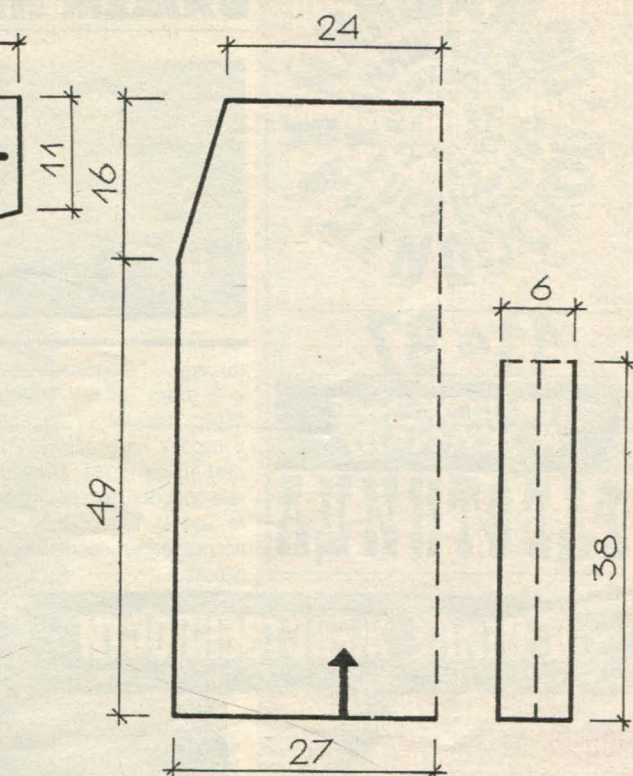
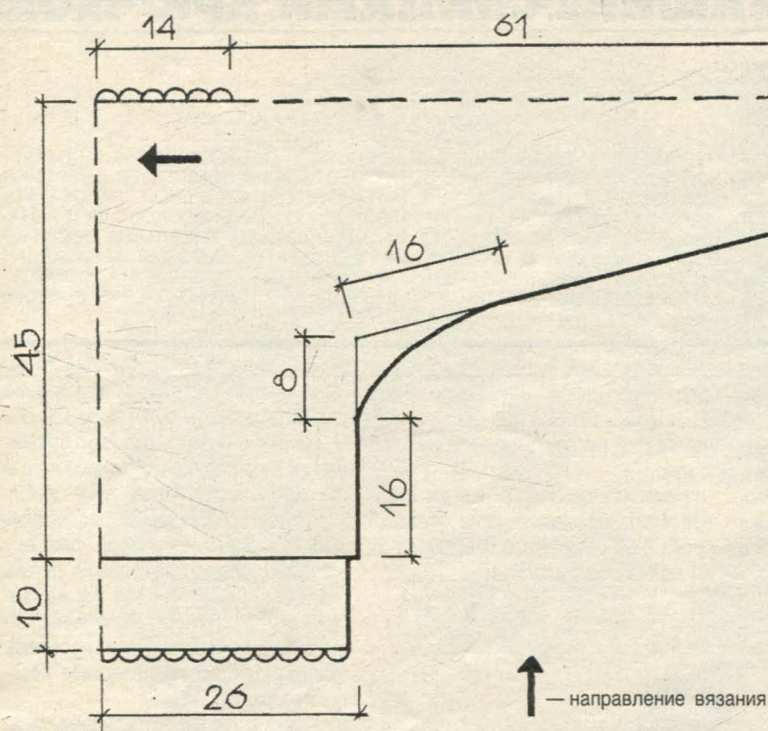
«Что ж, из каждой капли моей крови возродятся новые Индиры. И они сделают для Индии то, что не успею я», — подумала она, выйдя из странного состояния, которого прежде никогда не испытывала, и умиротворенно легла в постель на белоснежное хрустящее белье.

Свет в спальне премьер-министра погас. За ее окном над Индией искрилось небо и Земля неслась по своей солнечной орбите, отсчитывая годы и века.

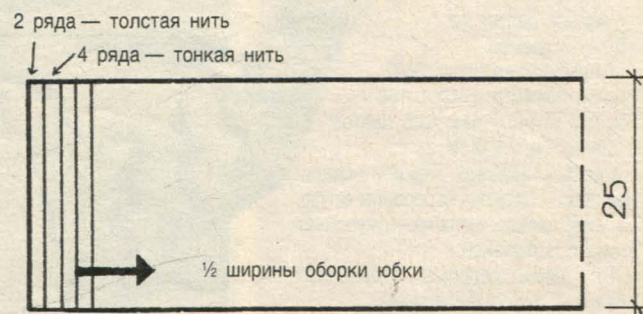

МОДЕЛЬ № 1

МОДЕЛЬ № 2

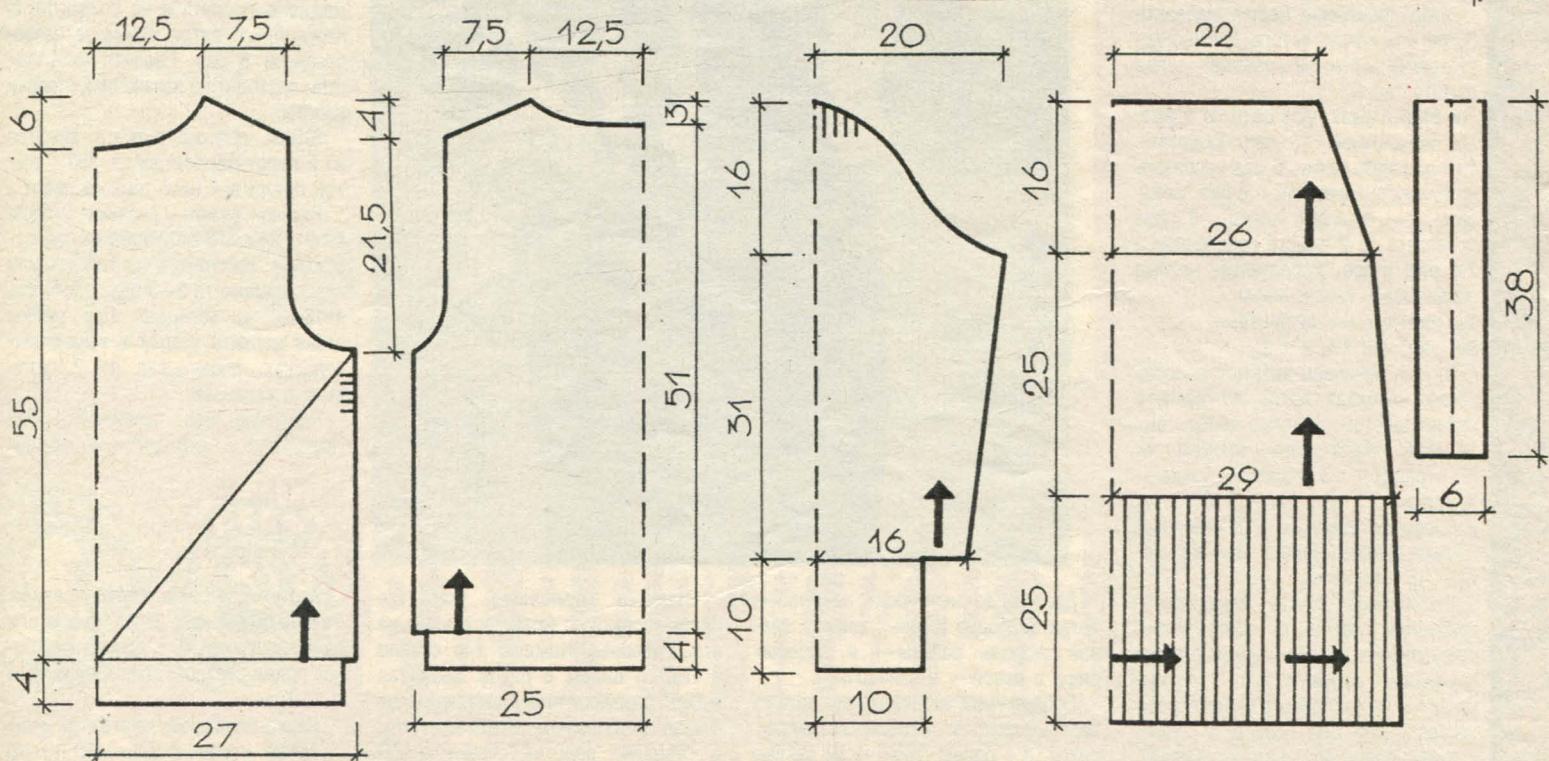

Фото Н. МАТОРИНА

ми». Узор комбинированной вязки: наберите 27 петель (кратное 5 плюс 2 краевые).

1-й ряд — все петли лицевые.

2-й ряд — все петли изнаночные.

3-й ряд, как 1-й.

4-й ряд, как 2-й.

5-й ряд — 5 лицевых из 5 петель вывязывать 5 (вводим правую спицу за задние столбики 5 петель, вывязывая лицевую, накид, еще лицевую, накид и 5-ю лицевую, сбрасываем все петли, провязанные с левой спицы). Так весь ряд. В конце ряда 5 лицевых.

6-й ряд — все петли лицевые (следите, чтоб правильно, последовательно провязать петли «веера»).

7-й ряд, как 1-й, и т. д.

Спинка, перед, рукава вяжутся снизу вверх.

Спинка: спицами № 5 вяжите 4 см отделочной планки платочной вязкой (все ряды вяжутся лицевыми петлями). Затем спицами № 6 вяжите по выкройке чулочной вязкой (нечетные ряды — лицевые, четные — изнаночные петли).

Перед: связав 4 см отделочной планки, спицами № 6 вяжем комбинированный рисунок с «веерами», причем начинаем с одного «веера», увеличивая в каждом 5-м ряду на один «веер». Таким образом, «веера» будут располагаться в шахматном порядке и пойдут по прямой наклонной линии к линии груди.

Рукав: спицами № 5 вяжите манжету платочной вязкой, а затем переходите на комбинированную вязку с «веерами» спицами № 2.

Детали наложите на чертежи, оттянув за линии чертежа бока, плечи и боковые линии рукавов на 0,5 см на шов. Намочите марлю, сложив ее в 2—3 слоя, накройте детали

и оставьте так до полного высыхания.

Сшейте рукава, плечевые и боковые швы, сделав припосадку в верхней части, так как длина бока перед длиннее бока спинки на глубину вытачки. Аккуратно, не задевая основную вязку, разгладьте швы.

Спицами № 5 наберите вокруг горловины петли и сделайте отделочную планку 4 см платочной вязкой. Чтобы получить рисунок платочной вязки при вязании по кругу, один круг ряд вяжем лицевыми петлями, 2-й — изнаночными. Закрываем петли в один прием в изнаночном ряду.

Вшейте рукава, сделав припосадку в верхней части головки. Прикрепите подплечники.

Юбка связана на машине из 3 деталей: переднее и заднее полотнища вяжутся по чертежу снизу вверх, а оборка — поперечным вязанием длиной, равной окружности нижнего края юбки (29 см : 4). Рисунок вязки имитирует «плиссе» — 2 ряда вяжем толстой нитью (в 5 сложений нить 32/2) и 4 ряда — тонкой нитью (в 2 нити). Начинаем и заканчиваем вязание вспомогательной нитью, затем, удалив ее, сшиваем полотно трикотажным швом. Сшейте боковые швы, предварительно хорошо пропарив полотнища. Теперь разгладьте их. Пришейте или привяжите пояс.

Оборку юбки, предварительно обработав, увлажните, вытяните в длину, чтобы лучше зафиксировать лишь ребра складочек, высушите, обвяжите верхний край столбиками без накида, стягивая при этом полоски, связанные тонкой нитью (внутренние). Пришейте, наложив оборку сверху, отступив от края 0,2 см.

Такую юбку можно связать и на спицах, используя те же приемы.

«А Я ДЕЛАЮ ТАК...» «А Я ДЕЛАЮ ТАК...» «А Я ДЕЛАЮ ТАК...» «А Я ДЕЛАЮ ТАК...» «А Я ДЕЛАЮ ТАК...»

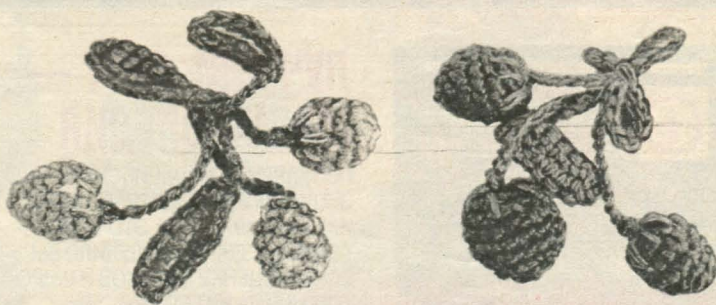
ВЯЗАНЫЕ «СУВЕНИРЫ»

Вязать нужно его крючками № 1:2 в шесть ниток мулине или в три-четыре простые нитки.

Сначала свяжем красные шляпки разных размеров: замкните первые три петли в круг и дальше вяжите от центра по спирали. У подшляпников — наоборот, петли убавляйте. Количество петель у грибных ножек остается неизменным. Здесь нитки красной шляпки замените белыми для ножек. На шляпках vyšейте белый «горох» гладью в две нитки, а ножки — стебельчатым швом.

А дальше приступайте к вязанию полянки: круглой, с загнутыми краями. Для устойчивости вставьте внутрь любой клеенчатый круг и положите на него немного ваты. Грибы также набейте ватой, но не очень плотно и пришейте основанием в центре полянки. Полянка должна быть зеленой, ее можно оживить «божьей коровкой».

Предлагаем вам еще два оригинальных сувенира — «МАЛИНУ» и «ЗЕМЛЯНИКУ». Вяжут их в четыре нитки мулине или в три простые (крючок № 1).

Сначала вяжите три ягоды разных размеров. У основания стебля vyšейте чашелистики.

Две ягоды соедините цепочкой из 38 петель из зеленых ниток, оставляя концы 7 см. Проденьте их в иглу и спрячьте внутрь ягоды.

Потом приступайте к вязанию листьев. Не отрывая нитки, вяжите цепочку из 28 петель и соедините ее

с третьей ягодой (так же как и первые две).

Затем вяжите второй листик цепочкой из 12 петель. Концом нитки последнего вязания свяжите ягоду в пучок. Оставшуюся нить, продев в иглу, пропустите в стебель (цепочку).

Лист вяжите из семи петель, а вокруг в два ряда обвязывайте столбиками.

Крапинки на «землянике» можно вышить оранжевыми нитками.

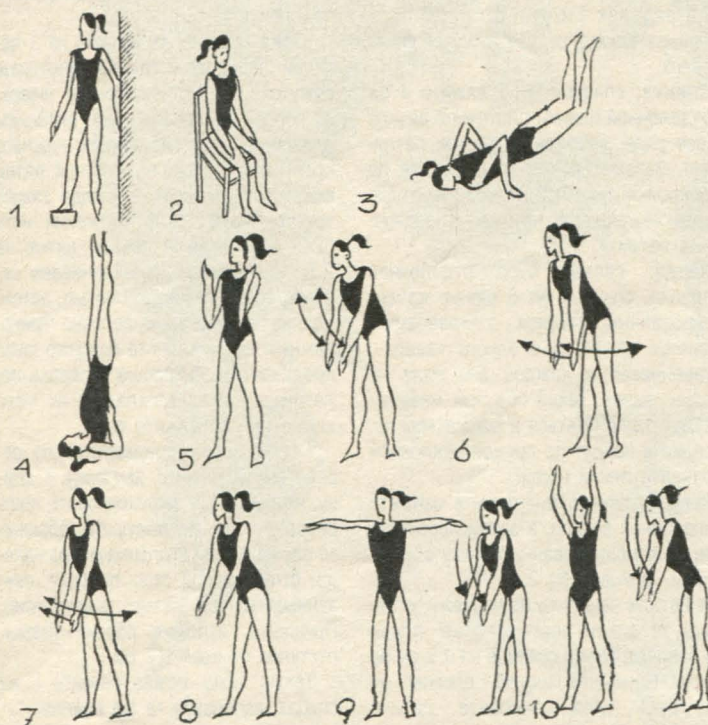
Т. Рябчикова
г. Кызыл-Орда, Казахская ССР.

Часто в доме возникает проблема: где хранить иголки? Можно, конечно, сшить обычную подушечку. Но я хочу вам предложить оригинальный игольник — «МУХОМОРЫ».

ЕСЛИ ВЫ УСТАЛИ...

ОТДОХНУТЬ — ЭТО ЗНАЧИТ РАССЛАБИТЬСЯ, ОТВЛЕЧЬСЯ ОТ ОСНОВНЫХ ЗАНЯТИЙ И ЗАБОТ, ПОЛУЧИТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ. СРЕДСТВА ЗДЕСЬ — САМЫЕ РАЗНЫЕ. ПОДНИМАЮТ НАСТРОЕНИЕ И СНИМАЮТ УСТАЛОСТЬ НЕГРОМКАЯ МЕЛОДИЧНАЯ МУЗЫКА, КРАСИВЫЙ ИНТЕРЬЕР КВАРТИРЫ. МОЖНО ПОРЕКОМЕНДОВАТЬ АУТОГЕННУЮ ТРЕНИРОВКУ, ТЕПЛЫЙ ДУШ. МАССАЖ И САМОМАССАЖ ТАКЖЕ ЭФФЕКТИВНО ВОССТАНАВЛИВАЮТ СИЛЫ.

Массируемые мышцы должны быть расслаблены. Это зависит от правильного положения: руки и ноги слегка согнуты и имеют опору. Чтобы трение между рукой и участком тела было меньшим, воспользуйтесь тальком. Массаж при наличии на коже гнойничков, экзем, лишаев и фурункулов противопоказан.

Самомассаж может быть общим и частным. Частный рекомендуется прежде всего для тех участков, которые устают больше всего. Это мышцы ног у тех, кто работает стоя, мышцы рук — у парикмахеров, портных, стоматологов и др.

Любимым названных профессий полезен самомассаж мышц шеи сверху вниз, от окончания волосного покрова до мышц спины. Он улучшает кровообращение мозга и глаз, способствует профилактике возникновения или обострения остеохондроза шейного отдела позвоночника.

Для поясницы, места наибольшей компрессии позвоночника, массаж особенно желателен.

Сегодня мы предлагаем вам несколько видов упражнений, предназначенных для расслабления мышц конечностей.

Упражнения для ног.

1. Левым боком нужно встать к стенке либо к столу, поставив на предмет высотой 7—10 см левую ногу. Правую раскачивайте, как маятник. Поднимая колено, делайте вдох. На выдохе мышцы ноги расслабляйте. Каждой ногой повторите упражнение 4—6 раз. 2. Сядьте на край стула. Ноги согнуты, слегка разведены врозь, руки лежат на коленях. Встряхивайте руками мышцы ног 20—25 сек.

3. Лежа на животе, потрясите согнутыми ногами, расслабляя мышцы голени в течение 20—25 сек.

4. Сделайте стойку на лопатках («березку»), руками придерживая туловище. 20—30 сек. трясите ногами, расслабляя мышцы голени и бедер.

Упражнения для рук.

5. Стоя, согните с напряжением руки, подводя кисти к плечам. Сделайте вдох. Через 1—2 сек., слегка наклонившись вперед, разогните и бросьте руки. Выдох. Следите, чтобы руки, полностью расслабляясь, раскачивались, как маятник.

6. Стоя, наклонитесь вперед и потрясите кистями 15—20 сек., стараясь расслабить мышцы.

7. Встаньте так, чтобы одна нога была впереди другой, слегка наклонитесь, руки висят свободно. Раскачивайте их туловищем вперед и назад 15—20 сек.

8. Ноги поставьте врозь, туловище наклоните вперед, руки свободно висят. Раскачивайте их в стороны 15—20 сек.

9. Упражнение похоже на предыдущее. После раскачивания руки разведите в стороны, сделайте вдох, задержите их на 2—3 сек., а затем расслабьте и бросьте на выдохе. Повторите 3—4 раза.

10. Поднимите руки через стороны вверх, сделайте вдох и, наклонившись вперед, бросьте руки — выдох. Повторите с небольшими паузами 3—4 раза.

При ежедневных тренировках в 5—10 минут можно уже через одну-две недели добиться полного расслабления мышц.

Ю. Курпан, методист лечебной физкультуры

Популярная медицинская энциклопедия

ЛУЧШИЙ ДРУГ — ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПОПУЛЯРНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВПЕРВЫЕ БЫЛА ИЗДАНА В 1979 ГОДУ. ЭТО ОДНОТОМНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛУЧИЛО ВЫСОКУЮ ОЦЕНКУ МЕДИКОВ И ШИРОКОГО КРУГА ЧИТАТЕЛЕЙ. ВРЕМЯ ИДЕТ, И СЕГОДНЯ, СПУСТЯ ВОСЕМЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ, ПОЯВЛЯЕТСЯ ВТОРОЕ, ПОДГОТОВЛЕННОЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ БОЛЬШОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ.

выми, не подтвержденными практикой идеями, трактуют гипотезы как установленные факты, пропагандируют сомнительные методы лечения. Такие публикации способствуют развитию самодиагностики, бесконтрольному применению лекарственных препаратов, то есть могут причинить вред больному человеку.

В нынешнее издание Популярной медицинской энциклопедии включены новые статьи, прежние материалы обновлены или заменены. В этом обобщающем труде в доступной форме излагаются современные представления о сущности жизненных процессов, даются научно обоснованные рекомендации по рациональному образу жизни, способам укрепления и сохранения здоровья. Читатели найдут в нем сведения о причинах возникновения сердечно-сосудистых, нервных, желудочно-кишечных, кожных, урологических, инфекционных и других заболеваний. В книге содер-

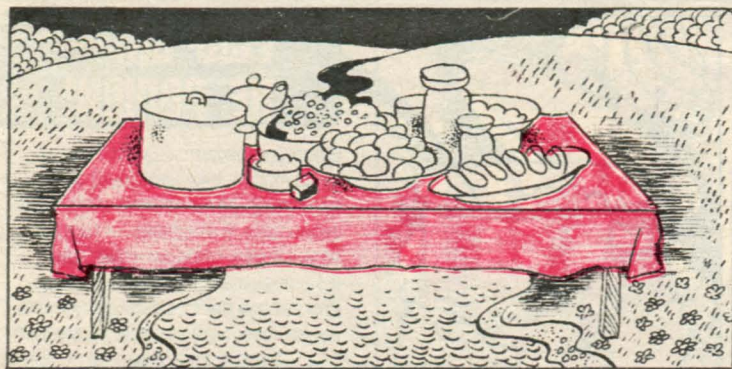
жится множество практических советов по оказанию первой помощи при несчастных случаях, описание правил ухода за больными.

В отличие от прежнего издания в новом отводится большое место вопросам брака и семьи, гигиены женщин, рекомендациям по медицинской и декоративной косметике, уходу за ребенком, физическому, психологическому и половому развитию подростков, говорится о роли физической культуры и спорта. Эти материалы способствуют расширению медицинского кругозора читателя.

Книга иллюстрирована цветными вклейками, черно-белыми рисунками, таблицами и схемами, поясняющими текст публикаций.

Т. Сулимицев, кандидат медицинских наук, ученый секретарь редакционного отдела Большой медицинской энциклопедии

Кухня народов Поволжья

Татарская кухня во многом близка узбекской, отчасти казахской: в ней много мясных, мучных, крупяных изделий. Овощи и фрукты употребляются в небольшом количестве.

В свою очередь, татарская кулинария повлияла на традицию народов Мордовии, Чувашии, Марийской АССР — кухни народов Поволжья.

В поволжской кухне наряду с кисломолочными блюдами татарского происхождения широко употребляются русские: простокваша, сметана, а также грибы, лесные ягоды, речная рыба.

Она небогата специями, пряностями, приправами, зато в ней много репчатого лука. Композиция блюд исключительно проста.

САЛАТ С МЕДОМ ПО-ЧУВАШСКИ

Очищенные тыкву, репу и яблоки нарезать мелкими кубиками, залить расплавленным медом, осторожно перемешать, дать постоять около часа на холоде, после чего уложить горкой в салатник.

Продукты: тыква — 250 г (без корки), репа — 3—5 шт., яблоко — 4 шт., мед — 7—8 ст. л.

СУПЫ

ГОРОХОВЫЙ СУП С ЧУМАРОМ

Чумар — это клецки по-татарски. Из пшеничной муки, яиц и соли замесите тесто на теплом мясном бульоне. Оно должно быть достаточно жидким, но не сразу стекать с ложки.

Для супа сварите бульон из баранины и положите в него предварительно замоченный на несколько часов горох. Когда горох почти сварится, положите нарезанный брусочками картофель и пассерованные лук и морковь.

За 5 минут до готовности положите небольшие кусочки теста (величиной с лесной орех) в кипящий суп. Готовые клецки должны всплыть на поверхность.

Для супа: вода — 2,5 л, баранина — 600 г, соль по вкусу, картофель — 5 шт., горох — 1,75 стакана, лук репчатый, морковь — по 1 шт.

Для теста: бульон — 1/3 тонкого стакана, яйцо — 1 шт., мука — 1 тонкий стакан (можно с верхом), соль.

ХЛЕБНЫЙ СУП С КАЛИНОЙ И С МЕДОМ

Калину перебрать, залить кипятком, дать постоять в течение получаса. Воду поменять и варить полчаса на слабом огне. За 10 минут до конца варки положить в отвар натертые на терке ржаные сухари и мед.

Готовый суп подается как горячим, так и холодным. Сметана — по желанию.

Продукты: калина — 250 г, сухари — 300 г, мед — 5 ст. л., вода — 1 л, сметана.

ВТОРЫЕ БЛЮДА

ПЕРЕМЯЧИ

Перемячи — изделие из дрожжевого теста с начинкой из жирного мяса, картофеля или творога.

Приготовить дрожжевое тесто, разделить его на кусочки по 50 г, сформовать в виде шариков, обвалять в муке и раскатать лепешки диаметром примерно в 10 см.

Из говядины или баранины приготовить фарш, пропустить мясо вместе с луком через мясорубку и, добавив перец, соль и немного молока, хорошенько его вымешать.

Начинку положить на лепешки и примять ножом так, чтобы с краев тесто выступало на 1,5—2 см. Края приподнять и защипать, оставив в центре отверстие величиной с 5-копеечную монету.

Сформованные перемячи положить на доску и дать им расстояться, затем погрузить в кипящий фритюр отверстием вниз. Пожарив, перевернуть изделие и влить в отверстие кипящее масло.

Перемячи подаются горячими к мясному бульону.

Для теста (на 6 перемячей): мука — 2 стак., дрожжи — 15 г, 2/3 стак. воды или молока, 1/2 яйца, соль.

Для фарша: 200 г мяса, небольшая луковица, соль, перец.

ГУБАДИЯ С МЯСОМ, РИСОМ И СУХОФРУКТАМИ

Татарская губадия — это род пирога с многослойной начинкой из мяса, изюма, риса и других продуктов. Подается в качестве второго блюда.

Приготовьте дрожжевое тесто, раскатайте его в круг, по диаметру больший, чем сковорода, настолько, чтобы губадию можно было сверху защипать. Тесто

выложить на сковороду, смазанную маслом, уложить тонким ровным слоем отваренный рис, поджаренное мясо, ранее пропущенное вместе с луком через мясорубку, потом снова тонкий слой риса и, наконец, — хорошо промытые сухофрукты (изюм, урюк или чернослив без косточек). Все закрывается последним слоем риса. После этого начинку обильно полейте растопленным сливочным маслом. Сверху начинку накройте кружочком из теста (1/2 диаметра сковороды) и защипайте края обоих кругов рубчиком.

Перед выпечкой губадию смажьте маслом и посыпьте крошкой. Ее приготовить просто: в 60 г размягченного масла положить 125 г пшеничной муки, 1 ч. л. сахарного песка. Все это тщательно растереть руками. В результате получатся мелкие крупинки.

Для теста: 5 стак. муки, 20 г дрожжей, 1 1/2 стак. воды или молока, 2 ст. л. масла, 2 яйца, неполная ст. л. сахарного песка, 1 неполн. ч. л. соли.

Для начинки: 2 стак. риса, 1 кг мяса, 2 луковицы, 250 г сухофруктов, 200 г топленого масла.

СЕМАХ

Крутое пресное тесто раскатать в пласт толщиной в 2 см, нарезать на полосы шириной в 2 см, а полосы, в свою очередь, — на кубики. Получившиеся клецки опускать небольшими партиями в кипящую подсоленную воду. Готовые клецки, всплывающие на поверхность, вынимать шумовкой и, дав стечь воде, складывать в глиняный огнеупорный горшочек.

Сверху на клецки положить тонкий слой творога, взбитые шкварки и жареный репчатый лук, затем все полить сметаной и поставить в духовку на четверть часа.

Подавать семах в порционных горшочках.

На 1 порцию. Для теста: мука — немного больше 1/2 стак., 1/4 яйца, масло — 5 г, воды влить столько, чтобы тесто получилось крутым, как на лапшу; творог — 30 г, свиное сало для шкварок — 30 г, лук репчатый — 1/2 шт., сметана — 1 ст. л., соль по вкусу.

СЛАДКИЕ БЛЮДА

ЧАКЧАК

В широкую миску выпустите сырые яйца, смешайте с молоком и солью, добавьте муки, замесите некрутое тесто. Разделите его на небольшие кусочки и раскатайте в круглые жгуты диаметром около 1 см. Нарезьте на маленькие кусочки и сформуйте шарики величиной с кедровый орех. Небольшими порциями пожарьте во фритюре (погружая полностью) до золотисто-желтого цвета. Маслу дайте стечь.

Мед соедините с сахарным песком и вскипятите. Если струйка меда, стекающая со спички, после остывания делается ломкой, кипячение следует прекратить. Переваренный мед испортит внешний вид и вкус блюда.

Теперь шарики тщательно перемешайте с горячим медом, выложите на блюдо, смоченное холодной водой, и руками придайте массе ту или иную форму.

Чакчак подается на стол после застывания либо целиком, либо нарезанным на куски.

Продукты: мука — 3 стак., яйца — 5 шт., молоко — 50 г, мед — 450 г, сахар — 50 г, масло для жарения.

ЯБЛОЧНОЕ ПЮРЕ

Промытые, с удаленной сердцевинной яблоки испечь, затем протереть в горячем виде через сито, добавить в полученное пюре сахар и, непрерывно помешивая, проварить на очень медленном огне.

Готовое пюре охладить, взбить, выложить горкой на блюдечко и полить кислым молоком, тоже предварительно взбитым с сахарной пудрой.

Продукты на 1 порцию: 1 большое яблоко, 2 ст. л. сахара, 1/4 стак. кислого молока, 1 ст. л. сахарной пудры.

«СМЕЛЫЕ» ...ЯИЧНИЦЫ

С МЕДОМ, ВАРЕНЬЕМ ИЛИ САХАРНОЙ ПУДРОЙ

Разогрейте топленое масло на сковороде и влейте взбитые яйца, смешанные с щепоткой соли. Обжарьте с обеих сторон до образования золотистой корочки. Затем переложите яичницу на тарелку, посыпьте сахарной пудрой или облейте медом, вареньем.

Продукты: 1 ст. л. топленого масла, 2 яйца, 1 ст. л. меда или варенья (или 1 ч. л. сахарной пудры).

С ХЛЕБОМ И ЗЕЛЕНЫМ ЛУКОМ

Нарежьте мелкими кубиками черствый хлеб, перемешайте с мелко нарезанным зеленым луком и обжарьте

на сковороде на топленом масле. Залейте взбитыми яйцами, смешанными с щепоткой соли и перцем. Затем посыпьте, предварительно натерев на терке, брынзой или осетинским сыром (в последнем случае солить не надо). Поставьте сковороду в разогретую духовку на 3–4 минуты. Готовую яичницу перенесите на тарелку и посыпьте зеленью петрушки, укропа или киндзы.

СО СТРУЧКАМИ ФАСОЛИ

Нарежьте соломкой стручковую фасоль (можно использовать фасоль в банках), добавьте 2 ст. л. топленого масла, мелко нарезанный репчатый лук и тушите в течение 2–3 минут в металлической миске. Готовые стручки фасоли обжарьте на топленом масле, а затем залейте взбитыми яйцами и поместите в разогретую духовку на 3–5 минут. Готовую яичницу посыпьте зеленью петрушки, укропа или киндзы.

Продукты: 200 г стручковой фасоли, 4 ст. л. топленого масла, 15 г репчатого лука (или 30 г зеленого), 2 взбитых яйца. Петрушка, укроп или киндза по вкусу.

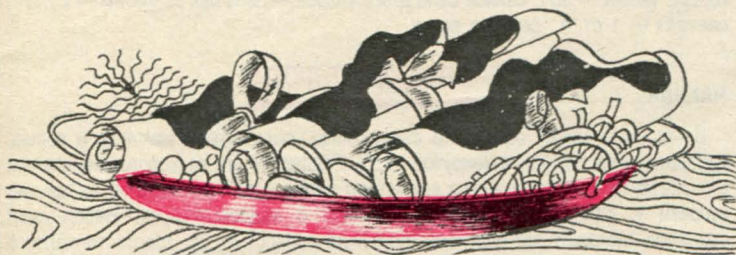
С ПРОСТОКВАШЕЙ И ЧЕСНОКОМ

Мелко измельчите чеснок, облейте его простоквашей. Приготовьте яичницу из 2 взбитых и подсоленных яиц. Переложите готовую яичницу на тарелку и залейте простоквашей с чесноком. Можно посыпать зеленью киндзы или петрушки.

Продукты: ½ стак. простокваши, 1 зубчик чеснока, 2 яйца, щепотка соли. Киндза или петрушка по вкусу.

Н. Паравян

Ленинград

РЕЦЕПТЫ НАШЕГО ДОМА

ТВОРОЖНОЕ ПЕЧЕНЬЕ

Замесить тесто из творога, маргарина, муки, добавить немного ванилина, щепотку соли и соды. Все тщательно перемешать. Потом раскатать корж и выдавить различными формочками печенье. Печь на сковороде на умеренном огне до образования золотистой корочки. На готовое печенье можно посыпать сахарную пудру.

Продукты: 100 г творога, 70 г маргарина, ванилин, щепотка соли

и соды, муки столько, чтобы тесто было густым.

«КОРОЛЕВСКИЙ» ПИРОГ

Растопить маргарин, всыпать сахар. Затем добавить желтки, сметану, муку, погашенную соду. Разделить на 4 коржа и печь на сковороде. Горячие коржи смазать кремом, взбитым до густоты.

Для теста: 4 яйца (желтки), 4 стак. муки, 3 ст. л. сметаны, 2 пачки маргарина, 1 стак. сахара, 1 ч. л. соды, погашенной уксусом.

Для крема: 4 яичных белка, 1/2 стак. сахара, 1 стак. любого варенья.

А. Булькан

г. Днепродзержинск
Днепропетровской обл.

ЕШЬ ЦИ — НЕ РОПЩИ!

В народе говорят: «Ци да каша — пища наша». Уже несколько веков щи являются неотъемлемой частью русской кухни. В их основе — капуста, называемая «овощем номер один» и занимающая по посевным площадям первое место среди других. Она, давно известная на Руси, упоминается в «Повести временных лет», других летописях. О щах рассказывают древние письменные памятники — «Домострой», «Столовая книга патриарха Филарета Никитича», «Роспись царским кушаньям» и другие.

который вы можете изменить по вкусу.

Продукты на 2 порции: капуста свежая — 300–400 г, репа — 40 г (1 шт.), морковь — 50 г, лук репчатый — 20 г (1/2 луковицы), масло, маргарин 1 ст. л.

Щи с помидорами. В России узнали о помидорах лишь в конце прошлого века. «Пришельцы» из жарких стран пришлось по вкусу, а потом произвели целую революцию в нашей кухне.

Помидоры содержат 3,5–5% сахаров, витамин С, каротин — провитамин А, минеральные вещества и около 0,5% лимонной и яблочной кислот. Мнение о том, что в них содержится много щавелевой кислоты, неверно, как не имеют оснований и слухи об их вреде.

Щи варят как обычно, и только в конце добавляют нарезанные дольками помидоры. Однако их нужно предварительно на 1–2 минуты ошпарить и снять кожицу.

Щи мясные. Сварите мясо (грудинку или другие части), выньте его, нарежьте. Чтобы мясо не потемнело и не заветрилось, сначала охладите его в бульоне.

Бульон процедите и варите в нем щи, как обычно.

Нарезанное мясо положите в готовые щи.

Н. Ковалев

г. Ленинград

Пришла капуста к нам из Средиземноморья, сохранив в названии воспоминания о своей родине — капуцине, по-латыни значит «голова».

В ней около 5% сахаров, в среднем 1,8% белков, много витамина С (половина суточной потребности), ценные минеральные вещества и ряд других биологически важных веществ.

Щи, как и все супы, являются средством возбуждения аппетита. Кроме того, они частично удовлетворяют потребность организма в воде.

По народной традиции в щи из свежей капусты не кладут лавровый лист и перец горошком, не заправляют их томатом и мукой, чтобы не перебивать вкус и аромат свежих овощей.

Особенно тонким вкусом обладают...

Вегетарианские щи. Нарежьте дольками морковь, петрушку, репу или брюкву, а репчатый лук полукольцами. Положите их в кастрюлю, добавьте воду, посолите, доведите до кипения, положите нарезанный дольками картофель и варите до готовности. В тарелку со щами положите зелень, сметану.

Один совет: капусту не следует переваривать. Она должна быть плотной.

Мы приводим примерный рецепт,

ХОЗЯЙКЕ НА ЗАМЕТКУ

— Круто замешанное тесто не будет липнуть к рукам, если раскатывать его бутылкой, наполненной холодной водой.

— Сливочное масло не почернеет, если сначала раскаленную сковороду предварительно смазать растительным маслом.

— Очень кислый творог смешайте с равным количеством свежего молока и оставьте на ночь. Затем, откинув на дуршлаг, дайте молоку стечь и положите творог под пресс. Он станет нежным и приятным на вкус.

— Сушеные грибы поддержите несколько часов в молоке, добавив в него немного соли, — они станут как свежие.

— Чтобы рыба лучше очистилась, обдайте ее кипятком — чешуя снимется очень легко.

Е. Игнатюк

г. Красноперекопск, Крым

ОКРАСКА БЕЗ КРАСКИ

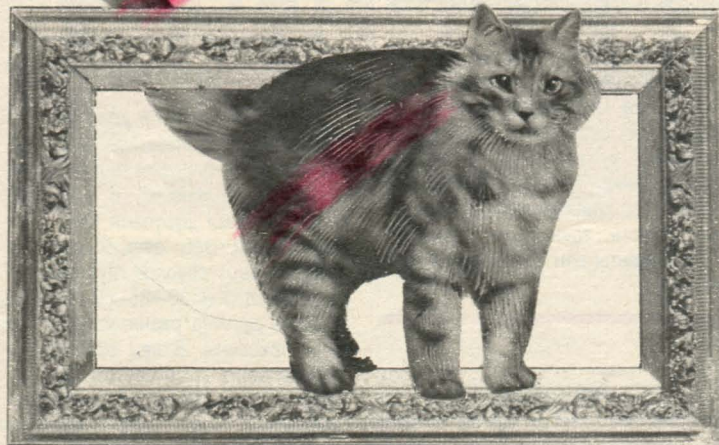
Используйте стиральный порошок «Веселка» или моющую пасту «Фантазия». Уже при стирке введенные в их состав красители оживят изделия, если они из тканей голубого, желтого, фиолетового, розового, серого, бежевого, коричневого цветов. А порошкообразный препарат «Элегант» поможет не только выстирать, но и окрасить капроновые и эластичные чулки, колготки.

К сожалению, моющих средств с подкрашивающим эффектом выпускается мало. Поэтому предлагаем вам несколько практических советов. Для восстановления черного цвета одежды можно использовать табачный раствор (на 15 г табака — 1—1,5 л кипяченой воды). Вещь очищают от пыли и пятен, если нужно, стирают и сушат, затем протирают щеткой, смоченной теплым раствором, процеженным через сито. Отвар табака возвратит яркую окраску и коричневым изделиям. Настояем табака или зеленой ореховой скорлупы можно окрасить ткань в мягкий коричневый цвет.

Промытые в настое чая белые вещи приобретают кремовый оттенок. Крепким чаем можно окрасить светлые капроновые чулки в ровный, золотистый цвет.

В КАЖДОМ ДОМЕ ВСЕГДА НАЙДЕТСЯ ОДНА-ДРУГАЯ ВЕЩЬ, С КОТОРОЙ ЖАЛЬ РАССТАТЬСЯ, ХОТЯ И ПРОСЛУЖИЛА ОНА ДОЛГО, ПОРЯДКОМ ВЫЦВЕЛА И ПОБЛЕКЛА. ВЫ МОЖЕТЕ СОХРАНИТЬ ЕЕ. ПО-

КРАСИВ ЛИБО В ТОТ ЖЕ ЦВЕТ, ЛИБО ПЕРЕКРАСИВ В ДРУГОЙ. ПРАВДА, СЛОЖНОСТЬ ДОМАШНЕГО КРАШЕНИЯ МНОГИХ ПУГАЕТ. ОДНАКО ПОСТАРАЕМСЯ ВАМ ПОМОЧЬ.

Жидкий кофе придаст белым кружевам желтоватый оттенок, если при полоскании его немного добавить в воду.

При последнем полоскании однотонных цветных изделий рекомендуем добавить в воду тушь соответствующего цвета.

Питьевая сода при полоскании способствует сохранению сочного цвета ярко-красной и синей одежды. Иногда шерсть для вязания кажется нам слишком темной: смочите ее водой и прокипятите 2—3 минуты в содовом растворе (1—2 ст. л. на 2—3 л воды). Увидите, что она станет светлее.

Сатиновая вещь не потеряет блеска, если полоскать ее в воде с бурой. Изделия из сатина, ситца, а также темного шелка с этой же целью полощут в теплой, почти горячей соленой воде (3—4 ст. л. соли на 5 л воды).

Цветные вещи из шерсти и шелка следует полоскать в воде с уксусом (2—3 ст. л. на 10 л воды).

Голубой шелк подсинивают, желтый освежают отваром апельсиновых корок, свежих или сухих.

Яркость и эластичность шелковым вещам придает «подкрамливание» желатином: его немного добавляют в воду при полоскании, предварительно растворив.

Шелухой лука окрашивают пряжу в желтый, коричневый или зеленый цвет. Вначале ее вымачивают 7 часов и в той же воде 4 часа кипятят. Для желтого окрашивания требуется 400 г шелухи на 100 г шерсти, для коричневого и зеленого — гораздо больше.

В заключение одна весьма важная рекомендация. Чтобы окрашенная вещь меньше линяла, добавьте в красящий раствор 2—3 ст. л. поваренной соли, а в последнюю воду для полоскания — столько же уксуса.

М.Вигдорович

КОСМЕТИКА В БАЛЛОНЧИКЕ

В семействе пузырьков, флакончиков, тюбиков аэрозоли появились не так давно. Баллончики с косметикой удобны в обиходе, экономны и эффективны. Рижское научно-производственное объединение «Аэрозоль» предлагает немало интересных новинок, особенно парфюмерно-косметического назначения.

Одних дезодорантов ЗДЕСЬ РАЗРАБОТАНО ОКОЛО Сорока НАИМЕНОВАНИЙ. Для разного возраста, климата, времени года и даже суток. Многие уже успели понравиться покупателям, другие только начали пробовать себе дорогу: «Аромат», «Иллюзия», «Бутон», «Триада». Для мужчин, занятых физическим трудом, — «Орфей», обладающий терпким, крепким запахом.

Удачна серия «Романтика», включающая три вида, объединенных общим ароматом. Но при этом у каждого свой оттенок. Например, «Весеннее дыхание» наделен тонким и легким

запахом свежей зелени. Думается, его предпочтут молодые. «Осенние грезы» больше подойдут тем, кто постарше, — создатели придали ему аромат экзотических цветов. Третий вариант — «Лунная ночь» — препарат с изысканным запахом. К выпуску серии «Романтика» приступило в этом году ПО «Мосбытхим».

Среди специалистов известных парфюмерных фирм мира наблюдается интересная тенденция: при разработке новых препаратов объединять духи, дезодоранты и т. д. единым запахом. Чем это объясняется?

Представьте, что нам пришлось воспользоваться «своими» духами, лосьоном и туалетной водой одновременно. Далеко не всегда смешение ароматов даст желаемый эффект. Чаще мы рискуем превратиться в благоухающую клумбу!

Рижские специалисты предлагают серию дезодорантов «Октава», созданных на основе духов, а потому

легко сочетаемых с ними. Ароматная палитра — от легких, нежных, именуемых парфюмерами «зелеными», до терпких, так называемых «восточных».

ИЗВЕСТНО, ЧТО СОВЕТСКИЕ ПАРФЮМЕРНО-КОСМЕТИЧЕСКИЕ ПРЕПАРАТЫ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ЗАРУБЕЖНЫХ ШИРОКИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НАТУРАЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ. Это одно из больших преимуществ. В рецептуре лаков для волос, например, полезные биологические добавки, многие кремы содержат растительные масла. В составе увлажняющего крема «Алая роза» — экстракты шиповника, кукурузных рылец, тысячелистника. Дневной крем «Алтайская облепиха» содержит биологически активные вещества, полученные из облепихи, чебреца, ростков ячменя. Он оказывает восстановительное воздействие на кожу, обладает противовоспалительным эффектом. В основе пенного крема «Космоя» — норковый жир, пчелиное молочко и другие полезные вещества.

Словом, отечественная косметика часто превосходит зарубежные образцы, создаваемые из синтетического сырья. Оказывается, искусственным компонентам намного легче придать желаемый аромат, чем натуральным. И все же советские специалисты продолжают свои исследования, и многие из них весьма успешны. Такие удачи радуют: ведь далеко не всем известно, что для получения оригинального, изысканного запаха препарата разработчику приходится использовать более пятидесяти ароматизаторов.

Собранные вместе, баллончики с косметикой радуют глаз. Вот серебристый, с бело-розовыми цветами дезодорант «Рамана», рядом золотистый, с нежным женским профилем лак для волос «Незнакомка» и его «собратье» — блестящий черный баллон «Россиянка», пламенеющий хохломской росписью. Тут же знакомая уже нам серия дезодорантов «Романтика» в оригинальных стеклянных флаконах. Все они «выпариваются» из лабораторий рижского НПО «Аэрозоль» и расходятся по всей стране...

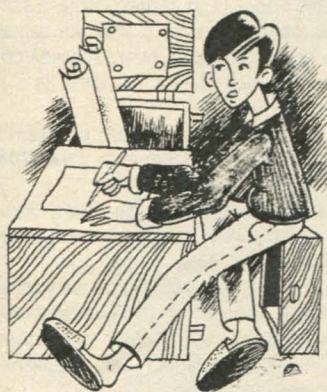

спросите вы. Пока что это проблема. Популярные аэрозоли скорее купишь в городе, где есть заводы-изготовители. Скажем, в Латвии их приходится на душу населения вдвое больше, чем в целом по стране. Почему? Но на этот вопрос нам сможет ответить только торговля.

Л.Болдырева

СТОЛИКИ ИЗ ШКАФА — ИНТЕРЕСНО!

Думаю, у вас наверняка найдутся отслуживший свое старый шкаф или пара стульев. Я предлагаю вам немножко пофантазировать и сделать две полезные в доме вещи — журнальный и сервировочный столики.

Конечно, в этом деле нужны навыки, но несложные. Было бы желание. К тому же мастеровитый мужчина, владеющий рубанком и стамеской, вызывает у домашних уважение и восхищение. Так что не раздумывайте. Но... советую настроиться на аккуратность, точность и терпение. А инструменты вам потребуются простейшие.

ЖУРНАЛЬНЫЙ СТОЛИК

Верхнюю часть шкафа, столешницу, распилите на небольшие деревянные плиты, которые будут служить вертикальными направляющими (боковинами). Для сборки столика нужны будут винты с сегментом и пластинка (рис. 1), которые высвободились при разборе шкафа.

Из инструментов понадобятся набори перьевых и обыкновенных сверл и стамеска.

Теперь приступим к делу. На внутренней части столешницы выдалбливаем пазы, утапливая в них пластины винтового соединения, и стягиваем их крепежными шурупами (рис. 2).

В верхней части двух боковин делаем перьевым сверлом глухое отверстие диаметром 30—35 мм, глубина которого должна равняться 2/3 толщины боковины. В нем разместится головка винта с сегментом (рис. 3). Затем с торца точно по центру высверливаем еще одно отверстие в перпендикулярном направлении, на одном уровне с предыдущим (рис. 4).

Винт с сегментом вставляется через глухое отверстие и подгоняется по месту расположения пластины. Наш столик готов к сборке. Хотя для большей устойчивости давайте сделаем еще и дополнительные планки — вертикальные и горизонтальные. Это несложно. Высверлим в стяжках глухие отверстия, а пластинку утопим в несущие вертикальные составляющие (рис. 5). Теперь места соединения промажем столярным клеем и стянем все составляющие винтовой парой.

СЕРВИРОВОЧНЫЙ СТОЛИК

Понадобится вам для этого два деревянных стула, лучше с гнутыми ножками. Кроме того, нужно будет найти четыре маленьких колесика, рейки 20×20 мм. Инструменты — те же.

Вынимаем в каждой рейке паз, глубина которого должна равняться толщине стекла подноса (5 мм). Все

пазы располагаем по внутренним частям реек строго на одном уровне. Иначе наши стекла встанут неровно. Теперь собираем две рамы прямоугольной формы (рис. 6). Стягиваем их между собой при помощи соединения «в шип».

На длинных рейках с обеих сторон вынимаем «шип», толщина которого должна быть в треть их собственной толщины (рис. 7-а). В коротких рейках вынимаем паз, равный толщине «шипа» (рис. 7-б). Места соединения «шипа» промазываем клеем и стягиваем дополнительным шурупом или штифтом.

Во всех четырех ножках в верхней и нижней части вынимаем стамеской пазы, в которые вставляем углы рам (рис. 8). Поскольку ножки стульев круглые, нужно, чтобы все они при выдалбливании пазов находились в одинаковом положении и были хорошо закреплены.

Итак, все подготовительные операции завершены. Приступаем к сборке. Сделаем это в два этапа. Вначале соберем все части столика, чтобы проверить, нет ли расхождений и неточностей. Если их нет, то теперь все проделаем основательно. Места крепления промажем столярным клеем, с внешней стороны стягиваем шурупами ножки и рамы.

В завершение работы в нижних частях ножек установим колесики, в верхней части крепим планку для управления столиком (рис. 9).

Ну, а теперь посмотрим на наши столики критически — ведь сделали мы их из старой мебели. А это значит, что они нуждаются в косметическом ремонте. Там, где раньше были старые соединения, наверняка остались отверстия. Вставляем в них пробки и опиливаем по радиусу ножом. Теперь обдираем лак, шпаклюем свежие места, покрываем морилкой, сушим, а затем наносим лак. Вот наши столики и готовы.

М. РЫБИН

винтовая стягивающая пара

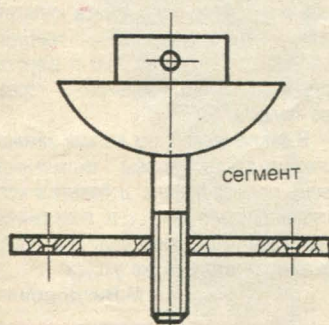

рис. 1.

столешница

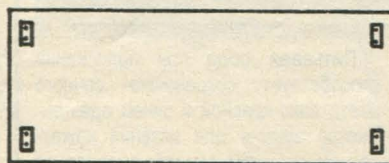

рис. 2.

вертикальные направляющие

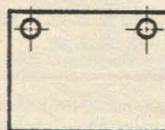

рис. 3.

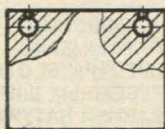

рис. 4.

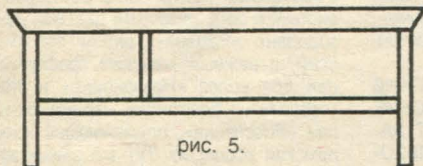

рис. 5.

рама

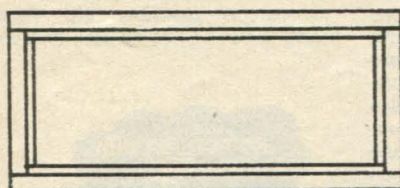

рис. 6.

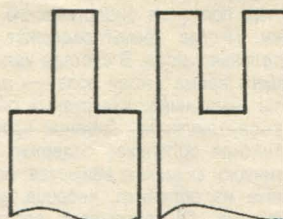

рис. 7.

рис. 8.

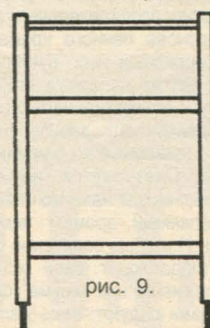
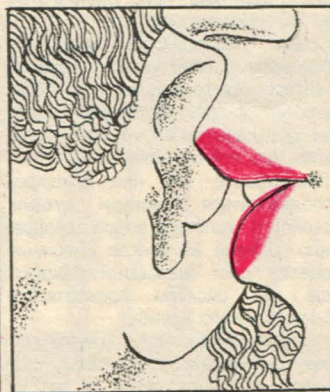

рис. 9.

ножка стула

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

— Старый холодильник выбрасывать не спешите. Из его внутренней стороны получится прекрасная удобная стенка с полками для ванной комнаты.

А. Тетенов,

п. Георгиевка Семипалатинской обл.

— Метки на белье станут «несмываемыми», если их нарисовать черной тушью и сразу же прогладить горячим утюгом.

И. Образцова,

г. Кемерово

— От желтых муравьев избавиться можно так: в бутылку налейте немного теплой воды, подслащенной медом, и оставьте на кухне. Муравьи сбегутся к «ловушке».

А. Смирнова,

Калининградская обл.

ПРАЗДНИКИ В ВАЛГЕ

Места здесь удивительно красивые. Сюда любят приезжать на отдых со всех концов страны. Зимой — спортсмены, летом — рыбаки — на многочисленные озера, богатые рыбой. А кому довелось попасть на праздники в Валге, тот долго вспоминает красочное веселое зрелище, людей, оказывается, очень близких или просто хорошо знакомых друг с другом. Да, знаменита Валга праздниками, которые традиционно устраивает женсовет, один из старейших в Эстонии. У него есть точная дата основания — 1963 год, июнь. А первое, за что взялись женщины, было внедрение новых обычаев...

Валга. Улица Гагарина, 8. Строгое здание районного комитета партии. Проходим по коридору и открываем торцовую дверь. Библиотека. Просторную комнату почти целиком занимает огромный овальный стол. У стен — застекленные витрины с книгами и альбомами. Тишина. Не официальная, а какая-то теплая, располагающая к неторопливым размышлениям. Чаще всего заходят сюда, конечно, женщины — встретиться с заведующей библиотекой Эндлой Мартыновной Рогенбаум. Она — председатель районного женсовета. Человек, которому можно рассказать о самом сокровенном — и он поймет, даст дельный совет, поможет. Эндлу любят, уважают, но тишине кабинета приходится конец, когда начинается подготовка к празднику. Беспрерывно звонит телефон: «Эндла! Готовы эмблемы. Сейчас

принесем», «Эндла! Задерживаются пригласительные...» «Эндла! Как твои повара-та? Пекут пипаркоок?»

...Итак, праздники в Валге.

Зимний возродился из старинного обычая проводов зимы в конце февраля. Называется он «Игры Малой матери-реки» — реки Вийке Эмайыги, что в переводе означает «Малая Мама-река», а точнее «Зимние женские игры», потому что именно женщины вспомнили о нем, решили вытащить из забытья старинные песни и танцы, приобщить к ним подруг. А проходит праздник по очереди в каждом из десяти хозяйств (совхозов и колхозов), расположенных по берегам древней реки.

Задолго до праздника начинаются горячие дни у активисток того хозяйства, где будут проходить игры. Нужно обдумать программу, поговорить со всеми участницами, распределить обязанности. Не упустить ни одну мелочь, а их набирается много: билеты, эмблемы, значки и призы, почетные грамоты. Чтобы все было оригинально, не похоже на прежнее... Хозяйева готовят угощения для многочисленных гостей — нужно придумать какой-то сюрприз. С Эндлой посоветоваться — она прекрасная кулинарка, помнит старинные рецепты национальной кухни. Может быть, подскажет еще что-то, что придаст празднику теплый, почти домашний колорит. Эндла посоветует и обязательно добавит: «Побольше делайте своими руками, это всегда интересно и вызывает желание по-

мочь, вы же знаете, как наши женщины любят приложить руки к любому делу».

Программа игр обновляется от года к году, но остается то, что вызвало наибольший интерес. Открывается праздник парадом всех участников. Зрелище внушительное, поскольку участников всегда хоть отбавляй. Затем лыжные гонки. С нетерпением все ждут «комбинированной» эстафеты, шуточной и серьезной. Чего стоит, например, бег наперегонки с детской коляской. Пустой, конечно, коляской, но на крышу ее положен целлулоидный шарик. И нужно довести его до цели, не уронив и не потеряв. Женщина, принявшая эстафету, продолжает бег, катя перед собой огромную камеру от тракторного колеса. Кто работал на тракторе, знает, как это «легко»! Не так просто проехать дистанцию и на крошечных детских санках, отталкиваясь от снега только руками, пробежать по льду на мини-лыжах... «Современная женщина должна все уметь и все успеть сделать», — шутят активистки. И нужно видеть, с каким азартом добиваются победы участницы.

Конечно, больше всех болеют за женщин мужья и дети. Для них тоже придуманы забавы. Мужчины соревнуются в умении накрыть стол, запеленать младенца, ответить на вопросы викторины, посвященной воспитанию детей.

Праздник завершает концерт национальных песни и танца. Длится два с половиной часа на одном дыхании. Мог бы и дальше — предложений много, но с присущей эстонцам любовью к порядку каждая организация имеет право только на пятнадцать минут.

Летом праздники отданы детям. И тот, что приурочен к Международному дню защиты детей, и «Здравствуй, школа!», который длится всю последнюю неделю перед началом занятий. И чего тут только нет?! Выставка детских игрушек на любой возраст. Детская мебель, демонстрация детских мод и выставка-продажа детской одежды. Спортивные состязания, конкурс рисунков на асфальте. Работают кафе для ребят. В кинотеатре бесплатно показывают мультфильмы. На площади кружатся карусель. А кружок поварят, который ведет сама Эндла Рогенбаум, — удивительно симпатичные деловые малыши — угощают национальным печеньем.

Они веселые по форме, праздники в Валге, но весьма серьезные по содержанию. Пока дети веселятся, родители слушают лекции врачей и педагогов. Местные рукодельницы устраивают ярмарки-продажи своих изделий. Выручка от продажи этих вещей идет в Фонд мира. Вообще взносы Валгаского района в Фонд мира довольно значительны — только за один год перечислено 34 тысячи рублей.

А на празднике, посвященном выгогу скота в поле, был проведен конкурс на удобную и красивую спецодежду. Каждая бригада предложила свой вариант костюма, придуманный и сшитый самими женщинами. Строгое жюри обсуждало не только цвет ткани и оригинальность фасона, но и его целесообразность, практичность материала в стирке, необходимость отделки. Наиболее интересные модели были направлены на Всесоюзный конкурс рабочей одежды в Витебск. Две модели, выполненные руками валгаских женщин, были приняты к производству. Прошло два года, а их централизованный выпуск не налажен. «Так и не увидели мы этих костюмов», — горюют женщины...

Что им ответить?

О. НИКОЛОГОРСКАЯ

Валга — Москва

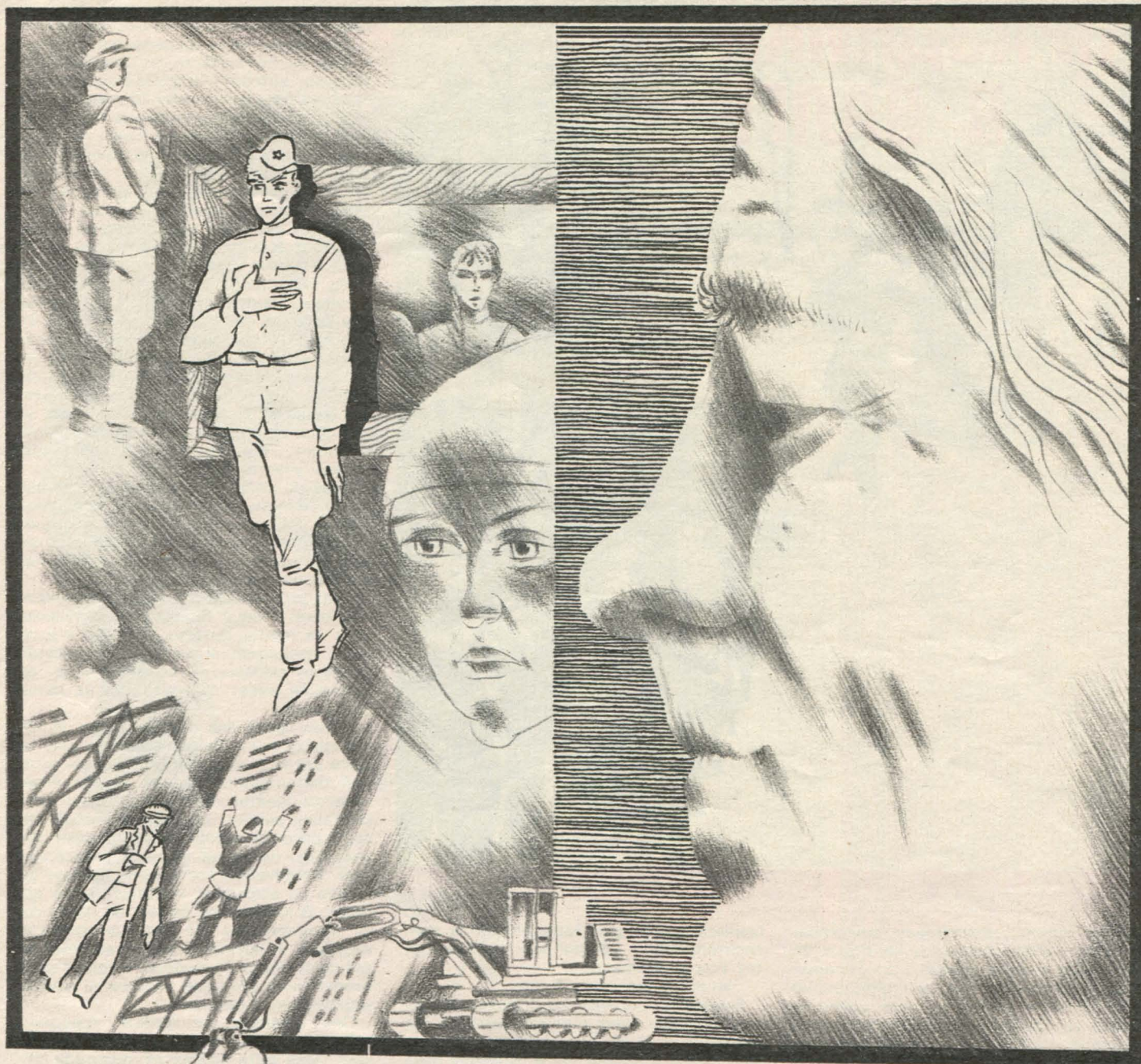

Рис. Д. КАМЕНЩИКОВА

Любовь ЗАВОРОТЧЕВА

ГЕНЕРАЛЬША

Рассказ *

Домишко перестало трясти, и Архиповна обрадованно прошептала:

— Слава тебе, господи, опять, видно, сваи кончились.

В комнатенке стало тихо. Отдыхала даже посуда в стареньком буфетике. Архиповна подошла к застекленным рамкам с фотографиями, поправила их, указательным пальцем привычно прошлась по кромке у стекла, смахивая пыль. Рокошущей одышкой пробился звук притомившегося сваяебоя. Но это не отвлекало от тишины — привыкла к шуму стройки за огородом. Когда же били сваи, ей казалось, что вгоняют колья прямо в темечко, и она не

выдерживала, шла в огород и спрашивала у машиниста:

— Ну, много у тебя еще этих оглобел-то осталось?

— Потерпи, потерпи малость, мамаша. Завтра уж стоять будем.

Архиповна со многими строителями успела познакомиться за последний год. Прораба не раз поила кваском. Он и подпер крепкой половой лагой вдруг отошедшие от домишка сени. Предлагал завалины новые сделать, только она отказалась: к чему? Ведь все равно переселяться. А потом покаялась. К зиме не переселили, домишко, ходуном ходивший все лето, так расшатался, что изо всех щелей холод валил. Картошка в подполе замерзла

* Печатается в сокращении.

в первые же морозы. Топи не топи — все улицу греешь. Весной прораб снова предлагал подремонтировать избушку, но она опять отказалась: убедили, твердо-на-твердо сказали, что к осени переселят в благоустроенный дом. Архиповна и в огороде немного посадила, чтоб потом лишку не хлопотать. Прораб скалился и удивлялся наивности Архиповны:

— Жизнь прожили, а все на слово верите.

Она даже ругалась на него: как же не верить, если райисполком обещал? Вон все вокруг уже съехали. Неужели для одной квартиры не найдется?

Домов вокруг становилось все больше. Теперь забивали сваи под последний, уж и в огороде у Архиповны одной ногой ступили. Девятиэтажки красовались просторными лоджиями, они наступали на избушку Архиповны, как линкоры на утлую лодочку. А она плыла, плыла в ней день ко дню, год к году. Белила, как правило, к Октябрьской и к маю, легонько терла на стиральной доске источавшие занавесочки, с пробитыми на машинке цветами в уголках. Жила да жила потихоньку, когда просили — ходила по старой памяти поработать в гарнизонную комендатуру. Там ей все радовались, спрашивали про здоровье, не дождавшись ответа, убегали к трезвоиншим телефонам, по вызову начальства. Она сперва по простоте начинала было разговаривать про это самое здоровье, потом только улыбалась в ответ: все-де хорошо, чего ей может сделаться? Ее некрепко, словно боясь разрушить или обидеть неловким жестом, обнимали за плечи и тоже улыбались:

— Одно слово — генеральша!

Она привыкла к слову этому. И соседки, бывало, говорили так. Денег занять — идите, мол, к генеральше. На свадьбу пострелять — генеральшу звать надо! Покойника обмыть — кто ж, кроме генеральши, согласится?

Генеральша не генеральша, а всю жизнь так и прожила среди военных, на пенсию ушла из военной комендатуры, трех генералов проводила в Москву. Своим человеком была она в их семьях. Она не говорила: «Работаю в комендатуре». «Служу», — говорила. И не сказала, что ушла на пенсию. «В отставку ушла» — вот так она подвела черту своей почти сорокалетней службе. Когда еще дом ее стоял не пенком, а в ряду, в улице, и ребятишек на той улице после войны вдруг понасыпало, мал мала меньше поджидали ее возле ворот и, стоило ей показаться в просвете улицы, выстраивались в шеренгу.

«Смирно!» — командовала Архиповна. И они вытягивали шеенки, руки по швам, а глазенками так и зыркали по ее брезентовой сумке. Она доставала из нее барбариски и каждому выдавала по конфете. Двоих-троих уводила к себе и пришивала пуговицы, подстригала волосы, накладывала заплатку на разодранный штанину. Родители звали Архиповну генеральшей, ребятишки укреплялись в мнении, что таковой она и является. А уж после того как однажды ее прямо к дому подвезла генеральская «Победа» с шофером в солдатской форме, так и вовсе поверили в «генеральшу».

Повыросли, поразъезжались ребятишки с этой улицы.

Да и со всеми-то связь оборвалась, кто тут жил. Только одна Изотовна прибегает. С невесткой повздорит — ночевать остается. Говорят, говорят про козни невесткины, про бешеную жизнь нынешнюю и начнут вспоминать про себя самих. У Архиповны, кроме этих воспоминаний, ничего не осталось в жизни. У кого дети да внуки,

а у нее — одни воспоминания. Изотовна Архиповну зовет по-молодому — Катя. А та Изотовну — Таня.

— Вот, Катя, все смотрела я раньше на старух. Думала, ничего-то, кроме болячек, их не донимает. А ведь не так. Другой раз зашла бы в парикмахерскую, да какие-нибудь кудри мне там завернули. Одумалось: что мои-то скажут?

— Зашла бы да завернула. Никогда ведь свободно не жила. Теперь-то чего же? Пожила бы.

— Стыдно чего-то.

— Вот. И за Ваську тогда замуж не пошла — постыдилась детей. А ведь он, Васька-то, не просто так — жить с тобой налаживался.

— Это у тебя характеру хватило, Катя, на людей не смотрела, в сердце себе заглядывала. А я...

— Мое-то сердце, Таня, только и знало, что жалело.

— Дак никто, Катя, и не осудил. Тебя ежели судить, так это грех на душу взять.

Говорили они, говорили, карточки старые перебирали, на молодых себя смотрели. Потому что на карточках часто были сняты вместе. И неудивительно — три десятка лет прожили они рядышком, через тоненькую стенку. Такую тоненькую, что если ночью чихнуть одному, а другому сказать «Будь здоров», так все и слышно.

Всякий раз, уж простившись, Изотовна говорила от порога:

— Чего в военкомат не сходишь? Ты же вдова военная. Обрушится избушка, хоронить не надо.

— Схожу, схожу, Таня. Вот с делами управлюсь и схожу.

Изотовна уходила, удивляясь упрямству подруги. Архиповна тихонько вздыхала и начисто про военкомат старалась забыть. Была она там. Давно. И так это вышло тяжело, измяло ей душу, что до сих пор в сердце словно кто охает, а ей мука во всем теле.

Как начали сносить дома вокруг, забил этот сваябой с утра до ночи, немоготу ей стало жить в грохоте таком. Взяла все бумажки, какие были в одной из шкапулок, подаренной еще женой первого генерала, и отправилась в военкомат. Слышала в комендатуре, что вдовам дают квартиры в первую очередь. Бумажек в той пластмассовой шкапулке накопилось много. Но она ни одной сама прочесть не могла — неграмотна была. Сильно не препятствовала ей в жизни эта неграмотность, но вот теперь обида брала и досада! Возьмет журнал — картинка красивая, а что там, на картинке этой — хоть лопни, не узнаешь! Вот как белье отбелить, окна вымыть до блеска — тут она и вправду командир. Ну, словом, всегда, как что надо, несет все бумаги к нужному по делу этому человеку, а уж он разберется. Потому-то у нее за годы долгие бумажек разных накопилось полна шкапулка. На пенсию оформлялась, кадровичка, разбирая их, все удивлялась:

— Архиповна, а зачем же ты хранишь справку о том, что у Колобова открытая форма туберкулеза и он нуждается в курортном лечении?

— Да вот храню. С печатью, так думаю — нужна будет. Откуда знаю, про что там.

Шкапулка стала наполовину пустой. Взяла она эту половину в военкомат.

«Комиссия» по делам вдов состояла из одного человека. Он сидел от Архиповны далеко. Она оставила перед ним бумаги и села у конца длинного стола.

«Комиссия» ей сразу не понравилась. Сопит, словно у него вечный насморк. Изучал-изучал бумажки, а потом ехидно так спрашивает:

— Так вот, гражданка Колобова, мы ведь квартиры даем вдовам.

Архиповна поднялась было, чтобы подтвердить, что да, она вдова и есть.

— Минуточку, минуточку, — жестом велел он ей сесть. — Вы состояли в браке с Красновым, когда он ушел защищать Родину?

— Да, да, — хотела подтвердить Архиповна, — все верно.

Он снова подвигал ладошкой — мол, сидите.

— Но вы же снова вступили в брак, стало быть, потеряли права на льготы...

И столько было в его голосе осуждающего, что Архиповна даже испугалась — вот как он о ней плохо думает.

— Ждите, переселят вас в общем порядке.

Она уходила от «комиссии» со всеми своими бумажками в узелке. Шла и не видела дороги.

Может быть, с этого визита и началась у нее жизнь-воспоминание? И сколько бы она ни вспоминала ночами, сколько бы ни думала о тех годах, ни разу не жалела, что вот так все у нее нескладно получилось, и вся-то жизнь у нее, оказывается, шла для того, чтобы стать воспоминанием, а не продолжением каких-то событий.

— ...Эх, Гриша, Гриша! Красенький мой! Выхватил меня с вечера да и не отпустил! — Она глядела в рамку с фотографией, где был один-единственный снимок с мужем ее — Гришей Красновым. Не успели больше. Фотография в деревне не была, а этот всю деревню переводил к тумбе с бумажными розами, спасибо ему, сердешному, что достучался к ним с Гришей. Старики куда-то отравились в другой конец деревни, а у них с Гришей месяц медовый! И так он приласкался к ней, вот только с поля прибежал, волосы ветром пахли, так приласкался, что бросила она творог из сыворотки выбирать да так с шумовкой и припала к нему...

До горенки своей не дошли, упали в бочкушке у стариков. Вон, на карточке, губы-то припухли. Гладит карточку Архиповна, а сердце-то «тук-тук-тук», будто только сейчас Гриша слово заветное сказал...

Карточку эту она получила уже без него. Вот и вся ее семейная жизнь.

Деревня у них большая была. И народу много в мир выпустила. Разные люди получились. И летчики, и врачи, и инженеры. И — один генерал, родня Гришина, дядя ему. Приехал на короткую побывку, родню проводить и сманил Архиповну в город. Чего, мол, тебе тут киснуть? В городе и Гришу быстрее встретишь, хоть на день. С такой верой она и приехала в военный городок. Сперва жила у генерала с генеральшей. Дом вела.

С детства хозяйство научена вести. В колхозе работала — от работы не увертывалась. Семнадцать стукнуло — за коноха оствовала, на лесозаготовки от колхоза зимой ездила. Чуть какая заминка — не идет никто, зови Катюку, она безотказная.

Потом генерал устроил ее на работу в комендатуру. Была за дворника, полойку, прачку. Комнатку выделили в военном городке. Все бы ничего, да Гриша как в воду канул. А пришло письмо — обрадовалась. А прочитала ей жена генерала бумажку — будто поездом Архиповну переехало. Всю ночь прокачалась на скамейке в скверике, вроде легче так...

Однажды после рабочего дня, она уж помы в комендатуре помыла и цветы полила, вышла на крыльцо, а там солдат сидит. Со спины узкий, молодой, вроде видела его днем, когда начальство он ждал.

— Подчистую, что ли? — понимающе спросила Архиповна, заглядывая в землистое лицо солдата.

— Подчистую! — веселея неизвестно отчего, подтвердил солдат.

— А чего тут сидишь?

— Некуда мне идти.

— Как это — некуда? Ехал сюда, значит, было к кому.

— Баба отказалась, вроде померещилась ей, раз на меня похоронка была. Первую любовь, вишь, встретила. Парнишонка мой без меня родился, ажно побелел, когда увидел меня, задышливого. Хорошо хоть припадок со мной случился за огородом — вовсе бы сына-то испугал.

Не заохала Архиповна, не удивилась. За годы, что проработала здесь, приходили с войны разные люди, по-разному и жизнь начиналась мирная.

— Айда ко мне! — уверенно позвала она солдата.

— Да ведь я насквозь простреленный, живого места на мне нет, — отмахнулся он. — Ты вон баба в соку, а из меня одна дразнилка, дух мужицкий, а мужика — нет.

— Не в мужики зову, — строго поджав губы, отозвалась Архиповна. — Бери свой сидор, и пойдем, — распорядилась она твердо.

— Ну разве переночевать по доброте твоей...

Он кашлял и хрипел всю ночь. Архиповна парила багульник в молоке, подкладывала ему под голову шинель и свою дворничью фуфайку. Он все равно задышался, с мукой глядя на Архиповну, выталкивал слова:

— И на что такую обузу приняла... Лучше бы меня... пулей достало там.

Он явно был не жалец. Но между тем подошла зима, и он, на удивление всем, стал поправляться. Ходил по маленькой комнатке и все прощения просил за то, что приняла молодая женщина славу на себя, вроде на виду у всех, а живут как брат с сестрой. И ей бы, Катюше, совсем ни к чему дышать воздухом, в который он, Колобов, одну войну только и выдыхает.

Он иногда молчал по целым дням. Сидел и глядел на улицу, на молоденьких солдат из военного городка, на подъезжавшие к комендатуре машины, на молодцеватого шофера Ивана, возившего на «Победе» генерала. А потом отказывался есть и все лежал на старой солдатской койке, которую Архиповна выпросила на складе. Ночью тревожно вскрикивал и стонал. Она прислушивалась к его стонам, подолгу лежала с открытыми глазами, вглядываясь в противоположный угол, где спал Колобов.

Как-то ночью он позвал ее. И она, быстро сморгнув сон, отозвалась, словно ждала этого зова. И испугалась: не помирает ли? Потом вспомнила минувший вечер, доктора, забравшего навестить Колобова, и успокоилась. Вечером Колобов хорошо поел, послушал пластинку, даже ручку патефона сам крутил.

— Чего тебе? А? — вскинулась она.

— Катюша, ты сдай меня в дом инвалидов. Не могу уснуть, всю голову исверлила эта дума. На что я тебе, а? Гляжу на тебя, гляжу. Руку откинула, белая такая рука в темноте. Может, и припадет кто на нее. А тут я мешаюсь. Ты баба красивая, молодая. Ну не пришел твой. Не пришел. А жизнь-то кипит. И в тебе кипит. Ты же как монашка ходишь. Платок до бровей. Не разберешь — молодая или старая. Ты вольней ходи. Лицо у тебя ясное, простое. Улыбаешься хорошо. А ты в телогрейке на работу и в магазин. Ровно все у тебя на войне убило.

— Спи, миленький. Спи. Не терзайся.

По мне и верно война прошла. Да не по мне одной. Калеки мы, калекам и пособлять надо. Баб много осталось, где уж на всех теперь хватит здоровых да целых. А и женятся, так на тех, кто перед войной за мамкин подол держался. Оно и правильно, здоровей наследство будет. А мы что? Мы войной попорченные. И глаза — как остывшие угли. Войны нет, а фашист отовсюду выглядывает.

— Это уж точно. Как закашляю, так и кажется, что немец меня за горло схватил.

— Ну вот. И бабы тоже не те стали. Раньше парни девок высвистывали, а теперь девки в гости зовут. Бутылку на стол — и переживают: придет не придет, не перехватит ли какая залетка по пути. И мужик портится. Баба в войну за мужика работала и теперь норовит за него сделать, только бы он сидел, махрой дымил и в доме мужиком пахло. Балуется мужиком. Так что спи, миленький, никому я не нужна, ни с косою своей, ни с улыбкой. — И вздохнула, смахнув слезу, сглотнула ком шумно, и Колобов тревожно спросил:

— А не обидели тебя, часом, Катюша? Ты мне все говори, не стесняйся — выговоришься, так легче. Я все равно помру, со мной и уйдет.

— Спи, миленький. И живи, пожалуйста... Мне о тебе заботиться — и то радость. Одной тут одичать можно.

Она подогрела молоко, велела выпить Колобову, чтобы быстрее уснул, и сама легла, вжавшись между кроватью и стенкой так, что ее из противоположного угла и не видно.

Пробегала в мыслях она ту ночь, словно сама у себя на виду кралась тихонько между воспоминаниями. Понимала, что крадется, глаза закрывала, думать об этом себе запрещала. И сейчас голову под подушку сунула, пряталась от той ночи...

Весной Колобов вроде неуверенно, но решил строиться. Не дело, говорил он, жить в комнатенке ведомственной.

— Если умру, так хоть ты, Катюша, останешься в избе. Не век же тебе в казенной комнате жить.

— Да какие из нас с тобой строители? — смеялась она, но дума эта покоя не давала.

— Ходил на прежнюю работу свою. Обещали помочь. Только уж с бумажками всякими придется тебе бегать — не ходок я.

Весна и вправду будто смахнула с него все, что набралось за зиму. Открылись раны на ноге, кашель багровил лицо. Не унималось простреленное легкое. Нет, не отступала война от этого человека.

Земельный участок им отвели. Будущую постройку записали на его имя, на имя инвалида войны Колобова. Так проще со стройматериалами. Денег было мало, прикинув, они решили, что смогут построить домик по три на три метра — девять квадратных. Архитектор их «проект» не утвердил, сказав, что такая малая площадь против всех законов. Вот тогда-то и познакомилась Архиповна с Изотовной, которая пришла в комендатуру похлопотать за мужа-инвалида.

Скооперировались. Стали строить дом на девятнадцать квадратных метров, он уже мог считаться самостоятельной постройкой. Опять же экономней — одна стена общая.

Архиповна и ограду городила сама, Колобов руководил, лежа под только что посаженным Архиповной деревцем. Осень встретили в новом доме. Стал Колобов просить Архиповну сходиться с ним в загс расписаться.

— Катя, не жалец я. А дом на меня записан. Какой-никакой, а угол свой. По-

мру — не хозяйка ты. К весне сени как-нибудь изладишь, огород загородишь. Прошу тебя, Катюша, ради тебя прошу, красота ты моя! — Он встал перед ней на колени и низко поклонился. — Не ты бы, ваялась я где-нибудь под забором. Умру — встану над тобой ангелом, ты же святая. И что же это война, будь она проклята... — у него начался приступ удушья.

Едва придя в себя, он прошептал:

— Обещай... Завтра же...

Потом все удивлялась — как чувствовал человек свою смерть.

Архиповна тогда вместе с Изотовной сочинили письмо жене Колобова — нашли в его бумагах адрес. «Сынок, — притиснула Изотовна в конце письма для сына Колобова, — я храбро сражался, и вся грудь у меня была в орденах и медалях. Они теперь у Архиповны, а сам я лежу под красной звездой на кладбище». Тут они обе всплакнули, а потом написали адрес Архиповны.

За наградами никто не приходил, могилой Колобова никто не интересовался. Архиповна веснами ездила на кладбище, прибирала могилку, подкрашивала звездочку на пирамидке, к многолетникам подсаживала какие-нибудь веселенькие цветы. С годами ей стало казаться, что это Гришина могила, и она все наказывала Изотовне похоронить ее рядышком.

Изотовна, в очередной раз поссорившись с невесткой, спешила ночевать к подруге, и долгими бессонными ночами обо всем успевали они поговорить, по-стариковски обстоятельно. Изотовна как-то рассказала о чьей-то невестке, унесшей орден свекра на переплавку, чтоб сделать перстень. Архиповна потом всю ночь крутилась, вскакивала с кровати и доставала из тумбочки награды Колобова. Они звенели у нее в руках, словно горькие колокольчики, и в ушах у Архиповны поднимался такой шум, что она быстро падала на кровать и лежала ничком, боясь пошевелиться.

...За стенкой снова зарокотал сваябой, зафыркал, потом размеренно металлически зачачал. Архиповна вышла на крыльцо. По обе стороны его щедро разрослась мята, Архиповна заваривала ее вместо чая и пила от шума в голове. И в огороде теперь вольно разошлась мята, до самого вагончика, где была бытовка строителей. Мятю пора было загатавливать впрок, и Архиповна решила начать с огорода.

У вагончика метался какой-то мужик и заполошно кричал кому-то:

— Колобов где? Срочно надо прораба! — Потом, приложив к губам ладони рупором, гаркнул уже в сторону строящегося дома: — Ко-ло-бов!

Архиповна заспешила к нему, дернула за рукав:

— Где... Колобов?

— А черт его знает, — с досадой выдохнул мужик. — Привез раствор, а все ушли на обед. Схватится же у меня раствор!

— А Колобова не Петей звать? — не унималась Архиповна.

Мужик с недоумением посмотрел на нее, ничего не ответил и побежал к своему самосвалу.

Все эти годы она помнила, что сына Колобова звали Петей. Забыв про мяту, заспешила в свою избушку — посмотреть, похож ли мальчонка на фотокарточке, что хранилась в бумажнике Колобова, на прораба, которого она не раз поила кваском.

И тут у Архиповны вдруг заплескали руки и обнесло голову, бумажник выпрыгивал из рук. Она ругала себя за такое волнение, хлебнула напару мяты, вслух сказала, что она дряхлый пестер, из которого все вываливается. А между тем какой-то покой заполнял ее душу.

Эти фотографии взяты из фондов Центрального музея Революции СССР. Они запечатлели события 1924, 1926, 1927-го — тех лет, когда женщины Востока обрели новую жизнь. 8 Марта 1927 года на площадях городов Средней Азии запылали костры — женщины сбрасывали с себя паранджу, которая веками была для них «передвижной тюрьмой», и швыряли ее в огонь. Это движение за ликвидацию затворничества, раскрепощение получило название «худжум». В Ташкенте, Самарканде, Караганде прошли многотысячные общенародные демонстрации. В день 8 Марта десять тысяч узбечек и таджичек навсегда открыли свое лицо, а в последующие три месяца к ним присоединились 90 тысяч их сестер.

Сильны были законы шариата и адата, непрекращаемы заповеди Корана. Разве женщина — человек? Ее можно продать, обменять на скот, подарить. Лучшим подарком эмиру или хану считались девочки 7—9 лет. Купленная женщина становилась безгласной рабой, полной собственностью мужа, который имел право наказывать ее и даже убить.

Паранджу узбечки

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

и таджички надевали, когда им исполнилось девять лет, и появлялись на людях в ней до самой смерти. Хотя женщины других народов Востока не носили паранджи, но и для них существовали законы затворничества. Туркменки носили «платок молчания» — яшмак, который закрывал рот и напоминал женщине о ее подчиненном положении. Азербайджанки носили чадру.

Чем больше вглядываешься в эти фотографии — документы далекого ушедшего от нас времени, — тем больше видишь. И молодую киргизку с малышом, и любопытство на лицах,

и желание дотронуться до женщины, которая пришла к ним из какого-то неведомого мира. И на всех фотографиях среди восточных лиц — русские лица. В начале 20-х годов работу среди женщин Востока вели в основном русские женщины, так как местных национальных кадров, способных это делать, попросту не было. При Отделе работниц и крестьянок ЦК РКП(б) активно действовала секция по работе среди женщин Востока. Она направляла в города и кишлаки Средней Азии русских коммунисток, и они разъясняли узбечкам, таджичкам, туркменкам советские за-

коны о женском равноправии, вовлекали их в общественную работу, участвовали в подготовке национальных кадров, открывали женские клубы.

В Полторацке (ныне Ашхабад) 8 марта 1925 года в дни работы I съезда женщин Туркменистана был открыт Центральный дом дехканки. Здесь действовали не только школа ликбеза, но и библиотека, кружки художественной самодеятельности, медицинская и юридическая консультации. Было еще общежитие для приезжающих из аулов. Уже в первый год Дом дехканки принял тысячу туркменок, кир-

гизок, узбечек. В Доме дехканки научились грамоте, приобрели основы политических знаний, навыки организаторской работы первые коммунистки-туркменки: К. Алиева, Э. Кулиева, К. Кучумова и другие. Тысячи женщин смело включились в социалистическое строительство.

Клара Цеткин написала об этом ярко и образно: «Красный Октябрь зажег в сердцах женщин Востока такую пламенную жажду свободы и равноправия, которую уже ничем не потушить. Это пламя, разгораясь, вздымается все выше и выше, и искры от него разлетаются далеко за пределы Советского Союза...»

Далеко ушли женщины советских республик Средней Азии по пути равноправия, независимости от жестоких законов шариата. И уже не единицы грамотных, а тысячи образованных узбечек, таджичек, туркменок активно участвуют в жизни республик, всей страны. Но нет-нет, да и прорвется вдруг наружу отголосок давнего прошлого. Нет, не завершился «худжум», рано ставить точку...

Т. КЛИМАНОВА, старший научный сотрудник Центрального музея Революции СССР.

«Зав. женотделом Киргизского обкома РКП(б) тов. Иванова среди активисток — киргизок», г. Пишпек (1924 г.). Снимок из архива Центрального музея Революции СССР, Москва.

УПОРЯДОЧЕНИЕ УЧЕТА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЖИЛЬЯ

Многие сотни писем свидетельствуют о медлительности в решениях, касающихся жилья: «Только не пересылайте мою жалобу в местные инстанции — все равно не помогут, а то и хуже будет. Приезжайте, разберитесь сами». Но никакая редакция не в силах проверить на месте каждую из поступивших жалоб! Для этого нужны тысячи сотрудников... К тому же и на выступления прессы очень часто с мест приходят такие обтекаемые ответы, что ясно, как день: кардинальных изменений, «исправлений отмеченных недостатков» не произошло. Этот порочный круг бывает разорван — там или здесь — единичными, но немалыми усилиями, оглаской случаев из ряда вон выходящих, судебными процессами. Но это все же капля в море... Где искать кардинальную точку опоры, которая позволила бы «перевернуть весь мир» устоявшихся пагубных «манер»? Где рычаг, который позволил бы сделать неукоснительным соблюдение норм и правил жилищного кодекса?

ВЫСОК ПРОЦЕНТ «НЕУВЯЗОК» в рассмотрении дел о жилье. Беру почту одного только дня. Пришло 137 «жилищных» писем, из них 132 — с просьбой вмешаться: помочь оказавшейся в тесноте многодетной (!) семье стать очередником исполкома, поспособствовать очереднику № 1 (!) получить полагающуюся ему квартиру, ускорить выселение из аварийного (!) дома и т. д. и т. п. Почти половина наших корреспондентов рассказывает о нарушениях обещаний, о волоките и бюрократизме, о неаргументированных, но категорических отказах в улучшении жилищных условий.

«После стихийных бедствий — селевого потока и землетрясения — наш дом пришел в полную негодность, — пишет Лариса Ауреловна Узун из г. Кагула в Молдавии. — Мы обратились в горисполком, уже через день была комиссия, нам обещали новоселье. Вскоре и ордер на новую квартиру я держала в руках — но через час (!) его «изъяли» со словами: «С вами пока повременим». Вот уже два года мы ждем замены жи-

лья. Приходят к нам разные люди — кто обещает переселение в пятидневный срок, кто — капитальный ремонт. Но не происходит ни того, ни другого».

Целый список обещавших «золотые горы» перечисляет в своем письме наша читательница из г. Волгограда Н. Синельникова. Убийственный срок (23 года!) ожидания в жилищной очереди называет очередник Ленинского райисполкома г. Львова Софья Федорова Паранчук. Перечень невероятных событий и фактов в летописи жилищного обеспечения, которую ведут письма, можно продолжать и продолжать. Не слышим ли часто не срабатывают нормы, правила, положения, предусмотренные жилищным законодательством? Из писем можно сделать вывод, что долговые просрочки по векселям важных обещаний остаются попросту безнаказан-

НАЙДЕТ ТОЧКУ ОПОРЫ?

(Размышления над почтой по жилищному вопросу)

ными. Горше того — даже после выявления нарушений закона пострадавший от этого не получает никакой компенсации, его положение не исправляется. Вологодские областные профсоюзные руководители, например, указали администрации строительного треста в пос. Шексна на нарушения в распределении новых квартир. И районный прокурор младший советник юстиции т. Жемчужников также констатировал: «...отказав в улучшении жилищных условий первоочереднику Ивановой Н. Ф., профсоюзный комитет распределил квартиры лицам, проживающим в благоустроенном жилье». И что же? Через три месяца после проверок

и сделанных ответственных людьми выводов мастеров многих строительных специальностей (и маляр, и штукатур и т. д.) Нина Федоровна Иванова пришла в редакцию с той же своею «тяжбою» — ее дело не продвинулось ни на йоту.

МНОГОЛИКАЯ ЖАЛОБА атакует редакцию ежедневно. Люди зывают к «высшим инстанциям», отчаявшись увидеть такую — «высшую», решающую — у себя на месте. Даже когда не в одиночку, когда всем миром хотя с мертвой точки — все равно просят: «Редакция, помоги!» Вот письмо, пришедшее работниками суконной фабрики г. Шуя Ивановской области.

«В третьем квартале текущего года намечена сдача в эксплуатацию 80-квартирного дома улучшенной планировки. Его фундамент был заложен силами всего коллектива фабрики в 1986 году. Мы помогали, как могли, и в других работах: прокладывали теплотрассу, канализацию, трудились на подсобных операциях. В общей сложности освоено нами 57 тыс. рублей. Да и некоторыми другими своими делами мы заслужили, как нам кажется, право на новое жилье для работников

щались мы и в горисполком, и в горком партии, просим и редакцию вмешаться, помочь исправить положение».

ПРОРЫВ ЛИКВИДИРУЕТСЯ ТОЛЬКО ДЕЛОМ — под лежащий камень и вода не течет. К сожалению, оказалось в последнее время слово «добиваться» синонимом слова «обратиться за помощью», «пожаловаться». Ладно бы еще одинокий проситель встречался, а то вот — целый коллектив. Досадно, право: забываем, сколько у коллективов есть рычагов для того, чтобы самому навести порядок, призвать к нему, кого нужно. Специальный Закон — о трудовых коллективах — принят, он дает и права и конкретные ориентиры для инициативы и самоуправления. Коллективная мысль и действие, к сожалению, далеко не нашли еще повсеместного практического применения, воспринимаются «чисто теоретически».

Пока что такое управление и влияние не простирается далее отдельных случаев: могут все сообща на рабочем собрании решить наказать пьяницу или бракодела, отказать ему в новой квартире, хотя и очередь его подошла. Случается — волей коллектива предоставля-

ется новое жилье кому-то и вне очереди — как ценному специалисту, мастеру своего дела. Но — вспомним вышеупомянутые «неувязки» в решении жилищных вопросов — осведомлен ли о таких коллектив, общественность, держат ли они руку на пульсе текущих жилищных дел и проблем? Часто ли слышим, что виновные в проволочках, нарушениях очередности предоставления жилья оказались перед лицом рабочего собрания, отчитались бы именно перед ним за свои прегрешения, выслушали бы все, что думает о них «простой рабочий человек»? Да и хотим ли мы сами высказываться по этому поводу? Спросите себя — вы имели пово-

ды потребовать от профкома или парткома строго наказать «путаников» в жилищной политике предприятия? Скорее всего, имели, но обратились ли с таким требованием о наказании, строгом выговоре, может быть, снятии с должности? В общем-то, призвать к ответу — дело серьезное, тоже ответственно требует. Может, потому и удовлетворяемся отчетами профкомов и жилищных комиссий, которые приурочены бывают к праздникам и отчетно-перевыборным собраниям. Да разве столь малой доли нашего внимания заслуживает такая острая социальная проблема, как жилищная? Разве реально всерьез размышлять, разобраться в ее пиковых точках, ста-

вя жилищную тему всего лишь в ряд с другими? **«ГЛАДКО БЫЛО НА БУМАГЕ, ДА ЗАБЫЛИ ПРО ОВРАГИ!»** Письма напоминают: очень глубокие «овраги» избороздили практические дела наши в отношении новоселий, ремонтов, прописок, приобретения домов. Так глубоки те овраги, что теряются в них голоса коллективов и общественности. Киевлянка Майя Петровна Чикунова рассказала в письме грустную историю о том, как райисполком препятствует покупке пустующего сельского дома. «Взяли справки, ходатайства от коллектива — все тщетно...» А вот строки, написанные многодетной матерью Г. Вульфелдт (г. Ленинград): «Приходят к нам врачи — удивляются, в какой тес-

ноте живем. От ВНИИ-трансмаш были представители ветеранов войны и труда, свое ходатайство писали, чтоб наша большая семья (8 взрослых, 5 малолетних детей) получила новое жилье. Жильцы нашего подъезда также писали в отдел учета и распределения жилплощади Московского района. Но — какая-то непробиваемая стена равнодушия, несмотря на то, что общественность нас поддерживает». И еще одно письмо из Ленинграда — женсовет обращает внимание редакции на пренебрежение к его мнению при решении жилищного вопроса заслуженной учительницы.

Любопытно отметить: одновременно с такими «упрямыми» фактами прижилось уже и, что на-

зывается, в ходу у работников кабинетов выражение «пустить решает коллектив». Сама слышала, как именно таким резюमे — «Ну что ж: пусть решает коллектив!» — закончился телефонный разговор зампредгорисполкома с кем-то из обкома профсоюзов, выяснявшим обстоятельства одной очень аргументированной жалобы. Какое, казалось бы, «соломоново» решение принял зампредгорисполкома, не правда ли? Стоит лишь полюбопытствовать, как такое коллективное решение рождается, как должно бы рождаться... В одном из писем — горькие строки: «Я знала — мой вопрос будут разбирать. Думала, в цехе — свои если и откажут большинством, — не обидно. А вышло — собрались те самые люди, пороги кабинетов которых я обивала. Узким своим кругом опять постановили мне отказать в улучшении жилья...» Во многих письмах встречаются едкие реплики типа: «они там все заодно, в завкомах-профкомах-то». «Узкий круг» породил недоверие — как быть?

Возможно, рассмотрение жилищного дела на широком коллективном собрании покажется многим просто нереальным. Сумеет ли коллектив — десятки, а то и сотни людей, не имеющих специальной подготовки, не изучавших обстоятельство дела, разобраться в тончайших переплетениях нитей иной житейской истории, где, возможно, казуистика «знатоков» жилищного кодекса имела место, или шельмование очередника обещаниями, кроме того, и объективный барьер острого жилищного дефицита делают невозможным исполнение самых добрых намерений... Стоит ли даже на эксперимент идти в этой области? Ответ за практиками.

АРГУМЕНТЫ ЗА КОЛЛЕКТИВНОЕ СОДЕЙСТВИЕ решению крупных, общественно значимых жилищных вопросов прослеживаются в нашей почте куда как заметнее. Если соединить — строка за строкой — разбросанные в письмах размышления по этому поводу, можно представить обобщенное мнение наших читателей: «Распределение жилья — слишком тонкое дело, которое не каждому можно доверить. Кроме деловой квалификации и знаний, здесь нужны че-

стность, сострадание, чуткость. Еще и нравственная стойкость — чтобы все лучшее не притупилось. Кто-то намеренно пытается руки погреть на распределении жилья. Словом, за такой работой нужен глаз да глаз. И за ритмом строев, за повышением производительности домостроительных комбинатов тоже нужен постоянный контроль, народный, общий. Сейчас, когда в стране идет процесс демократизации, важно направить общие усилия на решение важнейших проблем — в том числе и жилищной.

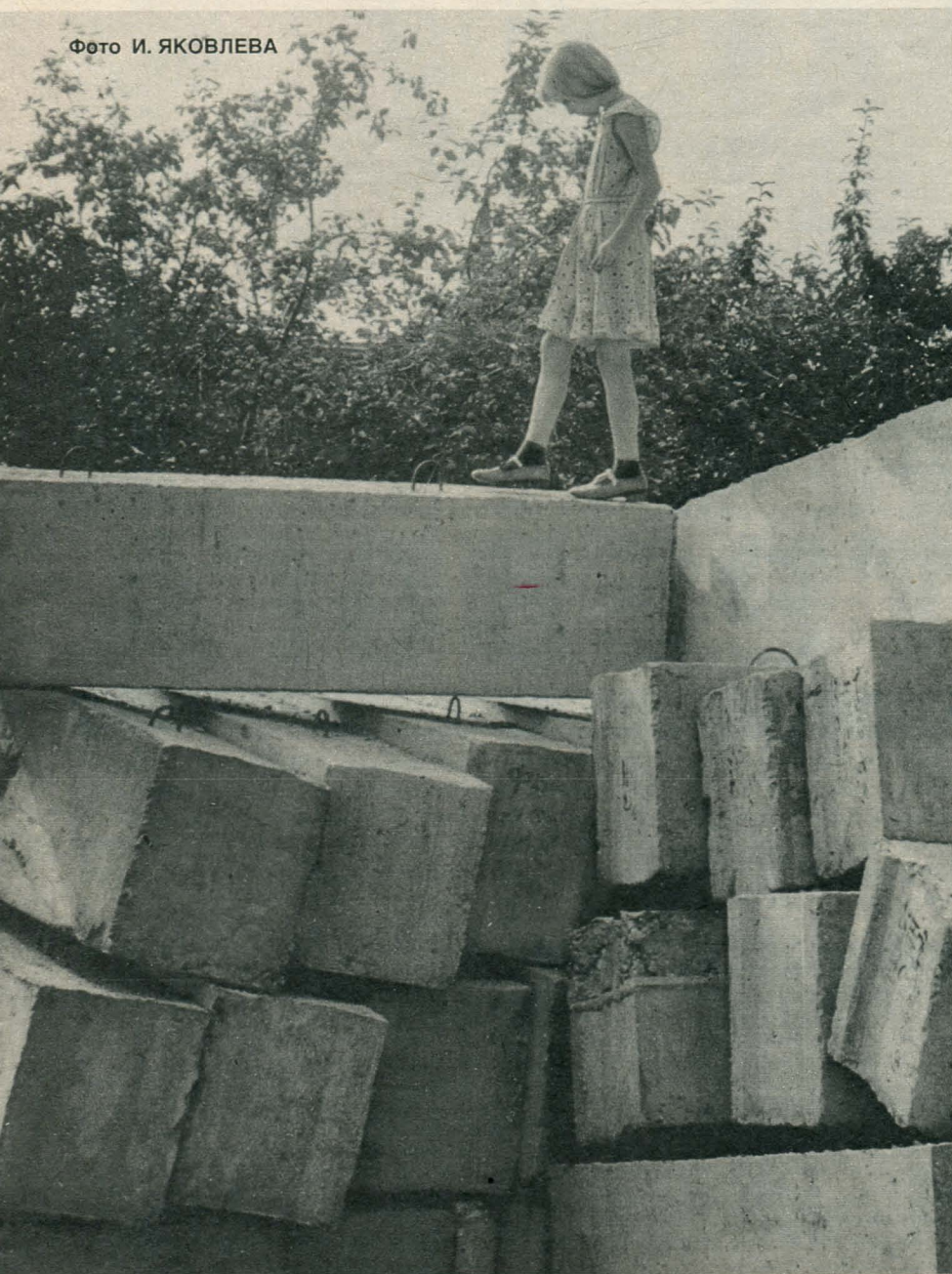
«Но взять дело в свои руки тоже надо уметь! — замечает учительница З. Иванова, автор письма из Зеленограда. — А уметь — это значит прежде всего знать, обогащать свои знания, интересоваться проблемой, которая тебя волнует, следить за ее развитием».

Прочитав эти строки, невольно отмечаю: письма-то жилищные в основном личностные... Естественно вроде — у кого что болит. Но порой доходит до казусов: «У меня родился третий ребенок. Через сколько месяцев (?) мы, как семья многодетных, должны получить квартиру?» Что редакции ответить на подобный вопрос? Казалось бы, каждый уже знает, что для стоящих в льготной очереди, в том числе и по многодетности, выделяется лишь часть нового жилья. Ясно, что и в этой очереди новую квартиру надо ждать, нередко не один год. Кто-то, оказывается, не знает таких азов, необходим ли без в жилищных вопросах...

Видимо, недостаточная информация об общем положении с жильем привела «полосу отчуждения» между личным и общественным, желаемым и возможным. Социальная незрелость очередника появляется от малой его информированности.

ИНСТРУМЕНТ ШИРОКОЙ ГЛАСНОСТИ — как гарантия соответствующего «образования» и необходимой гражданской зрелости в подходе к жилищной проблеме — уже приводится в письмах как «рецепт». Н. Лазарева, написавшая нам из Саратова, составила целый список вопросов о количестве и качестве жилья, ответить на которые должен быть готов, по ее мнению, каждый профком.

Фото И. ЯКОВЛЕВА

любой районный или городской исполком.

«Нужно бы составить на местах картотеки жилого фонда,— читаем далее в письме.— Необходимы специальные центры по учету и распределению жилья, оснащенные современной техникой. Пора ввести в практику аналитические акции — опросы, анкетирование очередников, широкой общественности,— чтобы выявлять и учитывать разного рода тенденции в обеспечении жильем и развитии городов и поселков».

Честная, мужественная и объективная информация, в которой нуждаемся сегодня все мы, нуждается, в свою очередь, в нашей поддержке — «снизу» — в остром внимании и понимании. Форм содействия гласности множество — молодежно-комсомольские рейды по адресам молодых семей, женсоветовские опросы многодетных семей и матерей-одиночек, дни контроля общественности в кабинете инспектора по распределению жилья... Что еще? Об этом мы намерены поговорить с коллективом — за круглым рабочим столом, прямо на предприятии. А предварительно этот разговор, представим себе картину отнюдь не фантастическую.

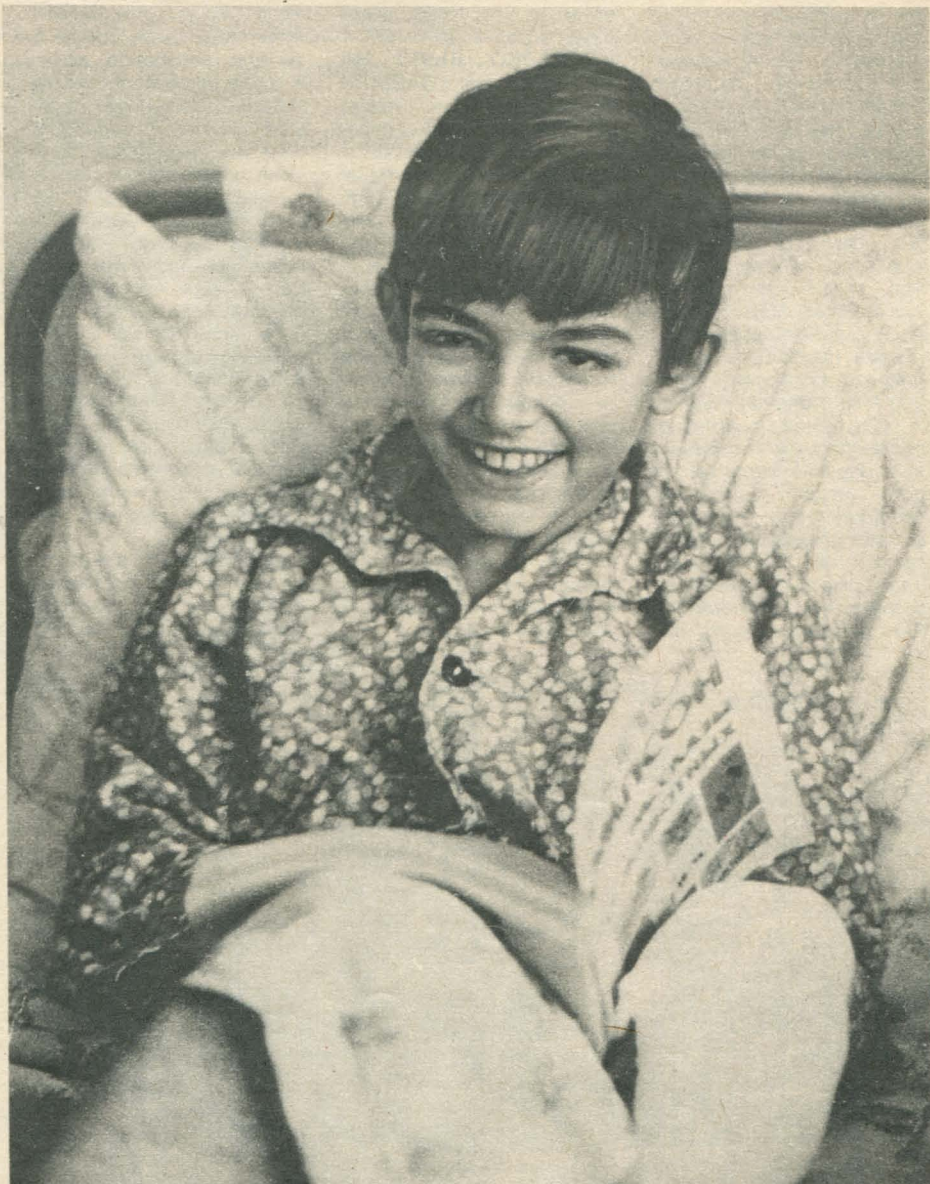
Районная газета (или любая другая) публикует жилищную статистику, данные локального опроса жителей района или вновь заселенного дома, печатает сводки поступления и заселения новых квартир, дает ежедневно цифры выполнения плана отстающим домостроительным комбинатом, даже публикует информацию о решении спорного жилищного дела — почему нет?

...Председатель горисполкома признался одному из сотрудников редакции: «Мешает нам еще психология чиновничества! Иному важнее всего доложить непосредственному его начальнику: сделал, как вы приказали! Вот и я сам — звонят «сверху», просят или требуют дать согласие на положительное решение вопроса — и подписываю бумагу, хотя сам внутренне протестую против того «положительного» решения...»

Ну разве не станет надежной защитой и опорой для такого слабого духом работника жилищного фронта широкая гласность?..

Л. ЕГОРОВА

УПРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

ТРЕВОГА

Подробиности одного розыска

С тех пор в каждом черноголовом мальчишке видится мне Тимур, каким увидела его на большой фотографии в доме родителей, Ларисы и Юрия Сарсеновых. Веселый, задиристый пацаненок, таких много бегаёт по улицам Алма-Аты. Но именно Тимуре выпало стать жертвой трагедии, потрясшей миллионы людей. И тогда весь город встал на его защиту...

24 февраля, утро.

Отсчет горьких для семьи Сарсеновых событий начался 24 февраля. Еще утром ничего не предвещало беды, день начался, как обычно. Первым встал Юрий, потом Лариса подняла Тимку, они с отцом быстренько позавтракали. Обычно Лариса провожает обоих до двери, но тут раньше проснулась десятилетняя Анюта. Лариса решила ее покормить, и Тимур собрался в школу сам. Натянул голубую курточку, сапожки, взял портфель, сменку и совсем как отец, по-взрослому крикнул от двери: — Ну, я пошел...

Если б знала Лариса, что больше она в этот день сына не увидит. Если бы только догадывалась, какая беда нависла над семьей. Но никакого предчувствия не было. Погуляла, как обычно, с Анкой, приготовила обед, немножко постирала. Около трех раздался звонок. На ходу вытирая руки, она подбежала к телефону, схватила трубку — тишина, потом чей-то смехок. Ребятишки балуются, решила она. И опять сердце ничего не подсказало ей. Но еще через полчаса мужской голос спросил:

— Тимур еще не пришел?

Вот тут сердце у Ларисы сжалось. Нико-

гда до сих пор она этого голоса не слышала. И какое может быть дело у незнакомого мужчины к ее девятилетнему сыну? Не успела додумать эту мысль, как позвонили в дверь. На пороге стояли двое мальчишек, одноклассники Тимура. «Вашего Тимура, — сказали они, — увезли на такси». Больше мальчишки ничего не знали, сказали только, что учительница из продленки разрешила им перед обедом погулять десять минут. Тимур с Дениской побежали к «Детскому миру» за мороженым. Вернулся Дениска один. Учительница решила, что Тимур пошел обедать домой — живет он в пяти минутах ходьбы от школы...

Растерялась Лариса, заметалась, позвонила мужу на работу, свекрови. Панна Яковлевна сразу спросила: «Ты в милицию позвонила?» — и сама набрала «02». А Лариса побежала к Дениске. Уже через десять минут ясно представляла себе, что произошло два часа назад на углу Комсомольской и проспекта Мира.

К мальчишкам подошли двое парней. — Ребята, щенки не нужны? Породистые, жаль выбрасывать...

Дениске парни не понравились, «лица у них были красные», скажет он потом. Тимка отказать не смог: встали перед глазами щенки, неуклюжие, лопоухие, доверчивые. И таких — выбрасывать?! Мама добрая, она не откажет...

— А где щенки? — спросил он.
— Да тут, недалеко, — засуетились парни. — Щас машину возьмем, подведем.

Семь часов вечера

...Следующий звонок раздался только в семь часов вечера. Они все сидели в одной комнате, Юрий, Лариса, Панна Яковлевна с Анюткой на руках. Девочка капризничала, видно, передалось ей общее состояние.

Пришла инспектор детской комнаты милиции, попросила фотографию Тимура. И почти сразу после ее ухода — тот телефонный звонок.

— Хочешь увидеть сына живым? — спросил развязный голос. — Готовь пятнадцать тысяч. Позвоню завтра в два.

— Подождите! — почти выкрикнул Юрий. — Скажите, где сын...

Ждать не стали, в трубке раздались короткие гудки. И Юрий, как было условлено, позвонил в милицию.

— Будьте дома, — посоветовали ему. — Они одним звонком не ограничатся...

Сказали уверенно, спокойно, будто заранее предвидели каждый шаг шантажистов. Если бы так! Аналогов подобного преступления (а в том, что оно совершилось, никто уже не сомневался) не числилось в архивах угрозыска столицы Казахстана.

В тот час, когда Сарсеновы сидели у телефона, на другом конце Алма-Аты в кабинете начальника управления уголовного розыска Николая Георгиевича Грицевича собрался оперативно сформированный спецштаб: заместитель министра внутренних дел Сайлау Досумович Сериков, начальник управления уголовного розыска республики Владимир Алексеевич Артеменко, руководители различных служб УВД города. Установили переносную рацию — сюда поступали сообщения с постов ГАИ, с вокзалов — автобусного и железнодорожного, от передвижных милицеских групп. У каждого постового была размноженная фотография Тимура. Оперативники опрашивали таксистов — сотни их находились в этот день на трассе. Город был блокирован, словно бы накрыт густой сетью, сквозь ячейки которой преступни-

кам не проскользнуть. Но при условии, что они в городе.

Шел десятый час с момента похищения мальчика. Где он? Этот вопрос сверлил не только измученных родителей. На дворе ночь, и хоть днем было солнечно, к вечеру подморозило. В штабе прикидывались разные варианты. Заперт в чьей-то квартире? В частном доме, каких еще немало на окраинах Алма-Аты? А может, не дай бог, в сарае? Нет, не звери же они: ребенка в феврале держать в неотапливаемом помещении!

И никому не пришло в голову то, что было в действительности: что мальчик со связанными руками и ногами лежал в камышах, на берегу небольшой речушки в четырнадцати километрах от города. Прямо на промороженной земле. Но он этого не ощущал, хоть и был жив...

Позже следователи прокуратуры в деталях, по минутам и часам, восстановят картину происшедшего.

...Остановились у развилки дороги на Каскелен, дальше, объяснили, машине не пройти. Шли вдоль теплотрассы, парни по бокам, Тимур со сменкой в руках в середине.

— Ну, так какой у вас дома телефон? — снова спросил один из парней. — Ты, наверно, двоечник, раз даже свой телефон не помнишь.

— Я учусь без троек, — обиделся Тимур. И назвал свой номер, который парень записал на спичечном коробке.

Пробирались сквозь сухие камыши, тут и там валялись обрывки толя — остатки изоляции теплотрассы, белели островки нерастаявшего снега. Подошли к маленькой речушке, парень — тот, что интересовался телефоном, — достал из сумки шприц и ампулу:

— Сейчас укол сделаем...
— Зачем? — испугался Тимур. — Я не хочу!

— Это от бешенства. Вдруг собака боляная окажется...

После укола Тимур еще несколько минут походил по берегу речушки, потом пожаловался: голова кружится. Когда он уснул, из той же сумки извлекли куски шнура, связали ноги.

— Теперь сутки проспит, — сказал один. Второй предложил: давай и руки свяжем, а то вдруг проснется, уползет на руках. Связали и руки. Натянули на глаза спящего мальчика шапочку, прикрыли куском толя и... спокойно отправились домой.

Да, эти двое — братья Анатолий и Виктор Снопковы, работавшие сантехниками спорткомплекса «Медведь», никакими угрозами совести не мучились.

Вышли на конечную остановку автобуса, идущего в город. Прикидывали, пока ехали, на что пятнадцать тысяч истратят: обстановку в дом купят, старую машину на ноги поставят. В общем, заживут... На радостях купили шесть литров пива и весь вечер пили, время от времени выбегая звонить из автомата. Последний раз позвонили в одиннадцать. Хмель ударил в голову, оттого и разговор получился более агрессивный, чем прежде:

— Смотри, с ментами не связывайся, — расстреляю!

Вечер следующего дня

...Кончался второй день без Тимура. Анюту бабушка унесла к себе. Лариса с Юрием молча сидели у своего красного, как сигнал беды, телефона. Телевизор, понятно, не включали, иначе в телевизион-

ной программе «Казахстан» увидели бы фотографию Тимура, услышали тревожную информацию и призыв ко всем, кто видел мальчика, сообщить по телефону штаба розыска. Эта информация была передана по прямому распоряжению первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Геннадия Васильевича Колбина, который внимательно следил за ходом розыска.

После телепередачи сразу же пошли в штаб звонки, конца им не было, казалось, весь город принял участие в судьбе маленького Тимура. Каждый сигнал немедленно отрабатывался, но, увы, ни один не подтверждался.

— Ребята, отдохните, завтра трудный день будет, — уговаривал оперативников Владимир Алексеевич Артеменко.

Никто не уходил, дремали на стульях в кабинете, перекусывали на ходу молоком и пирожками. Все вместе пытались разгадать мотивы поведения, характеры преступников и в соответствии с этим предугадать их дальнейшие поступки. По логике событий ждать денег до завтра у преступников терпения не хватит.

...Тимур уже не ощущал холода, не чувствовал рук и ног. Открывал глаза — почему-то виделось только красное. Он не понимал, что это из-за шапки, навиннутой на глаза. Потом все стало черным, и он опять не понимал, что наступила ночь. Вторая ночь его плена в камышах.

Может быть, именно в это время его отец получил новое указание: везти деньги на улицу Пастера, положить их в условленном месте — под белую тряпку на земле. Конечно, пятнадцать тысяч у него не было, к тому времени они успели собрать чуть больше пяти тысяч рублей. У соседей, у друзей и сослуживцев. Ни в одной из квартир своего подъезда Лариса не встретила отказа. Бабушка, живущая на первом этаже, побежала в соседний подъезд и вскоре принесла около трехсот рублей — целую пачку трешек, пятерок, десяток. Оперативник, не выходявший из квартиры Сарсеновых вторые сутки, смущенно сказал: «У меня с собой только пятерка — возьмите, пожалуйста!»

Деньги грудой лежали на столе, Лариса по просьбе милиции — чтобы потом преступников можно было припереть к стенке — переписывала номера купюр. И тут звонок: ехать на улицу Пастера. Они быстро завернули деньги в бумагу, Юрий сел в машину, сзади лег оперативник с рацией. Стараясь не спешить (Юрий знал, что оперативные группы должны обследовать район до него), он ехал к улице Пастера. Опять милиция опережала преступников по меньшей мере на один ход. Начальник управления уголовного розыска Николай Георгиевич Грицевич и начальник отдела розыска Владимир Анатольевич Бальбердин, в разных кабинетах, не сговариваясь, пришли к одинаковому выводу: условным местом может быть тупик возле пешеходного мостика, куда машине не пройти. Точно! Недалеко от мостика белела аккуратно свернутая тряпка.

Артеменко, дежуривший в штабе, предположил: бандиты могут подстраховаться, подослать за деньгами постороннего человека. Потому все были настороже. И когда через пару минут в штаб сообщили, что через мостик пробежала женщина, Артеменко сказал только одно, резкое, как выстрел: «Брать!»

Взяли. Грицевич допрашивал ее прямо в машине. Установили личность: Лариса Коробкова, 26 лет, уборщица кондитерской фабрики. Была она изрядно пьяна. На допросе сказала, что пакет взяла по просьбе парня, с которым познакомилась несколько часов назад. На Пастера при-

ехали в такси, там были еще двое, мужчина и женщина. Со слов Коробковой составили словесный портрет: худощавый, светловолосый, глаза тоже светлые, одет в куртку и меховую шапку. Ориентировку передали постовым, всем, кто работал в этот момент в городе по розыску Тимура.

Виктора Снопкова задержали через пару часов, крутились возле автомата. Допросили и, конечно же, первый вопрос:

— Где мальчик?

— Какой еще мальчик? Ни о каком мальчике не знаю...

Куржился: то он спать хочет, то есть, то голова разболелась. Его допрашивали несколько часов подряд, умоляли, просили, совестили: у тебя самого дети, скажи, куда вы его спрятали?

— Да что я, фашист, что ли, ребенка у матери отбирать? — нагло глядя в глаза, отвечал Снопков.

Свидетелей преступления не было, брат, как он понимал, не поймали, иначе сразу же устроили бы очную ставку. Он все еще был спокоен. И это спокойствие, может быть, было особенно страшным. Что толку сейчас задавать естественные, но бессмысленные вопросы: как могли, откуда взялся в нашей жизни такие? Нет, мне, наверное, не найти ответов. Может, было бы проще понять (не оправдать, но объяснить что-то), если бы преступление совершили вконец спившиеся, опустившиеся люди, которые, что нередко случается, за бутылку передают самое святое. Но — нет. Братья Снопковы выросли в нормальной трудовой семье. Мать десяти лет отработала на заводе «Поршень», отец — профессиональный охотник. Жизнь дала братьям Снопковым то же, что их сверстникам: окончили школу, приобрели неплохую специальность, имели нормальный достаток, женились, у каждого — двое детей... Позже на следствии выяснится, что еще прошлым летом Анатолий намекал на возможность подзаработать на «выкупе».

Еще один день

Тихо было только в доме Сарсеновых. С момента задержания Виктора Снопкова раскрутился в полную силу маховик поисковой машины. Ночью же нашли таксиста, что вез преступную четверку. Утром по его описанию задержали вторую женщину, жену брата Виктора Снопкова — Анатолия. И она, расплакавшись, призналась: слышала, что братья из-за денег украли какого-то мальчика. Куда дели, не знает, вроде спрятали в трансформаторной будке. Она еще предложила мужу: может, одеяло ему отвезете да покормите? Муж рассмеялся — что, и подушку тоже прихватить?

Как за спасительную соломинку, ухватились за след: трансформаторная будка. Узнав об этом, председатель горисполкома Заманбек Калабаевич Нуркадилов поднял на ноги электриков. Выезжал с ними сам, облазил все подозрительные трансформаторные будки.

Пусто. Милиционеры, личный состав всех райотделов Алма-Аты, офицеры и рядовые, просматривали район, который примерно указала Ольга Снопкова. Шли густой цепью, по метру приходилось на каждого. Всего в километре от Тимура прошел живой бредень, но как тогда было знать это?

Ночь третья и последняя

Виктор начал признаваться почти через сутки после задержания, припертый к стене неопровержимыми доказательствами.

В половине двенадцатого ночи его повезли на место преступления. Шел 59-й час с момента похищения мальчика. Снопков бродил по камышам, боясь бросить взгляд в сторону, где они с братом положили связанного ребенка. «Забыл», «не помню», «где-то здесь». Позже скажет: надеялся, что тот голос подаст. «А если он мертвый? Мне бы живым оттуда не уйти...» — он прекрасно понимал состояние людей, что привезли его сюда.

Ни с чем — в который раз! — вернулись в город. Терпения и выдержки было достаточно у следователей прокуратуры, много часов подряд допрашивавших преступника, у работников милиции, то и дело заходивших в кабинет. Меньше спрашивали про сбежавшего брата, все про Тимура. Хотя надежда на то, что мальчик еще жив, таяла с каждой минутой...

Через полтора часа Снопков не выдержал: едем, покажу. Ночь, туманная, промозглая, окутала камыши. Шли с фонарями, майор Наурызбаев первым услышал сквозь треск камышей и хлюпанье жидкой грязи еще слышное, словно далекое эхо: «Ай...» Замерли, потом кто-то тихо позвал: — Тимочка! Тимур!

И снова, как вздох ветра в камышах, еле слышный звук. Все бросились к бугорку, скрытому куском толя. Мальчик лежал, словно спеленутая кукла, школьная форма и курточка набухли, вязаная спортивная шапка закрывала пол-лица. Свет фонаря выхватил почерневшие вспухшие ручки, перетянутые шнуром. Кинулись, ломая ногти, распутывать узлы. И надо же такому быть: пистолеты были у всех, а вот ножа ни у кого не оказалось. Грицевич зубами распутывал страшные жгуты. Рядом не выдержали, всхлинули. Мужчины, здоровяки, не раз бывавшие на месте убийства, всякое повидавшие, не выдержали зрелища издевательства над беззащитным ребенком.

Когда стянули шапочку с лица, Тимур открыл глаза, прошептал: «Пить...». Вторым словом было «мама»...

Василий Радаев, капитан, самый сильный и плечистый парень в угрозыске, спортсмен, вмиг содрал с себя куртку, завернул в нее малыша, как пушинку, понес сквозь камыши к машине. Ребята светили ему фонарями, чтобы, не дай бог, не оступился, не упал. Этот некороткий путь он одолел в пять минут. Так, на руках, и довез его до ближайшей больницы, ласково приговаривая: «Все будет хорошо, маленький, все теперь будет хорошо...»

Дежурный врач больницы № 1 Людмила Николаевна Королева растерялась, когда в приемный покой ворвались возбужденные, в грязной одежде люди. Увидев посиневшего ребенка, возмущилась:

— Вы что, переодеть его не могли?!

Говорили все разом, перебивая друг друга, и она с трудом поняла, что это тот самый мальчик, которого третьи сутки ищет вся Алма-Ата. И тут же врач взял в ней верх над эмоциями:

— Все марш отсюда! Вы мне мешаете...

И выдавшая виды доктор избегала смотреть в огромные, полные страдания, глаза мальчика. А он, разжав спешившие губы, прошептал: «Только маме не говорите, у нее молоко пропадет, ей надо Анку кормить».

...Часы показывали без пятнадцати четыре, когда Грицевич позвонил в квартиру Сарсеновых. Юрий схватил трубку, секунду слушал, выкрикнул: «Жив! В больницу?»

На ходу одеваясь, объяснял Ларисе:

— Сказали, он сутки был на улице, потому в больницу повезли. Мне разрешили поведаться с ним в приемном покое.

Только через несколько часов узнали

они страшную правду. Врачи отделения экстренной хирургии детской клинической больницы № 1, месяц выхаживавшие мальчика, боялись поверить в чудо. Шестьдесят часов пролежал ребенок на обледеневшей, слегка присыпанной камышовыми стеблями земле. Два дня и три ночи — взрослый не выдержал бы такой физической и психической травмы.

Чудо, однако, произошло. На пятый день, когда мальчика перевели из реанимации, пустили к нему родителей.

Этот день оказался удачным не только для семьи Сарсеновых.

Второй преступник находился до сих пор на свободе, к розыску его, без преувеличения, подключилась вся республика. Размноженное фото Анатолия Снопкова экипажи рейсовых самолетов развезли в разные города. По телевидению и в «Вечерней Алма-Ате» сообщили: мальчик найден, жив, но один из преступников не пойман. Милиция снова обратилась к людям с просьбой помочь в розыске. До пятидесяти звонков в день фиксировали дежурные службы. Его «отдавали» даже приятели — настолько потрясло всех гнусное преступление. Так что спрятаться ему не удалось. Анатолия Снопкова обнаружили в стогу сена на берегу Балхаша, в трехстах километрах от Алма-Аты, куда он забился, опасаясь возмездия.

И оно пришло. Через несколько дней братья Снопковы предстали перед судом, который оказался куда страшнее официального. Четыреста жителей Ленинского района пришли на сход во Дворец культуры, чтобы потребовать суровой меры наказания для этих, как выражались люди, «недочеловеков».

Старики и молодые люди, бабушки и матери, сверстники Тимура — они вставали один за другим, бросая в лицо бандитам все, что о них думали.

— Вся наша школа переживала за Тимура. Мы так хотели, чтобы он выжил, — сказал мальчик, ровесник Тимура.

Из зала спросили:

— А ты теперь не боишься по улицам ходить?

— Не боюсь... Хороших людей больше!

И вот это «устаи младенца» перевесило гадость и грязь, которые принесли с собой в зал преступники. Потому что среди тех, «которых больше», — все, кто с первой минуты, не щадя сил и времени, два дня и три ночи разыскивали ребенка. Сотни земляков-алмаатинцев, помогавших поиску, самоотверженные врачи, сутками не отходившие от Тимура, его ровесники, знакомые мальчишки и девочки, приносившие в больницу что яблоко, что пирожное с запиской: «Тимур, ешь вкусные вещи!».

...Я видела ребячьи записки и рисунки — Лариса бережно хранит их. Мы сидели в уютной квартире Сарсеновых. Анка крутилась на руках у бабушки, Лариса и Юрий сдержанно рассказывали о пережитом. Прибежал из магазина Тимур, принес большой, пышный каравай хлеба. Дззи, черный пудель, прыгала вокруг него, норовя лизнуть в лицо, он отбивался, смеясь. О страшной трагедии напоминают пока черные полосы на руках — след от веревок.

Учебный год Тимур закончил без троек, сейчас учится в четвертом классе. А Сарсеновым до сих пор звонят и пишут отсюда. Лариса отвечает, успокаивает, с мальчиком все в порядке. И каждое ответное письмо, каждый телефонный разговор обязательно кончается благодарностью. Спасибо — всем и за все...

С. ДУБИНСКАЯ

г. Алма-Ата.

Советская семья — ровесница революции: 18 и 19 декабря 1917 года были изданы декреты ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и «О расторжении брака». Оба подписаны В. И. Лениным.

Полное отстранение церкви от решения вопросов брака и семьи. Свобода заключения брака и развода. Полное равенство личных и имущественных прав мужа и жены. Уравнение в правах внебрачных детей с детьми, рожденными в браке. Революция в семейных отношениях!

Положения декретов развил первый советский семейный Кодекс, принятый в 1918 году. А в 1920 году семья получила право свободно решать вопрос о числе детей: официально было разрешено прерывание беременности в больничных условиях — в противовес всякого рода «способам», которые практиковались еще с дореволюционных времен, уродуя и калеча женщин.

Превращение семьи в первичную ячейку свободного общества — это было одно из самых первых и самых важных завоеваний революции. Молодое Советское государство на целые десятилетия опередило все самые передовые «демократии» Запада.

«Возьмите положение женщины, — писал В. И. Ленин в статье «Великий почин». — Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщин, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма».

До революции свыше 10 процентов городского населения — мужчин и женщин — никогда не вступали в брак: тяжелые условия жизни не позволяли им создать семью. В первое же послереволюционное десятилетие это вынужденное безбрачие практически сошло на нет.

Вот как описывал процесс рождения новой семьи один из исследователей того времени: «Перевернутый революцией строй семейных отношений и остатки примитивной экономики, языческая обрядность и первые ростки «нового быта» — все эти противоречивые тенденции нередко сочетались в самых причудливых узорах». Уже в середине 20-х го-

дов доля браков, заключенных без церковного обряда, стала заметно перевешивать в городах, позднее и в сельской местности. Семья складывалась на новых нравственных основах — как глубоко демократический, свободный, равноправный союз любящих и уважающих друг друга людей.

Семья и общество, семья и государство всегда неразрывно связаны, это всеобщий закон. Но традиции широкой государственной помощи семье, активного влияния на ее развитие впервые в истории заложил Октябрь. В строительстве новой семьи мы тоже шли не проторенным путем. Не всегда он был гладким и безошибочным. Бывало и так, что для достижения бесспорно верных и важных целей избирались слишком «лобовые» средства, не учитывающие всей сложности социальных последствий. Так случилось, например, в 1936 году, когда были практически запрещены аборты. Эта мера серьезно осложнила жизнь семьи, она стоила здоровья, если не большего, множеству женщин. А достигла ли она своей прямой цели — повысить рождаемость? По крайней мере, когда в 1955 году

запрет был снят, число рождений не уменьшилось. Оно стало снижаться лишь несколько лет спустя, по другим причинам.

В 1944 году — также из самых благих побуждений — была введена сложная двухступенчатая процедура развода, сделавшая мучительным «выход» из брака. Появился пресловутый прочерк в метрике у детей, рожденных вне брака, возродилось само это понятие — «незаконный ребенок». После всего, что было написано по этому поводу Лениным!

«...На деле свобода развода означает не «распад» семейных связей, а, напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях»; «...Право развода, как и все без исключения демократические права, при капитализме трудно осуществимо, условно, ограниченно, формально-узко, но тем не менее отрицающих это право ни один порядочный социал-демократ не сочтет не только социалистами, но и демократами», — Ленин придавал огромное принципиальное значение этой проблеме и возвращался к ней многократно.

Ну, а чем обернулись крутые

меры? Удалось ли с их помощью добиться существенного укрепления семьи? Широко распространились внебрачные связи. К концу 40-х годов каждый пятый ребенок появлялся на свет у незамужней женщины. Не случайно именно в это время в юридический лексикон прочно вошло слово «сожитель»...

Об этом горько вспоминать, но вспоминать необходимо — чтобы даже в мыслях не повторять былых ошибок.

Размышляя о проблемах, о трудностях, которые переживает современная семья, мы часто прибегаем к сравнениям: вчера — сегодня. Но достаточно ли хорошо представляем себе это «раньше», этот вчерашний день семьи?

Болезненные нарушения в половозрастной структуре населения, а проще сказать в соотношении числа мужчин и женщин, способных создать семью, связываются обычно с Великой Отечественной войной. Миллионы вдов, миллионы одиноких женщин — только к концу 70-х годов затянулись эти зияющие раны. Но ведь и тридцатые годы в демографическом плане были исключительно сложными. Темпы роста населения замедлились. Во второй половине 20-х годов население страны росло на 3 миллиона человек каждый год, а за весь период 1931—1936 годов оно увеличилось примерно на 3,5 миллиона: к трудностям индустриализации, коллективизации добавились тягчайшие последствия неурожая 1932 года. Составляя результаты двух переписей населения — 1939 и 1926 годов, — мы видим, что за эти 12 лет соотношение полов заметно ухудшилось (хотя и в середине 20-х ситуация была далеко не идеальной — сказывались потери первой мировой и гражданской войн). Доля состоящих в браке женщин во всех возрастах упала. Одиночество, личная неустроенность еще тогда, до войны были не единичными явлениями.

Понадобились десятилетия, чтобы по-настоящему глубоко понять, какой это сложный социальный организм — семья, как неоднозначно, порой парадоксально отзывается она на процессы, происходящие в обществе. Казалось бы, общественный прогресс должен только способствовать прогрессу в семейных отношениях. На деле же все оказывается неизмеримо сложнее.

Приведу для наглядности данные, показывающие темпы общественного развития по двум важнейшим позициям: рост образования и превращение аграрной в прошлом страны в индустриальную державу. В 1917 году две трети населения страны были полностью

неграмотны. Спустя четверть века — в конце 30-х образование не ниже 7 классов имела одна восьмая часть работающих. Теперь нормой стала десятилетка, а каждый восьмой из занятых в народном хозяйстве имеет высшее образование. А изменения в образе жизни? К началу индустриализации только 18 процентов населения жило в городах, а перед войной уже треть, ныне две трети. Значит, в большинстве семей каждое новое поколение на порядок, на целую культурную эпоху отрывалось от предшествующего. Опыт старших в силу этого разрывая не мог быть воспринят молодежью, нарушалась преемственность, столь необходимая для упрочения моральных основ. Когда скорость движения так велика, легко ли разобраться, где пережитки, место которым на свалке истории, а где непреходящие духовные и нравственные ценности, без которых семейные связи утрачивают свой высший смысл, а жизнь семьи становится простым совместным проживанием?

Вот и сейчас у нас сложилась непростая ситуация, к которой еще предстоит адаптироваться, — я имею в виду растущее лидерство женщин в образовании. Крупное общественное завоевание оборачивается немалыми сложностями для реальных семей: и мужу, и жене, а значит, и детям нелегко жить, когда традиционный глава семьи отстает от своей супруги!

А стремительный рост материальной обеспеченности — разве он, являясь безусловным благом, не затрудняет одновременно взаимопонимание внутри семьи? К концу 30-х годов семья из 4 человек в среднем располагала 18-метровой комнатой. Среднедушевая обеспеченность жильем была такой же, как была до революции, — лишь распределение принципиально изменилось. Бабушка, дважды пережившая карточную систему (в начале 30-х годов и в войну), радовавшаяся доставшимся по талону мальчишковым ботинкам, — может ли она сегодня сочувствовать переживаниям внучки по поводу каких-нибудь особо модных брючек?

«...Сперва индивидуально беседовали с каждой женщиной, показывали картинки, а после уж проводили общее собрание. Отцы сами мебель, вешалки делали, матери полотенца отрезали.

Дружно накрывали на стол. Санкомиссия осматривала руки, лицо, шею. Делала каждому отметку: если чистый — красный кружочек, а грязный — черный. Не хотелось ребятам получить черный, и они старательно мылись из новых, блестящих умывальников.

Дети играли, питались на

воздухе, а спали за хатой, на земле, подстилая дерюжки и полушубки...»

Эта заметка была напечатана в «Работнице» без малого 60 лет назад.

Помощь женщине — работнице и матери, охрана детства всегда входили в ряд важнейших направлений политики Советского государства, даже в те периоды, когда для этого, казалось бы, не было никаких условий. В тяжелейшем для страны 1943 году произошло резкое снижение детской смертности. Детей в годы войны рождалось намного меньше, а число детских консультаций не снизилось; дети наравне с ранеными бойцами получали сильнодействующие лекарства, появившиеся в то время.

Детские сады, детские ясли — это тоже детище Октября, форма государственной помощи семье. Помощи активной, деятельной, конкретной и всеобщей. Без них речи не могло бы быть о женском равноправии. И долгое время казалось очевидным: чем дольше будет ребенок находиться в саду, тем лучше и для него, и для матери.

В начале 60-х годов — а именно в этот период у нас фактически исчезло понятие «домохозяйка» — вышла книга «Наш мир через 20 лет». Написал ее крупный ученый, один из признанных лидеров экономической науки. Вот как рисовалась ему наиболее совершенная модель воспитания, вообще «выращивания» детей:

«Каждый советский гражданин, уже выходя из родительского дома, получит путевку в детский сад с круглосуточным содержанием или детдом (да, да, именно так! — М. Т.), затем в школу-интернат, а из него уже с путевкой в самостоятельную жизнь на производство или на дальнейшую учебу по избранной специальности». Проблема, следовательно, сводилась к тому, чтобы создать достаточно мощную систему детских учреждений.

Резкое снижение числа рождений, последовавшее именно в 60-х годах, застало нас врасплох: во все прогнозы были заложены высокие темпы роста населения — ведь считалось, что они органически присущи социализму. Не сразу и встревожились — казалось, что это сказываются последствия войны. С ростом благосостояния детей должно было рождаться все больше...

А получилось наоборот. Вместе с повышением уровня жизни в быт вошли новые интересы, новые радости — и они составили неожиданную конкуренцию родительским, прежде всего материнским чувствам. Особенно в тех случаях, когда этим чувствам не хватало времени развиться и окрепнуть. Ведь отношения матери и ре-

бенка обладают одним удивительным свойством: чем больше она отдает ему, тем больше получает. И, увы, наоборот... Целиком передоверив детей яслям и садикам, семья освобождалась от многих хлопот. Но вместе с ними стали незаметно уходить и тепло, и душевная близость с ребенком.

Надо было пережить все это, чтобы осознать, наконец, что значит мать для ребенка, а ребенок для матери. Всегда, а в первые годы жизни особенно. И вот в конце 70-х годов было отмечено новое явление: все чаще и чаще молодые женщины стали удерживать ребенка дома до двух, а то и до трех лет. Осуществить это было нелегко, многим приходилось увольняться, переходить на работу не по специальности — с более подходящим режимом и меньшей нагрузкой. Но это матерей не останавливало.

Эта глубокая материнская потребность, все отчетливее осознаваемая женщинами, была поддержана постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Матери получили право на частичное оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до года и неоплачиваемый — до полутора лет, денежную помощь, возможность строить свою трудовую жизнь так, чтобы она как можно более гармонично совмещалась с материнством. В ближайшие годы сроки отпусков будут еще увеличены. Очень важно отметить, что государственная помощь предназначена не только многодетным семьям, как это было раньше, а всем семьям с детьми, начиная с первого. Казалось бы, очевидно: помочь матери воспитать первенца — значит увеличить вероятность, что ребенок у нее будет не один. Но и эта простая истина стала очевидной не сразу.

Как использует семья эту помощь? До введения льгот картина была такая. Из каждой ста женщин, родивших в 1979 году, 73 воспользовались правом на неоплачиваемый отпуск в течение всего первого года жизни ребенка, 16 использовали этот отпуск частично, 10 не брали отпуска вообще. И только 5 сумели пробыть с ребенком более года — администрация по доброй воле пошла им навстречу.

А в 1983 году, после введения льгот ситуация изменилась. До года оставались с ребенком 80 матерей из ста, а до полутора — 41, то есть в 8 раз больше, чем прежде. Снизилась доля женщин, использовавших отпуск до года не полностью. Тех, кто выходит на работу сразу после декретного, остались единицы.

Особенно сильно изменился образ жизни горожанок. 89 процентов городских жительниц

«сидят» с ребенком до года, 51 процент — до полутора лет. Только 7 процентов матерей в городе используют годичный отпуск не полностью.

Случайно ли, что именно в 1983 году число родившихся детей впервые за послевоенные годы достигло 5,4 миллиона, а в 1986-м составило 5,6 миллиона? Случайно ли, что заметно увеличилась частота вторых и третьих рождений — причем именно в городе этот сдвиг оказался наиболее значительным?

Самый острый, самый болезненный дефицит для работающих матерей составляло **вре-**мя. Теперь они его получают.

Мы еще не оценили по достоинству этих изменений. Не осознавали, что глубокая перестройка происходит и в семье.

До сих пор у нас было одно из двух: женщина работает — женщина не работает. То есть либо трудится точно так и столько, как мужчины, что называется, «от звонка до звонка», лишь на короткий срок оставляя рабочее место, либо остается домохозяйкой. Именно потому, что нам были известны только эти две модели, и стали так настойчиво звучать призывы «вернуть женщину в семью», хотя невооруженным глазом видно: женщина не откажется от своих завоеваний, не согласится расстаться с активной ролью в обществе. И вот теперь на наших глазах складывается третий, принципиально новый образ женской жизни. Работать, но по своему, особому графику, с длительным переключением на семейные дела, с максимальным использованием льготных гибких режимов. Мы стоим сейчас в самом начале этого пути, и как быстро сможем по нему продвигаться — зависит прежде всего от темпов перестройки, от перехода народного хозяйства на высший уровень производительности.

А одновременно набирает силу и система общественного воспитания. Поставлена задача удовлетворить потребность в детских дошкольных учреждениях. Это значит, что женщина впервые получает свободу выбора, решая, как наилучшим образом распределить время между работой и домом, как использовать на благо себе и детям все преимущества семейного и общественного воспитания.

Итак, новая социальная модель проходит сейчас проверку жизнью: сочетания работы с материнством, соотношения усилий семьи и общества в воспитании детей. Будущее семьи неразрывно связано с этой моделью. И что сейчас дороже всего — так это все более активно проявляющаяся готовность семьи, готовность женщины совершенствовать на практике новый образ жизни.

А. П. ЛЕВИТИН. Теплый день.

«Я замужем второй раз, — говорилось в письме молодой женщины, инженера, — у меня десятилетний сын от первого брака, а нашему общему сыну полтора года. Семью нашу раздражают ссоры. Муж мой относится ко мне неуважительно, временами грубо, часто кричит на меня. Я измучена, семья наша на грани распада, но и жить одна я никогда не смогу...»

И вот мы сидим рядом, пристально вглядываясь друг в друга. Муж и жена — оба рослые, стройные, о таких говорят: «Созданы друг для друга». Валентина явно напряжена, Саша держится более спокойно и кажется мне более мягким. Что же мешает этим симпатичным людям?

— Давайте сначала я расскажу, — предлагает Валентина. — Вот последний случай. Договорились заранее, что в субботу поедим к родителям на дачу. А в пятницу он вдруг заявляет, что ничего не выйдет, потому что ему нужно часа на три съездить на работу. Я ему спокойно говорю, что, может быть, это необязательно — работать в выходной? Нет, говорит, обязательно. И голос повышает...

— Голос, наверное, я действительно немного повысил, только насчет того, что Валя говорила сдержанно, — это не так. А ведь хорошо знает, что я на новой должности, хоть и небольшим коллективом, но руковожу и должен пример показывать. Думаете, мне самому хочется в субботу идти в цех?

— Неправда, вначале я сдерживалась. — Валентина позволила мужу закончить фразу, хоть это явно далось ей с трудом. — Я всегда стараюсь говорить спокойно, а Саша вдруг, ни с того ни с сего, взрывается и начинает орать.

Я все жду: когда же Валентина вернется к тем доводам, которые выдвинул Саша, говоря о своей работе. Но странно, об этом, самом важном, Валентина и не вспоминает.

— Валентина, — спрашиваю я, — а вот сейчас вы говорите спокойно?

— Конечно, — с полной убежденностью отвечает она. — Я вообще первая никогда не завожусь...

Вот еще одна интересная особенность их диалога. Валентина и в самом деле голоса не повышает, грубых слов не употребляет, с мысли не сбивается. Но в ее интонациях, в выражении лица, в позе, в том, что она пропускает мимо ушей слова мужа, чувствуется такая непреклонность, такой железный отпор собеседнику, что даже мне становится неуютно...

Помните старую притчу о трех слепых путниках, наткнувшихся на спящего слона? Первый дотронулся до ноги

и объявил, что перед ним дерево. Второй прикоснулся к хоботу и решил, что это большая змея. «Вы оба не правы, — сказал третий, водивший рукой по туловищу слона. — Это какой-то дом».

Как часто люди, соединенные узами супружества, напоминая этих путников! Столкнувшись с житейской проблемой, они крепко держатся за свое мнение, свое понимание — может быть, и верное по сути, но всегда неполное, одно-стороннее, и в конце концов оказывается, что о сущности своих разногласий знают не больше, чем те слепцы — о слоне.

Вот наш читатель Владимир К-ко из Кемерово пишет:

«Жена все время говорит, что все наши ссоры — из-за того, что я на выходные часто уезжаю на рыбалку, не уделяю внимания ей и дочери. А я считаю, что рыбалка — истинно мужское дело, рыбой я семью обеспечиваю на всю неделю. По-моему, все дело в ее капризном характере».

Читательница Ирина С-ва из Запорожья: «Муж часто упрекает меня в том, что я готовлю одно и то же. Уверена: это его мать так настраивает.

любых семейных проблем воспринимают не как поиск решения, наилучшего для обоих, а как сражение, поединок, в котором важно любой ценой положить противника на лопатки. При таком отношении признать правоту партнера — значит проиграть, проявить слабость.

«Подруги говорят, что такого мужа, как у меня, надо на божничку поставить и на него молиться. Но я хочу им руководить, чтобы всегда мой верх был, — как я сказала, так чтобы по-моему и было. Хочу, чтобы старшей в семье была именно я, поэтому другой раз в задоре есть желание разойтись, чем так жить», — пишет Наталья Николаевна Е-ва из Николаева.

Когда семейное общение выливается в соперничество, оно становится не дорогой к сближению, а способом «набирать очки» в нелепом соревновании друг с другом. Эти маленькие победы на какое-то время тешат самолюбие того, кому удастся взять верх, но по большому счету серьезно подрывают семью.

Модель такого общения наглядно продемонстрировали в моем кабинете Валентина и

Присмотритесь к себе внимательно, и вы увидите, что любой наш разговор идет в двух уровнях. Мы произносим слова, обмениваемся репликами — это один уровень общения, словесный, или вербальный, если использовать специальный термин. Но собеседник не только воспринимает словесное сообщение — он улавливает интонацию, мимику, позу, выражение глаз. Психологи называют это «скрытыми сообщениями». Порой они сильнее влияют на ход разговора, чем произносимые слова.

Не осознавая этого до конца, особое раздражение, растерянность, обиду Саша испытывал именно от этих «скрытых сообщений» — ведь и в самом деле жена держалась с ним, как любящая, но строгая мать, не намеренная потакать капризам неразумного дитяти.

Все мы родом из нашего детства... Ребенком Валентина была нежеланным: у родителей уже был сын, второго они не хотели, но так уж получилось. Валя кормили и одевали, но жизнью ее не интересовались, ругали за малейшие провинности. Многие детей такое воспитание делает робкими, застенчивыми, неуверенными в себе. В Валентине же — от природы энергичной и активной — воспитание в условиях эмоционального отвержения выработало привычку стоять на своем «до конца», слушать, но не слышать. Эти черты характера очень выручали Валентину, не раз помогали выстоять (например, родители требовали, чтобы она после школы шла работать, а она не уступила и окончила институт). Я понял, что именно за эти свойства характера и полюбил мягкий, спокойный, не всегда уверенный в себе Саша эту женщину. Но эти же черты — так нередко случается в жизни — и поставили теперь семью на грань распада.

Первое, что я должен был сделать, — помочь каждому из супругов осознать «узкие места» в своем общении. Для этого я предложил им как можно искреннее ответить на несколько вопросов. Думаю, что вопросы эти будут полезны и другим нашим читателям.

Семь вопросов к самому себе

1. Припомните последние 5–8 случаев, когда вы обсуждали важные проблемы. Сколько раз вы до конца сохраняли уверенность в своей правоте? Если так бывало всегда, есть большая вероятность, что вы слишком неуступчивы, что вами руководит стремление к самоутверждению, а не поиск верного решения. Может быть, со стороны вы кажетесь не более практичным, а просто упрямым человеком?

СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?

Занятие ведет врач-психотерапевт Александр ПОЛЕЕВ

Когда мы открывали нашу рубрику, материал для первых публикаций приходилось черпать из прошлого врачебного опыта. Но начали поступать письма, заработала телефонная Линия Доверия. Мы стали встречаться с читателями, работать с ними — не только с москвичами, но и с теми, кто специально приезжает на консультацию из других городов... Так познакомился я и с той супружеской парой, о которой расскажу на этом занятии. Ее конфликт — один из самых типичных.

он у нее часто бывает. Конечно, он говорит, что мать здесь ни при чем. Но я-то знаю: это все она!»

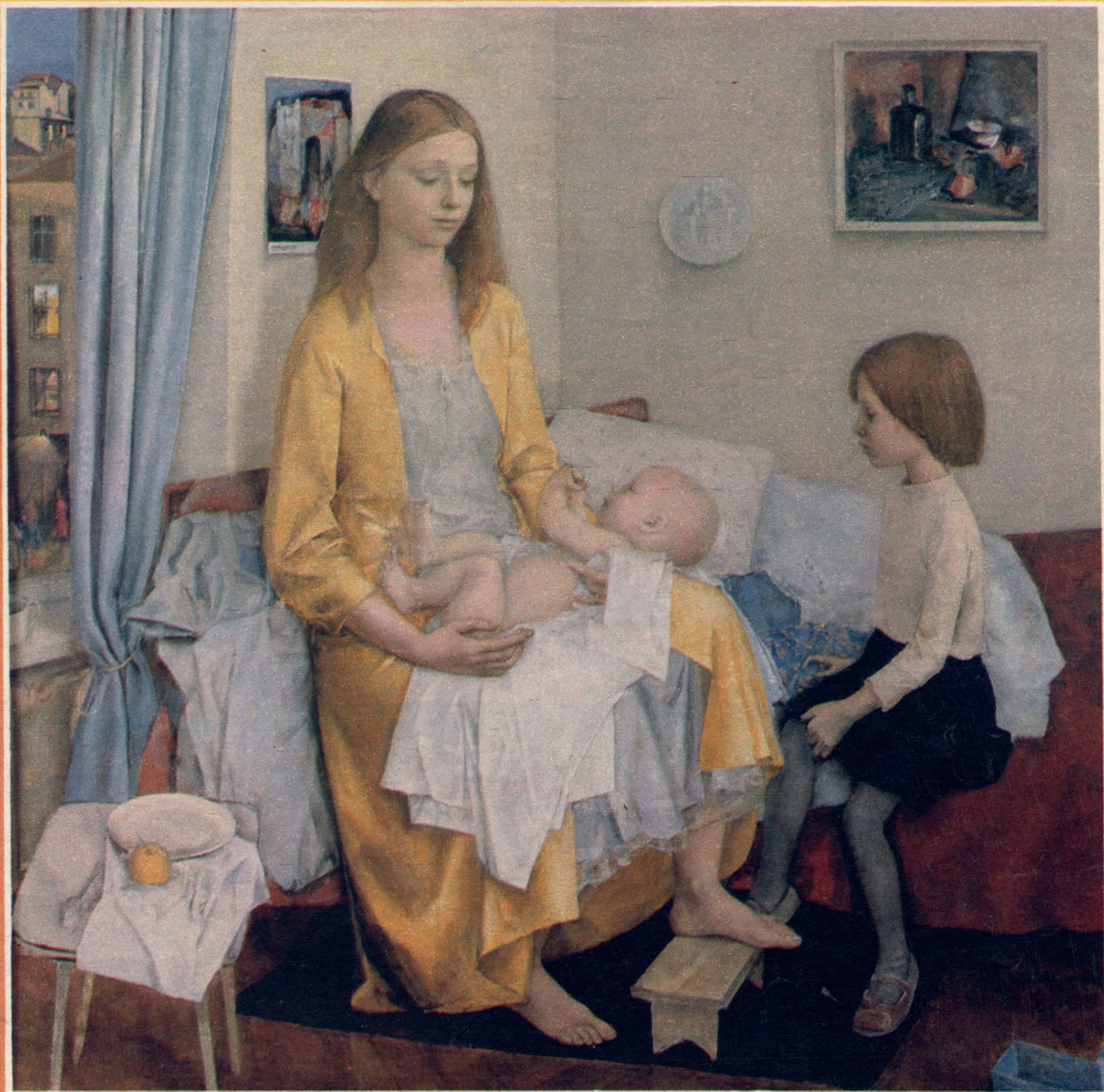
«Я считаю», «я уверена» — и точка. Мнение жены, мнение мужа начисто игнорируется. А ведь в этой отвергаемой позиции — пусть она в чем-то и неверна — какая-то доля истины наверняка есть!

Мой учитель, профессор Айна Григорьевна Амбрумова, часто повторяет нам, своим сотрудникам: «Всегда внимательно читайте записи тех, кто лечил пациента до вас: ведь предыдущий врач о чем-то думал, когда писал!»

Многие люди обсуждение

Саша. Валентина, будучи более настойчивой, лучше владея логической речью, «доказывала» мужу свою правоту. Саша же внешне пасовал, оставаясь в душе при своем мнении. Как рассказал он мне потом, в этих случаях его всегда охватывало жгучее чувство обиды и на себя — за то, что не умеет так убедительно и складно говорить, — и на жену. Поэтому-то он и вспыхивал гневом. И Валентине, которая совершенно искренне считала, что доказала свою правоту «по правилам», которая очень гордилась тем, что никогда не повышает голос, казался злобным дикарем.

Л. Н. КИРИЛЛОВА. Счастье.

2. Вы считаете себя человеком добрым, готовым помочь другим членам семьи. А не воспринимает ли они это как покушение на их самостоятельность? Не обижаете ли вы своих близких стремлением все взять на себя? Предвижу вопрос: неужели искренним стремлением помочь можно обидеть? Можно, и даже очень, — у партнера возникает чувство, что вы не верите в его способность выбрать в магазине нужную вещь, прибить полку или проверить, как сын выучил уроки.

3. Всегда ли вы просите мужа или жену помочь, когда нуждаетесь в помощи? Часто бывает так, что мы стесняемся, боимся обременить близкого человека, а он воспринимает это так, что мы не просим помощи из-за чрезмерной уверенности в своих силах. Чрезмерная уверенность в себе в большинстве случаев раздражает партнера. Для супружеского счастья одинаково вредно и перекладывать на другого все свои заботы, и бояться попросить его о помощи, когда помощь нам действительно нужна.

4. С другой стороны, не слишком ли вы уступчивы? Не идете ли навстречу желаниям близкого человека в ущерб собственным потреб-

ностям и интересам? Не говорите ли «да», когда хотите сказать «нет»? Такая чрезмерная уступчивость часто встречается у женщин и очень мешает в жизни. Если мы постоянно отказываемся от собственных желаний, в нас неосознанно нарастают ощущение неудовлетворенности жизнью, напряженность, раздражительность. Если мы слишком уступчивы, можем легко стать жертвой его — или ее — капризов. Каждому человеку важно хорошо осознавать собственные стремления и потребности и выработать в себе навыки их отстаивать. Сохранить супружескую любовь — вовсе не значит отказываться от своих желаний и прав. Человек, умеющий за себя постоять, пробуждает большую любовь, чем тот, кто все время старается угодить партнеру.

5. Подумайте, не слишком ли часто вы говорите мужу или жене о том, как вам трудно, вызывая в близком человеке неосознанное чувство вины и как следствие уменьшая доверительность в отношениях? Не возникает ли у вашего спутника ощущение, что он один несет ответственность за то, что вам трудно? К сожалению, своим ощущением недовольства собой мы

слишком часто «перегружаем» своих близких...

6. Не посылаете ли вы своему супругу (супруге) «двойных» сообщений? Не противоречит ли сказанное словами тому, что вы одновременно сообщаете по невербальным, «несловесным» каналам — интонацией, выражением лица? Если, к примеру, вы чем-то серьезно недовольны, но, говоря об этом, улыбаетесь, это очень мешает общению.

7. Не ведете ли вы себя так, словно ваш муж или жена может читать ваши мысли? Всегда ли сообщаете, чего ждете, чего хотите, или, как это часто бывает, исходите из того, что «это само собой понятно»? На самом деле единственный путь к взаимопониманию — открыто сказать словами то, что вы на самом деле думаете.

Если вы время от времени будете задавать себе эти вопросы, то, я уверен, поймете, что же именно мешает супружескому счастью в вашей семье.

***

Вот уже три месяца Валентина занимается в группе общения в одном из кабинетов социально - психологической

помощи. В результате этих занятий в характере молодой женщины происходят перемены; происходят они медленно и даются ей нелегко, но дело идет. Валентина уже не старается во что бы то ни стало отстоять свою точку зрения, свое мнение; она начинает внимательнее прислушиваться к мнению других участников группы, не воспринимает их возражения как личную обиду. И если вначале группа встречала Валентину сдержанно, даже настороженно, то теперь в отношении к ней появляется все больше тепла, уважения, привязанности.

Другую психотерапевтическую группу стал посещать Саша. Перед участниками этой группы стоят немного иные задачи: здесь главное — научиться отстаивать свою позицию, не отступать под напором собеседника только потому, что он говорит выразительнее и громче.

Я давно не видел эту пару, но иногда мы разговариваем по телефону. Конечно, до полной гармонии в этой семье еще далеко, путь им предстоит еще долгий, но отношения между супругами улучшились заметно: ссор стало меньше, а любви больше.

Психологический практикум

1. Не считайте взаимных ошибок и промахов, не «ведите счет». Много раз я спрашивал счастливых супругов, проживших вместе десятилетия: как вам удалось сохранить любовь? И почти всегда слышал в ответ: мы не считали, сколько раз каждый был не прав!

Главное в семейном общении — вместе с партнером найти решение, которое устроит обоих, а не «поставить его на место».

2. В любом деле нужно различать крупные, глобальные цели и более мелкие, частные. Семейная жизнь не исключение. Может быть,

объективно вы и правы в том или ином споре. Но ваша победа может привести к тому, что вы много потеряете в главном — отдадитесь друг от друга. Если же вам вместе удалось найти такое решение проблемы, которое устраивает вас обоих — при всех различиях в ваших мнениях, — значит, вы близки к достижению того равновесия между взаимосвязанностью и самостоятельностью, которое и обеспечивает долгую жизнь супружеской любви.

3. Полезное и конструктивное общение в семье часто превращается в бесполез-

ный обмен словами и даже в ссоры из-за каких-то на первый взгляд невинных и незаметных, «запускающих» слов или интонаций, которые вызывают в нас обиду, раздражение или гнев, заставляют защищаться. Очень важно определить, что же это за слова. Установить это гораздо полезнее, чем просто подавлять свое раздражение в таких конфликтах, как правило, привычных.

Я знал супружескую пару, в которой обсуждение любых семейных проблем шло спокойно до тех пор, пока муж не произносил фразу: «Ну как мне тебе это объяснить?» Жена автоматически воспринимала ее как оскорбление («дурой меня считает!»); женщину охватывало раздражение, и убедить ее в чем-либо становилось совершенно невозможным. А на самом деле, как мы все вместе выяснили, ее муж, произнося злополучную фразу, имел в виду совсем другое — он себя считал косноязычным, неспособным внятно выразить мысль.

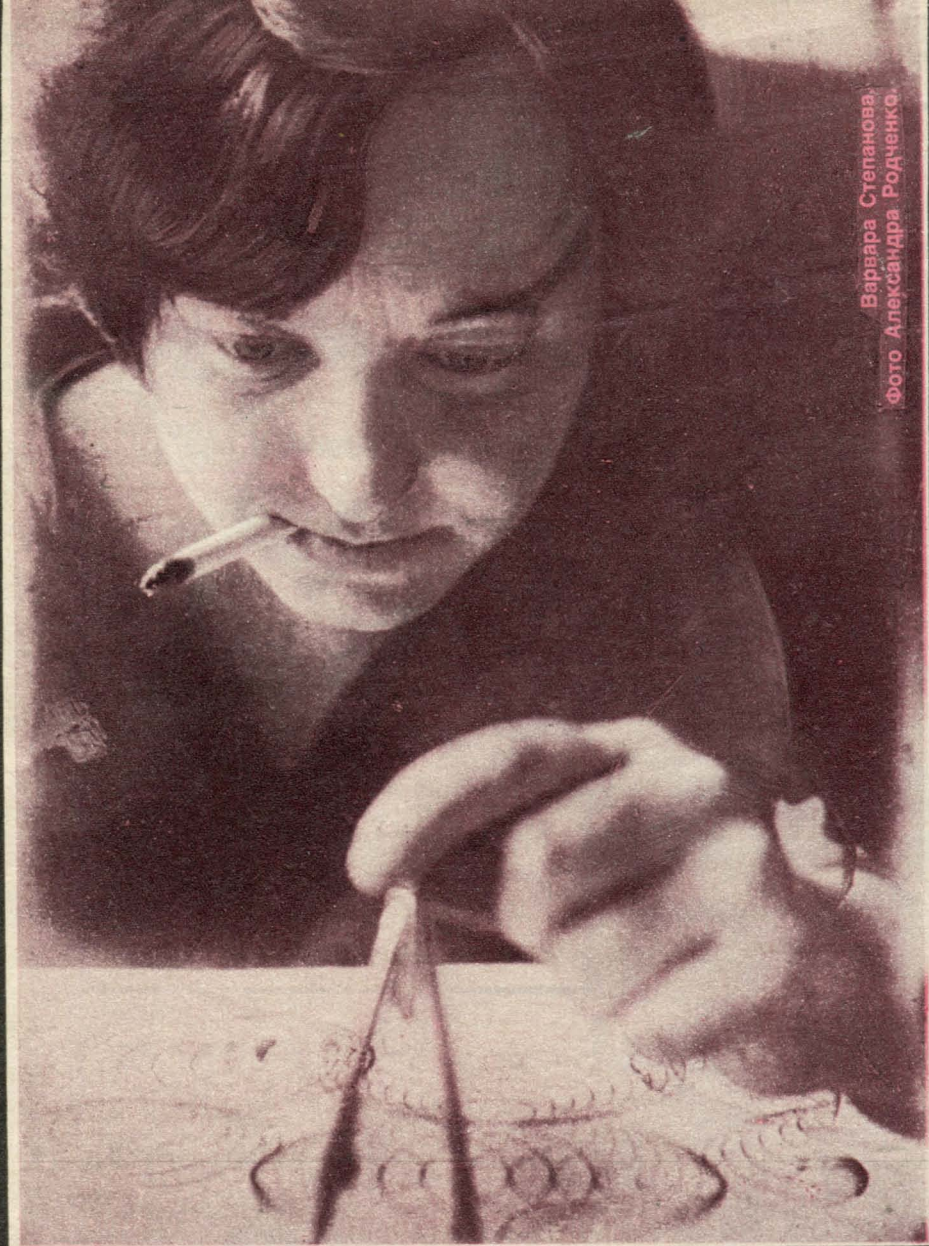
4. Очень действенный метод улучшить супружеское общение — сосредоточиться на положительных, а не на отрицательных сторонах наших проблем, особенно в тех случаях, когда мы возражаем партнеру, стремимся его переубедить. Любое выска-

зывание эффективнее, если мы формулируем его «положительным» языком. «Обязательно опусти письмо в ящик!» запоминается гораздо лучше, чем «Смотри, не забудь опустить это письмо». Чем более негативно, пугающе высказываете вы свою мысль, тем менее охотно воспримут ее ваши близкие и тем скорее они ее забудут.

5. Во многих случаях для того, чтобы улучшить общение в семье, полезно уменьшить количество слов, которыми мы обмениваемся. Как часто мы принимаем многословные и долгие разговоры за истинно глубокое общение! На самом же деле это вовсе не одно и то же. Немного помолчав — но помолчав доброжелательно, — мы даем и себе, и партнеру возможность точнее понять значение сказанного, тщательнее подобрать слова.

Чтобы сохранить супружескую любовь, важно научиться общаться на более высоком уровне, чем обычно. Обсуждать само наше общение, обсуждать то, КАК мы говорим друг с другом, ЧТО мы говорим друг другу. Не задумываясь над этим, трудно обрести умение полностью высказывать свою точку зрения и хорошо понимать, что по этому поводу думает другой.

Варвара Степанова
Фото Александра Родченко

КОНСТРУКТОР ВАРСТ

Наталья
ТРОПОЛЬСКАЯ

Может быть, вы и не интересуетесь модой. Даже если это так, уверена: наверняка замечаете красивую одежду, элегантный костюм. Посмотрите на фотографию — наша современница, модельер Елена Худякова демонстрирует сшитый ею наряд. Яркий и в то же время строгий по цветовому решению, простой и удобный; в нем можно пойти на работу и в театр... Открою секрет — этому костюму более шестидесяти лет. Не ткани — она сегодняшняя, просто тщательно подобрана в соответствии с эскизом. А эскиз этой одежды создала в двадцатые годы талантливая художница Варвара Степанова. Не правда ли, костюм хорош и сегодня?

Мода, детище жизни и искусства, возвращает нам витками спирали открытия и новшества дальних времен. Весьма эклектичная в наши дни, она допускает обращение к разным стилям и эпохам. Юбка и кофточка из

бабушкиного сундука вполне удовлетворяют модниц. Ну, а одежда, сконструированная Варварой Степановой, ткани, придуманные ею в первые годы после революции, заслужили бы одобрение женщины самого взыскательного вкуса.

Боюсь только, что нет такого сундука, из которого можно было бы их извлечь. Они уникальны, как произведения искусства, как единственные экземпляры, а порой всего лишь эскизы одежды. Хотя предназначались они для массового производства...

Варвара Федоровна Степанова (1894—1958) принадлежала замечательной плеяде советских художников-новаторов, начавших свой творческий путь в десятиные годы и не только принявших Октябрьскую революцию, но и создававших основы советского искусства, мечтавших о его высоком взлете и — что естественно — торопивших, обгонявших время.

Училась она в Казанской художественной школе, давшей русской культуре несколько замечательных имен, а затем в Москве у Константина Юона. В Казани познакомилась с художником Александром Родченко. Единомышленники и соавторы, Варвара Федоровна и Александр Михайлович прожили вместе долгую и счастливую жизнь.

Варвару Степанову интересовало многое. Она была живописцем, модельером, театральным художником, дизайнером, вместе с мужем выпускала альбомы и книги в появившейся тогда, в 20-е годы, технике фотомонтажа, в стиле конструктивизма. Писала стихи, делала рекламные плакаты на тексты Маяковского... Художников тех лет порой трудно причислить к одному «ведомству» — они работали одновременно в самых различных жанрах искусства, они чувствовали потребность творить заново не только культуру, но и быт человека нового общества.

Первой стране социализма нужно социалистическое искусство, считали они, принципиально не традиционное. Новое содержание требует новой, небывалой формы, не подсказанной природой или уже опробованной веками, а созданной рациональным умом человека-титана. Пристрастие к словам «функциональность», «конструктивность», «утилитарность» выражает саму суть, плоть искусства эпохи Октября.

Главным для новых художников стала свершившаяся революция. Ее ждали как коренную ломку всего старого уклада жизни, как переворота в мировоззрении. Такой встречало революцию авангардное искусство: «ни грана старого». Но предшествовавшие эксперименты, лабораторные — если проводить аналогии с наукой — опыты с пластическим языком, как и с поэтическим словом (вспомните ранние стихи Маяковского!), стали толчком, разбегом для теоретической программы и практического воплощения в жизнь. Ранее не облаканные критикой, да и потом, впрочем, тоже, «левые», как называли себя эти художники, в самые трудные годы становления Советской власти, в годы разрухи и гражданской войны, почувствовали, как сильно нужен их труд людям. Многие приходилось начинать «с нуля».

Ныне, наверное, трудно представить, что в огромной дореволюционной России не было фабрик, производящих одежду. Единичные зарубежные торговые фирмы, огромное количество убогих или предприимчивых кустарных мастерских и «аристократические» портные. Механизированная швейная промышленность? Массовая мода? Об этом не было и речи. Три швейные фабрики в Петрограде и Москве на всю страну к началу революции. Товарный голод на ткани и одежду — одновременно с нехваткой еды уже с начала мировой войны.

И в эти годы «левые» и, конечно, не только «левые» художники думают о том, как организовать радостный и удобный быт людей. Архитекторы проектируют фантастические и нефантастические здания с иной, чем ранее, организацией пространства — для труда и отдыха. Но для этих зданий еще нет стекла, стали и бетона. Дизайнеры, и прежде всего Александр Родченко, создают новую предметную обстановку социалистического быта — конструктивную и красивую. Но их мебель и вещи — скорее выставочные образцы. Картины и скульптуры, книги и посуда, одежда и ткани — для них все равноправно, нет ничего не принадлежащего искусству. Пожалуй, для этих «практических романтиков» быт и бытие были понятиями неразделимыми. «Искусство — в производство» — этот лозунг, выдвинутый в Институте художественной культуры группой конструктивистов, куда входила и Варвара Степанова, определяет поворот от «чистого искусства» — удела избранных — к конкретной практической деятель-

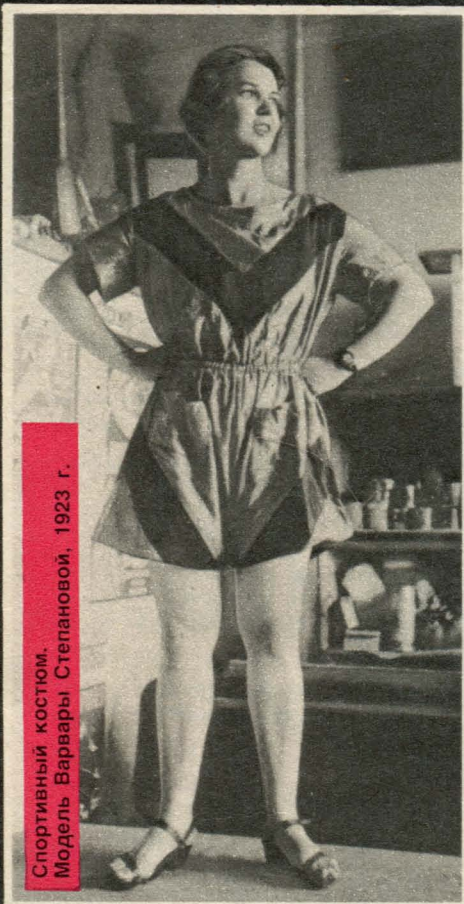

3ти модели, конструкция которых проста и функциональна, созданы в конце двадцатых — начале тридцатых годов. А реконструированы они нашей современницей художницей Еленой Худяковой, человеком творческим и увлеченным. Сама же она и демонстрирует модели.

Спортивный костюм.
Модель Варвары Степановой, 1923 г.

ности. Из мастерских — на заводы, фабрики, в цехи.

Газета «Правда» опубликовала обращение Первой ситценабивной фабрики к художникам: нужны новые рисунки для тканей. В 1921 году на «Трехгорку», бывшую Прохоровскую мануфактуру, пришли Варвара Степанова, Любовь Попова и Александр Родченко. Были сделаны первые пробные партии тканей. Результат превзошел ожидания — во время «Съезда народов» в Москве все было раскуплено. Представители Татарии и Узбекистана заказывали вагоны мануфактуры. Ткани художников-конструктивистов удовлетворяли всем требованиям — красоте, целесообразности, добротности, технологичности в производственном исполнении. И требованиям не одной России, не изжившей еще «товарного голода» — они соответствовали мировым стандартам.

На международной выставке в Париже в 1925 году Советский Союз показывал и образцы текстиля. От «нищей красной России» такого уровня, пожалуй, не ожидали. Советская экспозиция стала сенсацией. Как достижения советского декоративно-прикладного искусства в Париж были привезены и работы Варвары Степановой.

Александр Родченко, оформлявший знаменитый Рабочий клуб и интерьер советского павильона на выставке, писал Варваре Степановой: «В Париже началось очень недавно требование на все новое, и сейчас выпускают текстиль не только с тем, чему у нас так любят подражать в Москве — фантазии, — а и геометрические рисунки, я видел. Такими

же рисунками обклеены все комнаты. Ты скажи на фабрике (Трехгорной мануфактуре. — Н. Т.) — от трусости они опять плетутся сзади».

«Плелись сзади», конечно, не художники, а производственники — уж слишком непривычным казался стиль Степановой. Вместо традиционного заимствования из зарубежных журналов «фантазийных» рисунков, вместо аляповатых (совсем не народных) деревенских ситцев — веселый геометрический узор, чистые, сочные цвета, контрастное их сочетание, необычная изобретательность формы. Черное, красное, белое — все ярко и четко. Все функционально, то есть соответствует своему назначению.

Такими же были и работы модельера Степановой. В 1923 году в журнале «ЛЕФ» появляется ее статья, подписанная псевдонимом Варст: «Костюм сегодняшнего дня — прозодежда». «Прозодежда» — виды профессиональных костюмов. «Нет костюма вообще», говорила Степанова, — а есть костюм для какой-нибудь производственной функции». Основные требования к нему — не грех напомнить их сегодня тем, кто выпускает так называемую «рабочую одежду», — учет индивидуальности и рода деятельности, простота конструкции и эстетичность, красота. Такой подход к моделированию одежды Варвара Степанова пропагандировала на страницах журнала, в фабричных мастерских, на текстильном факультете ВХУТЕМАСа, профессором которого она была, и на сцене театра, где создавала костюмы для спектаклей. Она сама шила — сохранились фотографии, запечатлевшие ее в платьях собственного фасона из тканей собственного рисунка, да и Александр Родченко, улыбающийся со снимка 20-х годов, — в комбинезоне, спроектированном и сшитом Степановой. Кстати, хотя «слить искусство с производством» в те годы не удалось и мы судим о конструктивистском стиле в прикладном искусстве больше по эскизам и фотографиям, многие элементы одежды, придуманные тогда, пошли в массовое производство — комбинезоны с карманами, застежки-«молнии»... И не только элементы — именно Степанова и ее единомышленники разработали образцы спортивной одежды. Физической культуре в те годы придавалось, пожалуй, даже большее значение, чем сегодня. А принципы создания костюмов хирурга и пилота, машиниста и участника полярной экспедиции? Занимаясь ими, Степанова опережала время.

Я рассказываю только лишь о работе Варвары Федоровны в текстиле. А ведь это не сколько лет ее жизни, к тому же заполненных многими другими делами. Она жила в плотном пространстве творчества, в атмосфере горения и работы, в дружбе с Маяковским и Асеевым, Мейерхольдом и Эйзенштейном. В ее доме всегда было шумно — собирались художники и поэты, приходили студенты, учившиеся у нее и Александра Родченко. Здесь спорили о будущем страны и искусства, и творили его.

Рассказывая о совместной жизни Степановой и Родченко, я назвала ее счастливой. Ведь если люди, да еще большие люди, любят и понимают друг друга, если ничто не может разлучить их в течение нескольких десятилетий, если они живут в им придуманном веселом и дружном доме, где растет их дочь, куда приходят друзья — лучшие люди эпохи, — значит, жизнь удалась.

Создавая коллекцию, с некоторыми работами из которой могут познакомиться сегодня читатели «Работницы», я взяла элементы орнамента уже существующих тканей, созданных в 1920-е, тематика которых очень характерна: это орудия труда, заводские сооружения, вышки электропередач, самолеты, тракторы... Рисунки на ткани, выполненной в технике набойки, сильно увеличены — для создания ощущения плакатности и графичности. Почему взялась за реконструкцию моделей одежды самых ярких художниц-модельеров первых лет революции? Просто поразила выразительность и композиционное совершенство этих костюмов, их своеобразный стиль, который вполне может получить свое развитие и в наше время...

Елена ХУДЯКОВА

РАБОТНИЦА

11/87

Главный редактор
З. П. КРЫЛОВА

Редакционная коллегия:

Д. С. АКИВИС
Т. Ш. ВИРКУНЕН
В. Ф. ЖУРАВЛЕВА
М. Б. ИВАНОВ
(отв. секретарь)
Д. Т. КАРАСЕВА
Л. А. ЛЕСОВАЯ
Н. М. РИМАШЕВСКАЯ
И. В. СКЛЯР
А. М. СТЕПАНОВ
О. А. ФИЛАТОВА
(зам. гл. редактора)
Р. А. ЭЛЬДАРОВА

Главный художник
С. Ю. ВЕРЕТЕННИКОВ

Художественный редактор
И. Г. ПАНКОВ

Технический редактор
Т. Н. АБРАМОВА

Справки
по письмам: 250-57-38

Адрес редакции:
101458, ГСП, Москва, А-137,
Бумажный пр., 14.

Сдано в набор 22.09.87.
Подписано к печ. 13.10.87. А 00441.
Формат 60×90½.
Глубокая печать.
Усл. печ. л. 6,00. Уч.-изд. л. 9,56.
Усл. кр.-отт. 16,00.
Тираж 17 635 000 экз.
(1-й завод: 1—13 334 152 экз.).
Изд. № 2991. Заказ № 1327.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

